

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОННОСТЬ

7

1938

Союза этот принцип не был выдержан до конца в структуре прокурорских органов. Местные прокуратуры подчинялись прокурорам республик, которые входили в состав народных комиссариатов юстиции союзных республик. Не было общесоюзного органа, который объединял бы и направлял деятельность прокуратуры на всей территории Союза ССР.

Учреждение прокуратуры Союза ССР было в этом отношении крупным шагом вперед, хотя некоторое время после этого еще сохранялось своеобразное «двойное» подчинение органов прокуратуры Прокурору Союза и наркоматам союзных республик. С организацией Наркомюста Союза ССР прокуратуры союзных республик были выделены и целиком подчинены Прокурору Союза ССР.

1933 г., год организации Союзной прокуратуры, был замечательным годом в жизни советской страны. Это был год подведения итогов первой сталинской пятилетки, создавшей крупную социалистическую индустрию, совхозное и колхозное земледелие, обеспечившей экономическую независимость нашей родины и огромное укрепление ее обороноспособности. Народы великой советской страны уже пожинали обильные плоды своих гигантских усилий. Под руководством ленинско-сталинского Центрального комитета нашей партии шло победоносное наступление социализма на всех фронтах. Но это наступление не протекало мирным путем. Остатки эксплуататорских классов оказывали ожесточенное сопротивление.

Капиталистическое окружение засылает в наши тылы многочисленных своих агентов. Троцкисты, зинovieвцы, бухаринцы, буржуазные националисты, эти подлые псы японо-германского фашизма, обитые ягучей ненавистью к стране социализма, мечта о реставрации капитализма, организовали вредительство, диверсии, занимались шпионажем и террором, изо всех своих силенок старались напасть на советскому государству.

Враг перестроил к тому времени фронт своей борьбы против партии и советской власти. Усехи социализма лишили его какой бы то ни было массовой базы.

Всякое открытое враждебное выступление было заранее обречено на неудачу. И враг надеялся личину. Он стал действовать «тихой сапой». Двурушнически маскируясь, он проникал туда, где было слабо большевистское руководство, и исподволь вредил, пакостил, сознательно вносил путаницу и дезорганизацию, выживал честных советских людей, до конца преданных делу Ленина — Сталина, насаждал свои кадры.

На Январском пленуме ЦК и ЦКК 1933 г. товарищ Сталин разработал эту новую тактику классового врага. На этом пленуме прозвучали мудрые слова нашего вождя, предостерегавшие против самоуспокоенности, призывавшие к революционной большевистской бдительности.

«Надо иметь в виду, — говорил товарищ Сталин, — что рост мощи советского государства будет усиливать сопротивление последних остатков умирающих классов. Именно потому, что они умирают и доживают последние дни, они будут переходить от одних форм наскоков к другим, более резким формам наскоков, апеллируя к отсталым слоям населения и мобилизуя их против

Советской власти. Нет такой пакости и клеветы, которую бы эти бывшие люди не возвели на Советскую власть и вокруг которых не попытались бы мобилизовать отсталые элементы. На этой почве могут ожить и зашевелиться разбитые группы старых контрреволюционных партий эсеров, меньшевиков, буржуазных националистов центра и окраин, могут ожить и зашевелиться остатки контр-революционных оппозиционных элементов из троцкистов и правых уклонистов. Это, конечно, не страшно. Но все это надо иметь в виду, если мы хотим покончить с этими элементами быстро и без особых жертв.

Вот почему революционная бдительность является тем самым качеством, которое особенно необходимо теперь большевикам»¹.

Эти подлинно пророческие слова великого гения человечества, поднимавшие партию и весь советский народ на борьбу против недобитого и опасного врага, предостерегавшие против головокружения от успехов, против зазнайства и самоуспокоения, предначертывали весь путь дальнейшего развития советской прокуратуры, исчерпывающе определили ее задачи и программу деятельности.

На том же пленуме товарищ Сталин дал непревзойденное определение содержания революционной законности нашего времени.

«Революционная законность нашего времени, — говорил товарищ Сталин, — направлена своим острием не против крайностей военного коммунизма, которых давно уже нет в природе, а против воров и вредителей в общественном хозяйстве, против хулиганов и расхитителей общественной собственности. Основная забота революционной законности в наше время состоит следовательно в охране общественной собственности, а не в чем-либо другом.

Вот почему борьба за охрану общественной собственности, борьба всеми мерами и всеми средствами, предоставляемыми в наше распоряжение законами Советской власти, — является одной из основных задач партии»².

На мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 г. товарищ Сталин снова со всей силой подчеркнул неизбежность более острых форм борьбы остатков разбитых эксплуататорских классов против социалистического государства по мере нашего продвижения вперед. Товарищ Сталин еще раз напомнил о том, что «остатки разбитых классов в СССР неодинок. Они имеют прямую поддержку со стороны наших врагов за пределами СССР... «...Необходимо, — говорил товарищ Сталин, — помнить все это и быть на-чеку»³.

Вновь организованная союзная прокуратура была вооружена четкими и исчерпывающими указаниями товарища Сталина, которые были ведущим началом в ее работе в истекшем пятилетии.

Центральное место в работе органов прокуратуры в этот период занимала борьба с врагами

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10, стр. 510.

² Там же, стр. 509.

³ Сталин, Доклад на Пленуме ЦК ВКП(б) 3—5 марта 1937 г., стр. 21.

социализма, троцкистско-бухаринскими и всякими иными наемниками фашизма, расхитителями социалистической собственности, злостными нарушителями советской законности. Осуществляя надзор за следствием, организуя и направляя работу собственного следственного аппарата, разоблачая в судебных выступлениях хищное, злодейское лицо врага, наша прокуратура всемерно помогала славной советской разведке в ее самоотверженной работе по очищению советского тыла от шпионов, диверсантов, вредителей и террористов.

Общезвестна кассальная работа, проделанная советской прокуратурой на судебных процессах троцкистско-зиновьевского террористического центра, антисоветского троцкистского центра и антисоветского «право-троцкистского блока» и ряд других.

Устами государственного обвинения на этих процессах звучали чувства и мысли народов советской страны, облитых священным гневом против изменников родины, звучал пламенный протест всего передового и прогрессивного человечества против фашистских злодеяний, звучала несокрушимая мощь советского государства, полного решимости уничтожить без остатка эту банду озверевших убийц.

Руководствуясь указаниями товарища Сталина о лице современного троцкизма, который давно перестал быть политическим течением в рабочем классе, а превратился в беспринципную и безыдейную банду шпионов, диверсантов, вредителей и убийц, государственный обвинитель показал на этих процессах всему миру подлинную сущность этой злобной кучи человеческих отбросов.

На этих процессах государственному обвинению удалось поднять на огромную высоту знамя советской прокуратуры, ибо его устами гласила правда социализма, правда светлого будущего всего человечества. В речах государственного обвинителя на этих процессах были выражены кровные интересы счастливого семидесяти-миллионного советского народа, завоевавшего под руководством нашей партии власть в Октябре 1917 г., отстоявшего свои завоевания в кровопролитных боях гражданской войны против помещиков и капиталистов всего мира, построившего социалистическое общество в условиях капиталистического окружения, сплоченного вокруг нашей партии и товарища Сталина и готового дать сокрушительный отпор любому покушению на завоевания социализма, свободу и независимость страны советов.

С полным основанием мог т. Вышинский заявить в своей обвинительной речи на процессе троцкистско-зиновьевского террористического центра: «Весь народ поднялся на ноги при первом сообщении об этом кошмарном злодействе. Весь народ трепещет и негодует. И я как представитель государственного обвинения присоединяю и свой возмущенный, негодующий голос государственного обвинителя к этому гулу миллионов!»¹

Истина, неподдельная и неподкупная, звучала в заключительных словах т. Вышинского на процессе антисоветского троцкистского центра: «Я

обвиняю не один! Я обвиняю вместе со всем нашим народом, обвиняю тигчайших преступников, достойных одной только меры наказания — расстрела, смерти!»²

Несокрушимая воля великого советского народа, его единодушное требование нашли свое выражение в словах государственного обвинителя на процессе антисоветского «право-троцкистского блока». «Вся наша страна, от малого до старого, ждет и требует одного: изменников и шпионов, продавших врагу нашу родину, расстрелять, как поганных псов! Требует наш народ одного: раздавите проклятую гадину!»³

Советская прокуратура — единственная прокуратура в мире, которая с полным правом и основанием действует именем народа. Это — огромное преимущество, большая привилегия. Советский народ любит свою прокуратуру, доверяет ей. Советская прокуратура облечена большими правами и большим доверием, это ко многому обязывает работников прокуратуры.

Сталинская Конституция подняла значение органов прокуратуры на огромную высоту. Ст. 113 Конституции возлагает на Прокурора Союза ССР «высший надзор за точным исполнением законов всеми народными комиссариатами и подведомственными им учреждениями, равно как отдельными должностными лицами, а также гражданами СССР». Соответственно этой важнейшей политической задаче Конституция устанавливает порядок назначения и подчинения прокуроров.

Назначение прокуроров — от республиканского до районного — сосредоточивается в руках Прокурора Союза, который назначается Верховным Советом Союза сроком на семь лет. В ст. 117 Конституции четко зафиксированы независимость органов прокуратуры от каких бы то ни было местных органов и их подчинение только Прокурору Союза ССР.

Таким образом, Сталинская Конституция относит прокуратуру видное и ответственное место в государственной системе, как органу революционной законности, призванному обеспечить единое понимание и применение законов на всей территории СССР. Советская прокуратура является важнейшим инструментом, боевым оружием социалистического государства рабочих и крестьян, призванным метко разить врагов социализма, бороться с беззакониями, воспитывать членов социалистического общества в духе уважения к правилам социалистического общежития, в духе социалистической дисциплины, способствовать скорейшему изживанию пережитков капитализма в сознании людей.

Ни в одной стране в мире прокуратура не поставлена на такую высоту как в стране советов и не облечена столь обширными полномочиями. Буржуазная прокуратура — это полицейско-чиновничий аппарат, охраняющий интересы денежного мешка, действующий в интересах буржуазии против интересов трудящихся, враждебный народу и противостоящий ему как составная часть буржуазной государственной машины.

Советская прокуратура есть плоть от плоти и кровь от крови советского народа. В интересах

¹ А. Я. Вышинский. Судебные речи, стр. 391.

² Там же, стр. 446.

³ Там же, стр. 518.

своего народа, в интересах социализма она решает задачи, возложенные на нее партией и советским правительством. Задачи эти сложны и многообразны. Они требуют мощных усилий всего коллектива работников прокуратуры.

Главная задача сегодняшнего дня состоит в том, чтобы еще большим повышением революционной бдительности, овладением большевизмом, политической закалкой прокурорских кадров обеспечить дальнейшую беспощадную борьбу со всякого рода враждебными элементами, с троцкистско-бухаринской, буржуазно-националистической и всякой иной агентурой иностранных разведок. Первейшим условием решения этой задачи является полное очищение наших собственных прокурорских рядов от враждебных элементов, от всякого рода политически обанкротившихся и скомпрометированных людей и смелое выдвижение новых молодых талантливых кадров на ответственную прокурорскую работу. В этом отношении в последнее время проделана громадная работа. Вскрыты и разгромлены основные вражеские гнезда в органах прокуратуры. Успешно ликвидируются последствия вредительства. Тысячи новых людей выдвинуты за короткое время на руководящие посты. Ведется неустанная работа по повышению политического и юридического уровня прокуроров и следователей.

Но этого еще недостаточно. Чтобы качество работы органов прокуратуры повышалось с каж-

дым днем, чтобы окончательно изжить крупные недостатки прокурорской работы, необходима упорная и повседневная учеба прокурорских кадров. Не приходится скрывать, что политический, юридический и общекультурный уровень очень многих наших работников очень низок. Многие работники не понимают, что без овладения большевизмом, без овладения великим учением Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина, марксистско-ленинским учением о праве, без повышения своего культурного уровня им не решить своих задач.

Советская прокуратура выросла за это пятилетие политически и организационно. Под руководством ленинско-сталинского центрального комитета партии и советского правительства она непрерывно растет и совершенствуется, внутренне очищаясь от всего враждебного, чуждого, гнилого, наносного, пополняясь новыми молодыми силами, закаляясь в борьбе с врагами народа.

Центральный комитет нашей партии и наше правительство уделяют много внимания прокуратуре, заботятся о пополнении ее кадров достойными людьми, об укреплении ее материальной базы. Обязанность каждого работника прокуратуры заключается в том, чтобы оправдать это высокое доверие, ответить на эту заботу подлинно большевистской работой, подлинно большевистской борьбой за великое дело партии Ленина — Сталина, за коммунизм!

А. РАХЛИН

Главная Военная Прокуратура за 5 лет существования Прокуратуры СССР

В истории военной прокуратуры 1933 г. является переломной датой. В 1933 г. была создана единая, централизованная система прокуратуры, в которую главная военная прокуратура вошла как неразрывное составное звено. Организация Прокуратуры Союза ССР создала все необходимые условия для перестройки работы военной прокуратуры.

До создания единой союзной прокуратуры главная военная прокуратура (ГВП) входила (под названием «центральной военной прокуратуры») в систему прокуратуры Верховного суда Союза ССР. Прокуратура Верховного суда, как известно, не имела подчиненной себе периферии. Единственным централизованным аппаратом этой прокуратуры, имевшим в масштабе Союза ССР разветвленную периферию, была так называемая Центральная военная прокуратура, возглавлявшаяся старшим помощником прокурора Верховного суда СССР по военной прокуратуре и военной коллегии Верховного суда. Такая организационная структура приводила на практике к известному отрыву военной прокуратуры от территориальных прокурорских органов и тем самым создавала некоторый разрыв в работе территориальных и военных прокуроров.

Создание Прокуратуры Союза ССР устранило этот разрыв. В организационном отношении Главный военный прокурор в качестве старшего помощника Прокурора Союза ССР возглавлял в центральном аппарате Союзной прокуратуры отдел военной прокуратуры. В оперативном отношении решения и постановления военной прокуратуры стали контролироваться Прокурором Союза ССР, действующим на основе общих для всей прокурорской системы законов процессуального и материального права.

Эта новая, централизованная организационная структура обеспечила единство прокурорской политики.

Подчинение военной прокуратуры только Прокурору Союза ССР укрепило независимость военной прокуратуры от ведомственных военных органов и этим самым укрепило ее позиции в борьбе за социалистическую законность в РККА.

Большое значение для органов военной прокуратуры имело достигнутое при объединении прокуратуры единство толкования вопросов процессуального и материального права и укрепление связей военной и территориальных прокуратур.

Консолидация органов прокуратуры сыграла крупную роль особенно в последние годы, когда борьба с врагами народа приняла крайне обо-

странный характер. Не подлежит сомнению, что объединение прокурорских органов под единым руководством обеспечило наилучшую концентрацию сил прокуратуры и эффективность прокурорского надзора в борьбе с врагами народа.

В области руководства следствием военная прокуратура получила возможность опереться в своей работе на сильный методический аппарат Союзной прокуратуры, возглавляемый методическим советом при Прокуроре СССР. Для подготовки военно-юридических кадров открылась возможность привлечь квалифицированные научные силы из обслуживающих Прокуратуру СССР научно-исследовательских институтов. Прокуратура Союза ССР предоставила военной прокуратуре новые источники комплектования военно-прокурорских кадров, особенно — на военное время.

Все это вместе взятое создало благоприятные условия для выполнения военной прокуратурой ответственных задач, поставленных перед ней партией и правительством.

Из всех этих задач — центральной и основной задачей являлось и является осуществление прокурорской деятельности в рабоче-крестьянской Красной армии.

* * *

В истории рабоче-крестьянской Красной армии истекшее пятилетие было периодом грандиозной технической реконструкции. Огромные успехи социалистического строительства создали в нашей стране мощную техническую базу, позволившую перестроить Красную армию и перевооружить ее новейшей боевой техникой. Этот процесс перестройки и технического перевооружения РККА происходил в весьма ограниченные исторические сроки. Естественно, что основной задачей, стоявшей перед Красной армией, было — осуществить эту перестройку таким образом, чтобы ни на минуту не ослабить боевую готовность РККА, освоить в минимальные сроки и с минимальными затратами сложнейшие технические средства, огромным потоком хлынувшие в РККА, оседлать эту технику, научиться ею владеть в совершенстве.

Выполнение этой трудной исторической задачи требовало, прежде всего, дальнейшего, еще более мощного укрепления военной дисциплины, требовало самоотверженного труда, воспитания новых культурных навыков среди сотен тысяч бойцов и командиров, требовало величайшей организованности всего личного состава, от рядовых бойцов до начальников всех степеней. Рабоче-крестьянская Красная армия, руководимая сталинским наркомом К. Е. Ворошиловым, при повседневном внимании и заботах товарища Сталина преодолела все трудности, стоявшие на ее пути, и блестяще справилась с выполнением этой задачи. Красная армия заняла одно из первых мест в мире как по своей структуре, так и по вооружению, и по технической выучке личного состава.

Военная прокуратура включилась вместе с командованием и политорганами в борьбу за выполнение этой задачи.

Необходимо было, прежде всего, вести упорную повседневную борьбу с элементами недисциплинированности среди некоторой части личного состава, пришедшего в армию с навыками мелкобуржуазной разболтанности и распущенно-

сти. Задача заключалась не только в том, чтобы привлечь виновных к уголовной ответственности, но главным образом в том, чтобы морально изолировать виновников, создать атмосферу общественного осуждения недисциплинированных бойцов и командиров, поднять против них общественное мнение и, тем самым, на минимальном количестве судебных процессов воспитывать массы в духе железной революционной дисциплины, организованности и порядка. Это была трудная задача. Она требовала бережного отношения к самому ценному капиталу Красной армии — к ее кадрам бойцов и командиров и одновременно умения нанести меткий и организованный судебный удар там, где он был необходим. Само собою разумеется, что меткость и организованность судебной репрессии достигались совместными усилиями военной прокуратуры и военных трибуналов, с одной стороны, и командованием и политорганами — с другой.

Производя расследование уголовных дел, военная прокуратура не ограничивалась расследованием преступлений и выявлением виновных. Она изучала причины, прямые или косвенные, способствовавшие преступлению, вскрывала недостатки в жизни части, благоприятствовавшие его совершению, и добивалась от командования их устранения.

Военная прокуратура практиковала обобщение материалов дел и дознаний по определенной категории преступлений или по определенным воинским частям и представляла командованию и политорганам конкретные выводы и предложения, имевшие целью предупредить возможность повторения отрицательных явлений.

Не подлежит сомнению, что совокупностью всех этих мероприятий военной прокуратуры, при всех серьезных недостатках ее работы и при неравномерности качества работы отдельных ее органов, удалось оказать руководству РККА известную помощь в деле перестройки РККА и быстрого овладения новой, мощной боевой техникой.

Укреплению боевой мощи РККА, ее организационной перестройке и перевооружению всячески препятствовали проникшие в ее ряды презренные агенты фашистских разведок — гамаки, уболевичи, якиры и прочая контрреволюционная сволочь. Военная прокуратура приняла активное участие в очистке РККА от последней этой шпионской банды, от всех антисоветских сил, которые протянули свои грязные лапы к РККА. В этой борьбе военно-прокурорские кадры получают крепкую закалку, учатся разоблачать врагов, срывать с них маски, беспощадно их выкорчевывать и уничтожать. Органы военной прокуратуры твердо стоят на посту, оберегая Красную армию от врагов народа, укрепляя ее боевую мощь и политико-моральное состояние.

Укрепление независимости военной прокуратуры от ведомственных армейских органов, явившееся результатом подчинения военной прокуратуры только Прокурору Союза ССР, обеспечило военной прокуратуре возможность усиления эффективности надзора за социалистической законностью в РККА. Надзор за законностью осуществляется в РККА не только путем опротестования незаконных приказов командования. Не менее вредными, чем незаконные приказы, являются и незаконные устные распоряжения, особая опасность которых заключается в том,

что они менее заметны и не так привлекают к себе внимание. Только тесная связь с военными комиссарами, политорганами, парторганизациями и красноармейскими массами дает военной прокуратуре возможность получать своевременную информацию о малейшем нарушении закона и вовремя опротестовывать незаконное распоряжение. Огромное значение в этом отношении приобретает правильный подход военных прокуроров к красноармейским жалобам. Дело заключается не только в том, чтобы удовлетворить законное требование жалобщика и даже не только в том, чтобы наказать виновника нарушения прав красноармейца и командира. Дело заключается и в том, чтобы уметь в необходимых случаях за «мелкой» индивидуальной жалобой усмотреть незаконную практику, увидеть сигнал о неблагополучии в части, расследовать этот сигнал и добиться устранения незаконных действий не только в отношении данного жалобщика, но и других лиц, которые затронуты или могут быть затронуты этой незаконной практикой. В тех органах военной прокуратуры, которые по настоящему связались с массами, которые работают не только в кабинетах, но и в воинских частях, и правильно реагируют на красноармейские жалобы — надзор за законностью реализует именно эти широкие превентивные цели.

Военная прокуратура практикует организацию в воинских частях стационарных и выездных юридических консультаций, иногда — с привлечением членов коллегий защитников. Консультации бывают целевыми, на определенные темы, например, на тему о дисциплинарной ответственности военнослужащих, и индивидуальными, когда любой военнослужащий приходит со своим вопросом и получает на него ответ.

Формы правовой политической работы военной прокуратуры не ограничиваются только консультациями. Представители военной прокуратуры делают в воинских частях доклады на правовые темы, например, об уголовной, дисциплинарной и материальной ответственности военнослужащих, о защите социалистического отечества, воинском долге и обязанностях военнослужащих, о льготах и т. п. Военные прокуроры и следователи выступают на красноармейских собраниях и совещаниях нацсостава с материалами уголовных дел, вскрывая по этим материалам те или иные недостатки. В последнее время, с ликвидацией в армейской печати ландовского вредительства, военная прокуратура приняла более активное участие в красноармейской печати, в том числе и в Ц. О. НКО и НКМФ «Красная звезда» и «Красный флот».

В ближайшее время, с организацией красноармейских товарищеских судов и товарищеских судов командиров, военная прокуратура установит с ними контакт для координации своей работы с этими организациями красноармейской и командирской общественности.

Враги народа — тухачевско-гамарниковские бандиты, пролезшие в РККА, пытались всеми мерами оторвать прокуратуру от армии, нарушить координацию действий командования и политорганов, с одной стороны, и прокуратуры и трибунала — с другой. Этим вражеским махинациям способствовали контрреволюционные вредители, проникшие в ряде участков на работу в военную прокуратуру. Подлые эти предатели прилагали все усилия к тому, чтобы замкнуть прокурора и следователя в их кабинете, выхолостить

живое политическое содержание из работы военной прокуратуры.

Перед военной прокуратурой стоит задача — в кратчайшие сроки ликвидировать последствия этого вредительства. Беспощадно очищая свои ряды от врагов народа, военная прокуратура все более и более включает свою работу в систему армейской политической работы, все более становится боевым политическим органом, помогающим руководству Красной армии крепить железную революционную дисциплину в РККА, повышать ее боевую готовность.

* * *

Истекшее пятилетие было периодом последовательного расширения компетенции и сферы надзора военной прокуратуры.

«Положение о военных трибуналах и военной прокуратуре», утвержденное постановлением ЦИК и СНК СССР от 20 августа 1926 г. (С. З. 1926 г. № 57, ст. ст. 412 и 413), ограничивало поднадзорность военной прокуратуре воинскими преступлениями и некоторыми государственными, должностными и имущественными преступлениями, совершенными военнослужащими рабоче-крестьянской Красной армии и флота с обязательным притом условием, что эти преступления угрожают крепости и мощи РККА или военной дисциплине. Этот принцип — сосредоточение в руках военной прокуратуры надзора за делами о преступлениях, совершаемых военнослужащими, не подвергавшимся в течение 8 лет сколько-нибудь существенному пересмотру.

В феврале 1934 г., впервые за время существования военной прокуратуры, в поднадзорность ей были переданы крупные категории дел о преступлениях, совершенных лицами, не состоящими в рядах рабоче-крестьянской Красной армии. Законом от 27 февраля 1934 г. (С. З. 1934 г. № 12, ст. 76) в поднадзорность военной прокуратуре были переданы дела о преступлениях воинских, ряда государственных и должностных, совершаемых лицами строевого и административно-хозяйственного состава военизированной охраны и военизированной пожарной охраны предприятий и сооружений, имеющих особое государственное значение, лицами оперативно-строевого и административно-хозяйственного состава рабоче-крестьянской милиции, лицами оперативного и административно-хозяйственного состава неправильно-трудовых учреждений и работниками экспедиции подводных работ (ЭПРОН).

Постановлением ЦИК и СНК СССР от 11 апреля 1934 г. была установлена подсудность военным трибуналам и, следовательно, поднадзорность военной прокуратуре, должностных преступлений начальствующего состава гражданского воздушного флота (С. З. 1934 г. № 20, ст. 164). Через полгода — 7 декабря 1934 г. на лиц начальствующего состава гражданского воздушного флота было распространено действие «Положения о воинских преступлениях» (С. З. 1935 г. № 1, ст. 4).

7 октября 1934 г. была установлена подсудность военным трибуналам и, следовательно, поднадзорность военной прокуратуре должностных преступлений работников воздушной службы Главного управления северного морского пути при СНК СССР (С. З. 1934 г. № 5, ст. 403).

Постановлением ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1935 г. на военную прокуратуру был возложен общий надзор за законностью действий органов гражданского воздушного флота Союза ССР, независимо от их подведомственности (С. З. 1935, № 43, ст. 359-а).

Кроме того особыми законодательными актами в поднадзорность военной прокуратуре были переданы дела о преступлениях должностных лиц военизированных органов транспорта и связи.

Все эти законодательные акты значительно расширили круг действия военной прокуратуры, потребовали известного увеличения ее аппарата и привлечения к ее работе новых кадров военных прокуроров и следователей. Кроме организационной работы, связанной с подбором этих кадров, укомплектованием и организацией новых своих органов, военной прокуратуре пришлось проделать большую работу по изучению учреждений, переданных ей в поднадзорность, ознакомлению с практикой, методами и техникой их работы. Здесь не обошлось без известных трудностей и шероховатостей. С одной стороны, нельзя было ни на минуту ослабить работу в Красной армии и, следовательно, нельзя было перекладывать на работу в военизированных организациях сколько-нибудь значительное количество кадровых военных прокуроров и следователей. С другой стороны, необходимость укрепления военной дисциплины в этих организациях требовала привлечения к их обслуживанию опытных военных прокуроров и следователей, прошедших большую школу военно-прокурорской работы, воспитанных в условиях Красной армии, в духе железной революционной воинской дисциплины. Это «противоречие» было ликвидировано военной прокуратурой не без труда и, возможно, не без ущерба для некоторых участников работы военной прокуратуры.

При всех этих (а также и ряде других) трудностях и недостатках, военная прокуратура в основном справилась с новыми ответственными заданиями правительства.

В гражданском воздушном флоте военная прокуратура вела упорную и систематическую борьбу с недисциплинированностью, распущенностью, расхлябанностью известной части летного и наземного персонала, за безаварийность и выполнение планов воздушных перевозок. Мероприятия военной прокуратуры помогли командованию ГВФ в известной мере очистить его ряды от пробравшихся в них антисоветских и дезорганизаторских элементов, укрепить дисциплину и внутренний порядок в территориальных управлениях ГВФ и на линиях. Аварийность в ГВФ значительно сократилась, но она все еще высока. Борьба за дисциплину в ГВФ далеко еще не закончена. Она требует неослабного напряжения сил военной прокуратуры, высокой революционной бдительности, дальнейшей упорной повседневной работы.

Работа военной прокуратуры в других военизированных организациях и особенно в органах милиции была направлена в сторону укрепления в них военной дисциплины, борьбы с должностными преступлениями и очищения этих органов от чуждых и примазавшихся к ним элементов. Значительная работа, проделанная военной прокуратурой в военизированных организациях, несомненно способствовала серьезному оздоровлению их работы, уменьшению количества долж-

ностных преступлений, укреплению в них дисциплины. Разумеется, что работа военной прокуратуры в этих органах ни в какой мере не может быть ослаблена. Наоборот, все увеличивающиеся требования правительства к этим организациям диктуют необходимость всемерного усиления в них прокурорской работы.

* * *

Наиболее ответственные задачи были возложены на военную прокуратуру законом от 10 июля 1934 г. «О рассмотрении дел о преступлениях, расследуемых Народным комиссариатом внутренних дел Союза ССР» (С. З. 1934 г. № 36, ст. 284). Согласно ст. 2 этого закона «расследуемые Народным комиссариатом внутренних дел Союза ССР и его местными органами дела об измене родине, о шпионаже, терроре, взрывах, поджогах и иных видах диверсий (ст. 6, 8 и 9 Положения о преступлениях государственных), подлежат рассмотрению военной коллегии Верховного суда Союза ССР и военных трибуналов округов по подсудности», и, следовательно, поднадзорны военной прокуратуре. Законом от 1 декабря 1934 г. был установлен особый порядок рассмотрения дел о террористических преступлениях, возложивший на органы военной прокуратуры «исключительную ответственность за правильное привлечение к уголовной ответственности лиц, подпадающих под действие этого постановления» (Вышинский).

Издание этих законов возложило на военную прокуратуру чрезвычайно серьезную работу в области охраны государственной безопасности. Закон от 10 июля 1934 г. распространил компетенцию военной прокуратуры на широкий круг дел о государственных преступлениях, независимо от их отношения к военизированным организациям.

Военная прокуратура приступила к выполнению этой работы в острейший период борьбы нашего социалистического отечества против право-троцкистских бандитов, агентов иностранных разведывательных органов. «Злодейское убийство товарища Кирова было первым серьезным предупреждением, говорящим о том, что враги народа будут двурушничать и, двурушничая, будут маскироваться под большевика, под партия, для того, чтобы втереться в доверие и открыть себе доступ в наши организации» (Сталин). Затем последовали судебные процессы Ленинградского троцкистского центра, процесс Зиновьева — Каменева, процесс зиновьевско-троцкистского блока, процесс участников военно-фашистского заговора Тухачевского — Якира и др. и, наконец, прошедший в этом году процесс право-троцкистского блока.

Каждый из этих судебных процессов был своеобразной вехой в истории борьбы советского народа с врагами революции, вехой, отмечавшей дальнейшее обострение классовой борьбы в нашей стране. «Теперь, я думаю, ясно для всех, — говорил товарищ Сталин на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 г., — что нынешние вредители и диверсанты, каким бы флагом они ни маскировались, троцкистским или бухаринским, давно уже перестали быть политическим течением в рабочем движении, что они превратились в беспринципную и безыдейную банду профессиональных вредителей, диверсантов, шпионов, убийц. Понятно, что этих господ

придется громить и корчевать беспощадно, как врагов рабочего класса, как изменников нашей родины»¹.

Это указание товарища Сталина было руководящей директивой во всей работе военной прокуратуры.

Вооруженная решениями XVII съезда ВКП(б) и решениями февральско-мартовского 1937 г. и январского 1938 г. пленумов ЦК ВКП(б), военная прокуратура вместе с органами НКВД провела огромную работу по выкорчевыванию и разгрому троцкистско-бухаринских и националистических бандитов, диверсантов, шпионов и убийц.

Основные гнезда троцкистско-бухаринской контрреволюции в нашей стране разгромлены. Но работа военной прокуратуры, разумеется, еще далеко не закончена. «...Пока существует капиталистическое окружение,— учит нас товарищ Сталин,— будут существовать у нас вредители, шпионы, диверсанты и убийцы, засылаемые в наши тылы агентами иностранных государств»².

Работники военной прокуратуры крепко запомнили это указание товарища Сталина. Поставленные волею партии и правительства на передовые форпосты борьбы с контрреволюцией, они не успокаиваются на достигнутом, не зазнаются, а попрежнему, с неутомимой энергией, со страстной ненавистью к врагам народа, продолжают свою трудную, но благодарную и радостную работу.

* * *

Задачи, стоящие перед органами военной прокуратуры, определены приказом Прокурора Союза ССР т. Вышинского за № 574/25 от 1 июня 1938 г.

Существенные недостатки прокурорской и следственной работы, вскрытые и проанализированные в этом приказе, имеют место и в работе военной прокуратуры. В следственной, судебной работе и в работе по общему надзору многие военные прокуроры и следователи работают плохо, зачастую хуже территориальных прокуроров и следователей.

Первейшей обязанностью каждого военного прокурора является, поэтому, упорная работа по выполнению приказа Прокурора Союза ССР.

Центральный комитет партии поставил перед Красной армией задачу большевизации политического аппарата, партийной организации и всей Красной армии.

Военная прокуратура может способствовать выполнению этой задачи только при одном условии: большевизации ее собственных рядов.

Большевизация военной прокуратуры означает, прежде всего, подбор большевистски проверенных кадров военных прокуроров и следователей, преданных до конца Сталинскому Центральному комитету ВКП(б) и товарищу Сталину. Задача заключается в том, чтобы выкорчевать из военной прокуратуры проникших в ее органы подлых изменников родины и уничтожить это фашистское отребье без остатка. Для этого надо еще выше поднять революционную бдительность, систематически овладевать большевизмом, непрерывно изучать кадры, проверять в повседневной

практической работе, как они борются с врагами народа.

Надо смелее выдвигать на руководящую военнопрокурорскую работу свежую, инициативную, талантливую молодежь, беспредельно преданную партии Ленина — Сталина, не дать ей застояться, конкретно руководить вновь выдвинутыми молодыми товарищами, помочь им овладеть большевизмом и искусством руководства.

В связи с массовым выдвижением на руководящую работу низовых кадров, со всей остротой возникает вопрос об их переподготовке, обучении, воспитании. Большим недостатком в работе Главной военной прокуратуры является сравнительно небольшое внимание, уделяемое ею этому серьезнейшему вопросу. Нам представляется необходимым создание в Главной военной прокуратуре небольшой группы квалифицированных методистов, которые под общим руководством методического совета при Прокуроре СССР займутся изданием методических пособий в области следственной и прокурорской работы, инструктажем молодых товарищей, практической помощью в их работе и вопросами их переподготовки.

Большевизация военной прокуратуры означает, далее, осуществление всеми военными прокурорами и следователями правильной политической линии, неустанной работы над полным искоренением из Красной армии всех остатков разгромленных контрреволюционных банд, всех антисоветских сил, пытающихся подорвать боевую мощь РККА и ослабить ее политико-моральное состояние.

Веда систематическую борьбу с врагами народа, военная прокуратура должна неуклонно следить за тем, чтобы ни один невинный командир или боец Красной армии не пострадал. В этой борьбе надо уметь отличать путаника от контрреволюционера, вялого командира от саботажника, неумелого, неспособного командира или хозийственника от вредителя.

Военные прокуроры, не умеющие или не желающие бороться с врагами, точно так же, как и военные прокуроры «перестраховщики» и карьеристы, должны безжалостно изгоняться из рядов военной прокуратуры.

Большевизация военной прокуратуры означает дальнейшее насыщение всей работы военных прокуроров и следователей политическим содержанием, дальнейшее укрепление связей военной прокуратуры с военными комиссариатами, политорганами, парторганизациями РККА, красноармейскими массами.

Мы уже говорили о формах политической работы военной прокуратуры. Эту работу надо всемерно развернуть. Здесь мы обратим внимание только на один отстающий участок военнопрокурорской работы. Речь идет о работе в суде. Это факт, что после неудачного выступления одного военного прокурора в судебном процессе командованию пришлось развернуть специальную разъяснительную работу.

Прокурор Союза ССР т. Вышинский указал в своем приказе, что, «как правило, судебная работа прокуроров в настоящее время еще не организована, бессистемна и носит случайный эпизодический характер». В результате «прокурор не знает работы суда, теряет связь с массами, и живая, яркая публичная деятельность советского прокурора как представителя государственного обвинения на суде исчезает».

¹ Сталин, Доклад на пленуме ЦК ВКП(б) 3—5 марта 1937 г., стр. 23.

² Там же, стр. 10.

Эту справедливую критику многие военные прокуроры должны принять по своему адресу, как и указание т. Вышинского о допускаемых прокурорами на суде нарушениях процессуальных норм, тенденциозности, неумении вести судебное следствие, неумении публично выступать.

Большевизация военной прокуратуры означает и большевизацию методов руководства и, в первую очередь, организацию проверки исполнения приказов и инструкций. В этом отношении дело все еще обстоит неудовлетворительно и в Главной военной прокуратуре, и в военных прокуратурах округов и флотов. Отсутствие проверки исполнения приучает людей к недисциплинированности и разболтанности. А без железной дисциплины в рядах военной прокуратуры невозможно выполнение ответственных поли-

тических задач, возложенных на нее партией и правительством.

* * *

Оглядываясь на путь, пройденный военной прокуратурой за истекшее пятилетие, можно сказать, что многое сделано, но еще больше остается сделать. Много крупных недостатков имеется в работе военной прокуратуры. Нет сомнения, что они будут устранены. Порукой этому является несокрушимая верность личного состава военной прокуратуры Сталинскому Центральному комитету ВКП(б) и товарищу Сталину и закалка, которую кадры военных прокуроров и следователей приобретают в борьбе с врагами народа.

Б. ШАВЕР

Методическая работа в области следствия Прокуратуры Союза ССР

Повышение качества расследования всегда было важнейшей задачей прокуратуры. Эта борьба за качество велась непрерывно с первых дней организации прокуратуры. Однако далеко не сразу были найдены правильные пути, следуя по которым, можно было бы обеспечить достаточную эффективность этой борьбы.

Руководство следствием в первые годы после организации прокуратуры, в основном, осуществлялось посредством надзора за расследованием отдельных дел.

Характер и степень участия прокуратуры в следственной работе в значительной степени определялись самим местом следственного аппарата в системе органов юстиции. То обстоятельство, что следователи находились при суде, сказалось на формах и методах участия прокуратуры в следственной работе; это участие, в конечном счете, ограничивалось надзором за законностью действий следователя, за правильностью расследования по отдельным делам. Суды же свое руководство следствием ограничивали общим административным руководством.

Ознакомление с директивами, касающимися следственной работы, изданными за период с 1922 г. по 1926 г., свидетельствует о том, что основное внимание уделялось вопросам процессуальным, что вопросы, касающиеся методического руководства следствием, вопросы методики расследования вовсе выпадали из поля зрения суда, прокуратуры и Наркомюста.

Содержание директив, посвященных вопросам расследования, изданных Наркомюстом с 1922 по 1926 г. г., ярко характеризует то направление, по которому шла борьба за качество расследования в этот период времени.

Небезынтересно будет дать перечень важнейших директив того времени, посвященных вопросам расследования.

16 апреля 1923 г. издан циркуляр «О посылке судебнo-следственными органами в места заключения постановлений об освобождении из-под

стражи заключенных только через установленные законом органы».

26 апреля 1923 г. издан циркуляр «О порядке вызова для допроса судебными и следственными органами служащих ж.-д. транспорта».

19 мая 1923 г. издан циркуляр «О правилах для органов прокуратуры при производстве предварительного следствия по делам, подсудным Верховному суду».

26 апреля 1923 г. издан циркуляр «Об указании при квалификации того или иного преступного деяния в обвинительном заключении только той из квалифицирующих данное преступление статьи Уголовного кодекса, которая содержит наиболее серьезную карающую санкцию».

15 июня 1923 г. издан циркуляр «О порядке допроса в отдаленности от местожительства нарследователей».

1 ноября 1923 г. издан циркуляр «О порядке выемок представителями судебной и следственной власти и прокурорского надзора архивных материалов из государственных актовохранилищ».

5 декабря 1923 г. издан циркуляр о соблюдении правил при направлении вещественных доказательств, внутренностей трупов и других материалов для судебно-лабораторных исследований.

21 января 1924 г. издан циркуляр «О мероприятиях по организации процессов по должностным и хозяйственным преступлениям».

Этот приказ обращает внимание следователей на необходимость повышения качества расследования по этого рода делам. Особо циркуляром подчеркивается значение экспертиз, определяются рамки расследования по этого рода делам. Это единственный приказ, дающий некоторые самые общие методические указания.

17 января 1924 г. издан циркуляр «О порядке исполнения постановлений следователя, вынесенных в порядке ст. 121 п. «а» УПК».

16 апреля 1924 г. издан циркуляр «О толковании ст. 161 УПК», посвященной, как известно, вопросам о мерах пресечения.

8 мая 1924 г. издан циркуляр «Об обязанности следователей выполнять в кратчайший срок следственные действия по требованиям следователей других участков».

21 мая 1924 г. издан циркуляр о «Производстве психиатрической экспертизы».

29 октября 1924 г. издан циркуляр «Об обязанности прокуратуры по ускорению направления дел, поступающих к прокурорам в порядке ст. 211 УПК».

10 января 1925 г. издан циркуляр «О сроках содержания под стражей в виде меры пресечения».

24 февраля 1925 г. издан циркуляр «О порядке наложения ареста на имущество привлеченных к суду граждан, находящихся в каком-либо частном торговом предприятии».

30 апреля 1925 г. издан циркуляр «О недопустимости при производстве дознания следователем обращаться в банковские учреждения с требованием о задержании похищенных ценных бумаг на предъявителя и их предъявителей».

30 апреля 1925 г. издан циркуляр «Об изменении прокурором обвинительного заключения, составленного следователем, и о порядке предъявления обвиняемому материалов предварительного следствия».

28 сентября 1925 г. издается второй циркуляр «Об обеспечении правильности производства психиатрической экспертизы».

5 октября 1925 г. издан циркуляр «О неуклонном соблюдении циркуляра № 16 1925 г. и о порядке возбуждения ходатайств о продлении срока содержания под стражей».

28 декабря 1925 г. издан циркуляр «Об указании мест заключения тех следственных заключенных, в отношении которых возбуждаются ходатайства о продлении срока содержания под стражей».

30 декабря 1925 г. издан циркуляр «О порядке наблюдения отделом прокуратуры за производством следствия по некоторым категориям дел и о сведениях, подлежащих направлению, в связи с этим, в отдел прокуратуры».

В этом циркуляре определена категория дел, за которыми должен быть установлен надзор со стороны отдела прокуратуры по подотделу общего управления за производством следствия на местах. В этом же циркуляре дается перечень тех документов, которые должны поступать в отдел прокуратуры по перечисленным в этом циркуляре категориям дел.

Нужно сказать, что этот циркуляр особенно ярко выражает тот в значительной степени формальный характер вмешательства в следственную работу органов прокуратуры, который характерен для ее деятельности того времени.

Циркуляр от 7 июня 1926 г. посвящен вопросу «О порядке производства экспертизы ценностей, подлежащих изготовлению в Госзнаке, и сдаче последних в Госзнак в случае признания их поддельными».

Данный выше перечень циркуляров, изданных с 1922 г. по 1926 г., нами приведен вовсе не случайно. Этот перечень является ярким убедительным историческим документом, свидетельствующим о том, что руководство следствием в этот период ограничивалось, в основном, разрешением отдельных процессуальных или частных вопросов, возникающих в процессе расследования.

Тщетно искали бы в этот период принципиальных установок, исходящих от Народного ко-

мисариата юстиции РСФСР или от наркоматов юстиции других союзных республик, посвященных вопросам организационной перестройки следственной работы, вопросам повышения качества расследования, повышения квалификации следователей.

Однако, если этот период не знаменуется достаточно активной борьбой, направленной к осуществлению организационных и методических мероприятий, обеспечивающих повышение качества расследования, то положительной стороной этого периода является то, что здесь мы видим повседневную борьбу за последовательное осуществление принципов УПК, борьбу с процессуальным нигилизмом. Следователи этого периода воспитывались в духе уважения к процессуальной форме. Ему повседневно напоминалось о необходимости, в целях повышения качества расследования, соблюдать требования УПК.

Последующий период борьбы за качество расследования хранит на себе явные следы деятельности врагов народа на этом фронте, пытавшихся разоружить практических работников органов юстиции, привить им нигилистические отношения к праву, к процессуальным формам. В этот период под видом перестройки следственной работы и повышения качества расследования зачастую протаскиваются явно вредительские директивы, направленные к развалу следственной работы.

В этом отношении чрезвычайно характерен циркуляр Наркомюста РСФСР № 93, изданный 5 июля 1929 г. бывшим в то время наркомом юстиции РСФСР Ясноном. Выполнение требования этого циркуляра принесло немало вреда следственной работе. Вредные последствия этого циркуляра позже пришлось упорно и длительно изживать.

В этом циркуляре, подчеркивая особо значение следствия и указывая на неудовлетворительное его состояние, Яснот, под видом мероприятий, направленных к повышению качества расследования, по существу предложил такого рода мероприятия, которые должны были привести к резкому снижению качества расследования. Цинично отрицая значение процессуальной формы, называя процесс пустой формальностью, Яснот предлагал упростить следствие, освободиться от «неимоверной перегрузки» предварительного следствия формальными моментами в ущерб существу дела.

Первый раздел этого приказа так и озаглавлен: «Формальные моменты предварительного расследования». В этом разделе дословно говорится следующее: «Наш уголовный процесс во всех своих стадиях заполнен целым рядом различных формальностей, наибольшее число которых, пожалуй, приходится на долю предварительного следствия... и далее: «Если формальности служат этим моментам существа дела, они необходимы и полезны; однако, множество формальностей в нашем УПК этим целям не служат, превращается в какую-то самоцель и, загромождая процесс, не помогают, а мешают расследованию, отвлекая внимание следователя, отнимая его время и силы и пряча живое существо дела под кучей чисто формальных актов, постановлений и проч. Сейчас можно констатировать неимоверную перегрузку предварительного следствия формальными моментами в ущерб существу дела. Поэтому Наркомюст считает необходимым самым решительным образом восстановить нормальное

соотношение элементов процесса и жестко урезать чисто формальные требования, тем самым расширив возможность для следователя и прокурора заниматься существом расследуемого дела».

В целях осуществления этой задачи, Янсон предлагал не составлять постановлений, заменять их немотивированными резолюциями, не вести протоколов допросов, не содержащих, с точки зрения следователя, ничего существенного, всемерно сокращать записи свидетельских показаний, устранить практику обязательной и подробной записи показаний заявителя и т. д.

Казалось, можно было бы считать, что этим циркуляром положено начало методической работе. На самом деле в нем мы находим самое извращенное представление о методической стороне следствия и о методической работе.

Второй раздел этого циркуляра носит следующее наименование: «Методическая сторона предварительного следствия».

Фактически же в этом разделе содержится ряд рецептов о том, как упростить следствие, не повторять следственных актов, не дублировать дознания и следствия, ревизию и экспертизу. В этом же разделе содержится указание о ненужности расширения объема и рамок расследования. Следователю запрещается заниматься «мелочами», конкретизацией фактов. В частности, следователю предлагается не выяснять суммы и размера растрат, когда самый факт растраты «основной суммы» установлен, то есть, под видом методических указаний, опять-таки, даются явно вредительские установки, направленные к развалу следствия, к снижению его качества.

Впервые вопрос об изменении методов и форм руководства следствием и о некоторых методических мероприятиях, направленных к повышению качества расследования, поставлен в 1930 г. в инструктивном письме-циркуляре Прокуратуры республики № 52 от 25 апреля 1930 г.

В этом письме был поставлен вопрос о самостоятельности следователя, о поднятии его авторитета и намечены некоторые конкретные формы руководства следствием; в частности, в этом циркуляре говорится о том, что для наблюдения за следствием в каждой областной и краевой прокуратуре выделяется специальный прокурор, осуществляющий эту работу.

12 октября 1930 г. издается директивное письмо-циркуляр, в котором уже более конкретно говорится о некоторых формах методической работы, направленной к повышению расследования.

В этом же циркуляре говорится о том, что коллегия Наркомюста признает «необходимым внедрение в следственную практику научно-технических сведений и методов раскрытия и расследования преступлений, организовав прохождение следственными работниками основных вопросов научной техники следствия».

В этом циркуляре впервые передается небольшой опыт организационно-методической работы по руководству следствием Нижневолжской краевой прокуратуры.

В 1930—1932 гг. издаются впервые методические письма, посвященные методике расследования.

11 мая 1930 г. издается методическое письмо о расследовании дел о контрреволюционных преступлениях.

В 1932 г. издается письмо о применении научно-технических методов при расследовании дел по ст. 58-8 УК.

В том же году издается методическое письмо о расследовании дел о хищениях, предусмотренных постановлением ЦИК и ОНК СССР от 7 августа 1932 г.

К сожалению, изданием указанных писем ограничилась эта чрезвычайно полезная методическая работа.

Это объясняется тем, что прежние вредительское руководство Наркомюста, во главе с врагом народа Крыленко, делало все, чтобы разоружить следственный аппарат, добиться снижения качества расследования, нанести чувствительный удар на этом, наиболее ответственном участке деятельности органов юстиции.

Для того чтобы понять, насколько принижалось значение следствия, как Крыленко и его сподвижники пытались дезориентировать работников юстиции в вопросах значения следствия, достаточно вспомнить двухгодичную дискуссию, протекавшую на страницах журнала «Советская юстиция» по вопросу о том, нужно ли следствие, нужны ли следователи, не следует ли вообще ликвидировать следственный аппарат и функции расследования передать органам милиции.

Историк, изучающий развитие следственного аппарата нашей страны и его деятельность, должен будет признать, что борьба за повышение качества расследования, за поднятие авторитета следствия и значимости следственной работы перешла в новую фазу после того, как в июне 1933 года была организована Прокуратура Союза ССР.

Впервые вопросы о значении следственной работы, о значении следователя и о конкретных методах руководства следственной работой глубоко и принципиально были поставлены на первой всероссийской конференции следователей в июле-августе 1933 г. и на первом всесоюзном совещании судебно-прокурорских работников 27 апреля 1934 г.

На этом совещании в своем докладе о мероприятиях по улучшению качества судебно-прокурорской работы, докладчик по этому вопросу, т. А. Я. Вышинский, подчеркивая низкий уровень следственной работы того времени, слабость следовательских кадров, показав, вместе с тем, роль и значение следователя и следствия, наметил ряд конкретных мероприятий по перестройке работы, связанной с руководством следствием, мероприятий, осуществление которых по-новому ставило этот вопрос.

Особо было подчеркнуто значение работы по повышению квалификации следователя, значение организационно-методических мероприятий, направленных к повышению качества расследования.

Тов. Вышинский говорил: «Без организации со стороны прокуратур краевых, областных, республиканских и нашей союзной прокуратуры систематической подготовки и переподготовки следователей на ходу, в процессе их работы, при помощи методических писем, методических консультаций, при помощи целого ряда приемов, которые мы начинаем развертывать, в виде следственных упражнений, мы этого дела с мертвой точки не сдвинем, потому что для того, чтобы провести правильно следствие, мало натренироваться, набить руку. Здесь нужно овладеть наукой и техникой этого трудного и сложного дела».

(из обработанной стенограммы доклада т. Вышинского на первом всесоюзном совещании от 27 апреля 1934 г.).

В этом же докладе т. Вышинский указал на то, что «следственную работу нужно «опереть на научную основу». Если эта работа не будет опираться на основы марксистско-ленинской методологии, диалектической методологии, то дело не пойдет. Это нужно усвоить и понять».

В докладе т. Вышинского, а позже — в принятой по его докладу резолюции был намечен ряд конкретных мероприятий, по-новому ставящих вопрос о руководстве следствием, о методической работе, о работе по повышению квалификации следователей.

Нужно отметить, что прокурорская периферия живо откликнулась на призыв т. Вышинского. Места поняли значение этих новых мероприятий, последовательное осуществление которых должно было привести к поднятию качества расследования на уровень стоящих перед ним политических задач.

Данные о методической работе, развернувшейся уже в 1935 г., свидетельствуют о том, что установки первого всесоюзного совещания судебно-прокурорских работников не прошли бесследно, что они были приняты и активно, практически реализовались прокурорами на местах.

За период с 1 апреля по октябрь 1935 г. по РСФСР проведена следующая организационно-методическая работа, направленная к повышению качества расследования: курсами, конференциями и кустовыми совещаниями охвачено было 1 200 следователей; вызвано с докладами свыше 200 следователей; обследованы 250 следователей. Почти во всех областных прокуратурах РСФСР начали издаваться так называемые следственные бюллетени. Вначале они представляли собой, главным образом, информационные издания, посвященные пропагандированию мероприятий по повышению качества расследования, организующие обмен опытом следственной работы.

В этих бюллетенях печатались основные показатели, характеризующие работу каждого отдельного следователя области.

Позже в бюллетенях стали помещаться статьи методического содержания. За указанный период было издано всего 153 бюллетени, в которых опубликованы 1 315 отдельных статей с мест.

С другой стороны, росло количество статей, посвященных важнейшим вопросам предварительного расследования; вопросу возбуждения уголовных дел было посвящено 14 статей; посвященных допросу — 14; 12 статей — вопросам осмотра; 19 статей — вопросам бухгалтерской экспертизы; 7 статей — вопросам графической экспертизы; 40 статей — судебно-медицинской экспертизе; одна статья, посвященная вопросам экспертизы оружия; 16 статей, посвященных вопросам о методах расследования; 9 статей — методике обыска; 9 статей — о предъявлении обвинений; 12 статей — выполнению ст. 206; 21 статья — составлению обвинительного заключения; 12 статей — методике расследования дел о хищениях; 20 статей — методике расследования дел об убийствах; 16 статей — методике расследования о должностных преступлениях и т. д.

Если сравнить количество методических писем, разработанных в 1935 г., с тем, что имело место раньше, то станет совершенно очевидным, что именно в этот период времени впервые началась серьезная методическая работа, серьезное обоб-

щение опыта следствия. Впервые научному анализу стали подвергаться методы расследования и отыскиваться пути к организации подлинно научного следствия. Впервые серьезно стала разворачиваться работа по повышению квалификации следователей.

В этом отношении особо необходимо отметить организованные в 1936 г. Прокуратурой Союза ССР учебные конференции лучших следователей.

Эти конференции наряду с повышением квалификации следователей, принимавших в них участие, сыграли большую мобилизующую роль в деле поднятия авторитета следователя, помогли выявить лучших следователей Союза.

Материалы учебных конференций следователей, прошедших в августе-сентябре 1937 г., были изданы книгой объемом в 14 печатных листов. Эта книга является полезным и широко используемым руководством для следователей.

С 1937 г. Прокуратура СССР приступила к вызову работников с мест на стажировку.

Всего уже проведено 8 созывов стажеров, с охватом 158 чел. Прокуроры, проходящие стажировку, получают серьезную методическую зарядку, слушают цикл лекций по важнейшим методическим вопросам.

Однако методическая работа этого периода страдала целым рядом существенных недостатков.

Активная методическая работа была развернута, главным образом, в прокуратуре РСФСР, но и здесь эта работа не стояла на должной высоте. Указания центрального методического бюро носили, главным образом, организационный характер. Методического же центра, который давал бы образцы подлинно научных методических разработок, вел бы борьбу за действительно научное следствие, — не было.

В мае 1935 г. Прокурором Союза т. Вышинским была создана центральная методическая комиссия, которая должна была осуществлять методическую работу Прокуратуры по Союзу.

В октябре 1936 г. методическая комиссия была преобразована в методический совет при Прокуроре Союза ССР.

Приказ от 29 октября 1936 г. гласил: «В целях объединения методического руководства следствием всех органов прокуратуры, создать центральный методический совет при Прокуроре Союза ССР под моим председательством».

Одновременно с этим при следственном отделе Прокуратуры Союза ССР была организована методическая часть, которая являлась рабочим аппаратом, подготавливающим материалы к методическому совету и осуществляющим повседневное руководство методической работой на местах и контроль за этой работой.

С 1936 г. методическая работа является организационной составной частью по руководству следствием, и едва ли кто сейчас станет оспаривать роль и значение этой работы.

Правильная организация следственной работы, высокое качество расследования немислимы, если не будет осуществляться надлежащее руководство следствием, не будет проводиться научно-обобщенный анализ практики следственной работы и на основе этого анализа делаться необходимые выводы о том, как должно вестись расследование.

С момента организации методического совета проделана громадная методическая работа. Следователи сейчас уже вооружены методически-

ми руководствами, стоящими на высоком научном уровне, по методике расследования отдельных категорий дел.

Так, Прокуратурой СССР изданы работы: «Общие принципы расследования дел о хищениях», «Методика расследования дел о хищениях и растратах в государственных торговых организациях», «Методика расследования дел о хищениях и растратах в органах связи», «Методика расследования дел о хищениях и растратах на строительстве», «Методика расследования дел о хищениях и растратах подотчетных сумм», «Методика расследования хищений и растрат, связанных с кассовыми операциями», «Методика расследования дел о вредительских и диверсионных актах, совершаемых при помощи и под видом нарушения правил техники безопасности, а также иных преступлений этого рода», «Методика расследования крушений и аварий на ж.-д. транспорте».

Находятся в печати: «Методика расследования убийств», «Руководство по возбуждению уголовных дел», «Работа с вещественными доказательствами».

Подготовлены к печати и находятся в редактировании работы: «Методика допроса несовершеннолетних», «Методика расследования аварий на водном транспорте», «Методика расследования дел о хищениях и растратах в колхозах».

Сейчас уже следователи имеют солидную библиотечку методических руководств, пользование которой значительно облегчает их работу.

К концу 1938 г. они будут иметь методические руководства по всем важнейшим категориям дел.

Прокуроры республик, областей и краевые прокуроры должны организовать действительно серьезное глубокое изучение следователями этих методических руководств, так как нельзя думать, что процесс освоения этих руководств может протекать самотеком.

Определить и другие формы методической работы.

Методическая работа в основном протекает путем инструктивных обследований работы следователей, проведения методических конференций и совещаний со следователями, путем дачи методических указаний по конкретным делам, путем заслушивания докладов следователей на оперативных совещаниях областных, краевых и республиканских прокуратур и оперативных совещаниях следственных отделов этих прокуратур.

Методическая работа, если можно так выразиться, вошла в быт работы прокуратуры по руководству следствием.

В I квартале 1938 г. обследованы 523 следователя, проведено 92 методических конференций и совещаний следователей. Этими конференциями охвачено свыше 800 следователей. За этот же период времени заслушано 579 докладов следователей. Дано методических указаний по 2 582 делам.

Однако, если эти показатели свидетельствуют о том, что методическая работа ведется систематически, то они вовсе не являются доказательством того, что эта работа поднята на надлежащий уровень, что она протекает удовлетворительно во всех прокуратурах.

Ряд прокуратур республик, областных и краевых прокуратур до сих пор не уделяют

достаточно внимания методической работе, не принимают надлежащих мер к тому, чтобы обеспечить должную постановку этой работы. Так, прокуратуры Казахской, Туркменской, Узбекской ССР почти ничего не делают в этом направлении. Некоторые областные прокуратуры, например, Челябинская, которой ранее проводилась хотя и небольшая методическая работа, теперь полностью прекратили ее. В I квартале 1938 г. Челябинская облпрокуратура ничего не сделала в области организационно-методической работы.

Полную бездеятельность в этой области проявили прокуратура Капмынской АССР, прокуратура Коми АССР, Адыгейской автономной области, прокуратура Ойротской авт. области.

Явно неудовлетворительно поставлена методическая работа в прокуратуре Свердловской области и ряде других краевых и областных прокуратур.

Такое положение далее терпеть нельзя. Сейчас уже не может быть спора о том, нужна или не нужна методическая работа, принесет или не принесет она пользу в деле повышения качества расследования.

Еще в апреле 1937 г. Прокурор Союза т. Вышинский издал приказ о том, чтобы в каждом следственном отделе областной, краевой и республиканской прокуратуры был выделен специальный работник по методической работе.

В приказе, изданном после всесоюзного совещания прокурорских работников в мае 1938 г., как об одном из основных мероприятий, направленных к повышению качества расследования, вновь говорится о необходимости активизации методической работы; в частности, этот приказ обязывает прокуроров республик, краев и областей выделить специального пом. прокурора по методической работе, освобожденного от всякой другой работы и входящего в состав следственного отдела.

Не говоря уже о том, что некоторые областные, краевые и республиканские прокуроры до сих пор не выполнили этого приказа, в частности, не выделили работников по методической работе прокуратуры Грузинской, Киргизской, Туркменской ССР, Башкирской, Марийской, Немцев Поволжья, Коми АССР, Иркутской, Киевской и других областей, — ряд прокуроров выполнил этот приказ только формально, выделив пом. прокурора по методической работе, но часто загружают их другой оперативной работой, лишая их возможности заниматься методической работой.

Некоторые прокуроры, как например, прокурор Вологодской области, задержали выделение пом. прокурора по методической части, мотивируя тем, что сейчас необходимо усилить оперативную работу. Прокурор Вологодской области, очевидно, не понял, что нельзя надлежащим образом осуществлять оперативную работу, не занимаясь одновременно методической работой, не понял того, что разрывать оперативную и методическую работу на две какие-то самостоятельные части нельзя.

Высокое качество расследования конкретных дел, т. е. оперативная работа, неразрывно связано с работой по повышению квалификации следователей, с вооружением их необходимыми руководствами по методике расследования и проч.

Многие прокуроры подошли формально к выделению пом. прокурора по методической части,

выделив недостаточно квалифицированных для этого работников, недостаточно энергичных, недостаточно опытных и недостаточно культурных.

Необходимо понять, что методическая работа требует большой культуры, большого опыта и наибольшей инициативы от того работника, который должен ее осуществлять.

Дать методические указания, уметь организовать методические конференции, найти новые формы и методы руководства следствием, во время вскрыть основные дефекты следственной работы, поднять на принципиальную высоту важнейшие вопросы следственной практики, уметь бороться за качество расследования, за подлинно научное следствие,— может только работник высокой культуры, работник инициативный, любящий свое дело, глубоко знающий следствие.

Необходимо в ближайшее время проверить, соответствуют ли своему назначению выделенные для методической работы прокуроры. Необходимо тщательно разработать и обсудить планы методической работы на III и IV кварталы 1938 г., там, где это до сих пор не сделано.

При разработке плана основное внимание должно быть уделено:

1) учебно-методическим мероприятиям, направленным к повышению квалификации следователя;

2) систематическому инструктированию следователей и оказанию им методической помощи в процессе работы;

3) организации обмена опытом следственной работы;

4) разработке методических указаний по конкретным, наиболее характерным следственным делам.

Необходимо отметить, что до сих пор было то, что основное внимание уделялось только показу теневой стороны деятельности следователя. Это следует делать и впредь, но необходимо, наряду с этим, организовать широкий показ и положительных образцов работы. Нужно добиться такого положения, чтобы лучших следователей знали все прокуроры, все следователи, чтобы их знала советская общественность.

Методическая работа — это новая современная форма борьбы за качество расследования.

Необходимо, чтобы все прокуроры и следователи уделяли серьезное внимание этому участку работы.

С. БЕРЕЗОВСКАЯ, А. ЛЕНСКИЙ, Э. ТРОИЦКАЯ

Состояние и перспективы общего надзора

Советская прокуратура была создана по инициативе Ленина. Определяя задачи органов прокуратуры, Ленин указал, что она должна «следить за установлением действительно единообразного понимания законности во всей республике, несмотря ни на какие местные различия и вопреки каким бы то ни было местным влияниям»¹. «Прокурор отвечает за то, чтобы ни одно решение ни одной местной власти не расходилось с законом, и только с этой точки зрения прокурор обязан протестовать всякое незаконное решение»².

Взгляды Ленина на задачи и принципы организации советской прокуратуры встретили большое сопротивление со стороны некоторых членов ВЦИК и работников исполкомов на местах. Особенности возражения вызывало наделение прокуратуры функциями надзора за законностью постановлений органов власти на местах. Оппоненты Ленина выдвинули требование, сводившееся к тому, что если прокуратура будет все же организована, то она должна находиться в «двойном подчинении». Наркомюста республики и органов власти на местах. Это требование имело целью лишить органы прокуратуры фактической возможности осуществлять функции надзора за законностью действий органов власти на местах и таким образом в основном парализовать проект Ленина. Эти попытки ущемления основных жизненных функций советской прокуратуры не удалось. Советская прокуратура по настоянию Ленина и Сталина, перенесших этот вопрос в ЦК партии, была создана в виде цент-

рализованной системы, управляемой из республиканского центра и не находящейся в подчинении органов власти на местах.

Такое разрешение организационного вопроса имело особенно важное значение для развертывания работы прокуратуры в области общего надзора, которая при ином положении, т. е. при системе двойного подчинения, неизбежно должна была превратиться в фикцию.

Исключительные успехи строительства социализма в СССР, сопровождавшиеся непрерывным поднятием культурно-политического уровня масс, требовали всемерного усиления работы прокуратуры в области борьбы за укрепление социалистической законности. Между тем централизация прокуратуры (в республиканском масштабе) уже не обеспечивала выполнения этого требования. Местнические тенденции, существовавшие с первых дней существования прокуратуры, сильно давали себя чувствовать в практической работе прокуратуры. Особенно это сказалось на работе по общему надзору.

Задача усиления работы прокуратуры в области борьбы за укрепление революционной законности нашла свое организационное разрешение в учреждении по постановлению ЦИК и СНК СССР от 20 июня 1933 г. Прокуратуры СССР. Процесс централизации прокурорской системы в соответствии с принципами, выдвинутыми Лениным, был завершен в масштабе всего Союза ССР. Организация союзной прокуратуры нанесла решительный удар попыткам подчинения органов прокуратуры местным влияниям и тем самым открыла широкие перспективы для развертывания работы по общему надзору.

¹ Ленин, т. XXVII, стр. 298—299.

² Ленин, т. XXVII, стр. 299.

Однако действительному росту общего надзора мешало неправильное внутреннее строение прокуратуры, при котором работа по общему надзору, как и по другим отраслям прокурорской работы, была расплывлена по так называемым «отраслевым отделам», совершенно однако не совпадавшим с отраслями прокурорской работы.

Сталинская Конституция, поднимавшая вопросы социалистической законности на небывалую высоту, поставила в порядок дня вопрос о таких организационных изменениях построения прокуратуры, которые бы максимально обеспечивали выполнение задач, поставленных Конституцией перед прокуратурой.

Этот вопрос был разрешен Прокурором СССР путем организации в составе прокуратуры отделов, построенных по отраслям прокурорской работы. В числе этих отделов был образован и отдел общего надзора.

К этому времени работа по общему надзору в центре и на местах находилась в состоянии сильного упадка. Прокуроры союзных и автономных республик, краев и областей этой работе уделяли мало внимания и явно ее недооценивали. Благодаря этому на местах, в особенности в районах, организованного надзора за соблюдением законности по существу не было.

В ряде краев и областей эту работу сознательно свертывали враги народа, пробравшиеся в органы прокуратуры (Курская область и др.).

Работникам на местах зачастую не были ясны ни задачи, ни формы организации, ни методы работы по общему надзору. К этому необходимо добавить, что практика общего надзора не имела под собой теоретической базы, так как усилиями Пашуканиса и других врагов народа, орудовавших в органах советской юстиции, вопросы административного права были вытеснены как из юридических вузов, так и из научно-исследовательских институтов.

Прокуратура СССР провела немалую работу для того, чтобы вывести общий надзор из того состояния упадка, в котором он находился. 16 августа 1937 г. Прокурором Союза даны были развернутые указания об организации, задачах и методах работы по общему надзору. Эти указания во многом помогли работникам прокуратуры на местах при организации работы по общему надзору, и в частности предохранили от повторения тех ошибок, которыми была богата практика общего надзора в первые годы существования органов прокуратуры (обследованиях хоз. организаций, «рейды», «походы», вмешательство в оперативную деятельность учреждений и предприятий).

Прокуратура СССР поставила перед органами прокуратуры на местах ряд конкретных практических задач по общему надзору. К числу этих задач относятся, например, сплошная проверка всех действующих обязательных постановлений исполкомов и советов.

В предшествующие годы органы прокуратуры на местах перестали совсем осуществлять надзор за законностью обязательных постановлений. Между тем эти постановления касаются широких масс населения, и проверка их с точки зрения законности составляет одну из серьезнейших обязанностей органов прокуратуры. Проверка обязательных постановлений вскрыла огромное количество нарушений, которые допускались при их издании. Так, например, в Кировской области при проверке обязательных постановлений, изданных в 13 районах области, органы прокура-

туры опротестовали 43% всех действующих в этих районах обязательных постановлений; по бывшему Западносибирскому краю при проверке обязательных постановлений, изданных 20 райисполкомами, было опротестовано 20 постановлений; по Московской области было опротестовано 47,6% и т. д.

Проверка показала также, что очень большое количество обязательных постановлений, изданных сельсоветами и риками, отличается исключительной безграмотностью, дискредитирующей местные органы советской власти. Ряд постановлений прямо противоречил здравому смыслу. В Корсовском районе Удмуртской АССР было издано обязательное постановление, по которому воспрещался водопой скота у прудов, рек и колодезев. Советский горсовет Кировской области издал обязательное постановление, которым запретил всем жителям с 1 апреля по 1 октября топить бани. В то же время общественная баня в этом городе с 1 мая была закрыта.

Все эти незаконные обязательные постановления, искусственно создававшие недовольство населения и несомненно в ряде случаев продиктованные врагами народа, действовали в течение долгого времени, и местные прокуроры никакого внимания на них не обращали.

Еще большее количество нарушений и искривлений обнаружено было при проверке органами прокуратуры штрафной политики, проводимой во исполнение обязательных постановлений. К числу этих нарушений относятся: массовость наложения штрафов при отсутствии какой бы то ни было предупредительной работы (Ленинградская область, Удмуртская АССР, Дагестанская АССР и др.); наложение штрафов за действия, не носящие в себе никаких признаков каких бы то ни было административных нарушений (например, неилка на собрание, игра на гармонике на улице, непосещение школы лихбеза и пр.). С другой стороны, налагались штрафы за действия, которые требовали преследования в уголовном порядке, например за злостное хулиганство (Ленинградская, Московская области и др.).

То обстоятельство, что органы прокуратуры в течение ряда лет почти совершенно не занимались общим надзором, ярко характеризуется тем, что огромное большинство протестов, которые принесли органы прокуратуры с момента воссоздания отделов общего надзора, относится к нарушениям, имевшим место в 1933—1935 гг.

Теперь уже известно, что нарушения эти во многих случаях являлись результатом вредительской деятельности врагов народа. Так например, в Курской области еще в 1935—1936 г.г. допускались грубейшие издевательства над одиноличниками, выражавшиеся в словесные оскорбления, в снятии с них крыш, разрушения хозяйственных построек и изъятии имущества вплоть до последнего куска хлеба. Эти вредительские действия мотивировались необходимостью усиления процесса коллективизации. Все это делалось на глазах местных органов прокуратуры, работники которой в одних случаях слепо шли на поводу у вредителей, а в других и сами являлись прямыми участниками вредительства.

Большую работу провела Прокуратура СССР по вопросам усиления надзора за соблюдением Устава с.х. артели. Нарушения Устава среди других нарушений закона занимали основное место. Так например, в I квартале 1937 г. 40% всех протестов было принесено на нарушение

Устава с.х. артели, во II квартале — 38,8%. По отдельным краям и областям этот процент еще более значителен.

Проверкой были вскрыты следующие основные виды нарушений Устава с.х. артели: незаконные исключения из колхозов, искривления при наложении штрафов, незаконное списание трудодней, администрирование местных советов в отношении колхозов и колхозников, внимание к ним незаконных поборов и распоряжение их имуществом, создание непредусмотренных Уставом фондов.

Так например, из 510 протестов, принесенных за полгода по бывш. Западносибирскому краю, 99 протестов были принесены на незаконное наложение штрафов в колхозах, 56 — на неправильное списание трудодней, 29 — на неправильное наложение местными советами административных взысканий на председателей колхозов, 16 — на неправильное начисление трудодней, 46 — на неправильное исключение из колхозов и 10 — на нарушение § 5 Устава.

Наряду с этим имело место значительное распространение нарушений § 5 Устава с.х. артели, заключавшееся в превышении отдельными колхозными дворами норм пользования скотом, установленных Уставом (Черниговская область, быв. Западносибирский край, Сталинградская область, Аз. ССР и другие). Были выявлены случаи аренды колхозниками и единоличниками земли, найма рабочей силы, скупки трудодней и т. д. Расширение хозяйства личного пользования за пределы, предусмотренные Уставом с.х. артели, приводит к тому, что колхозник перестает участвовать в общественном хозяйстве колхоза и фактически порывает с ним свои хозяйственные и организационные связи. Этим вреднейшим явлениям способствовали нарушения земельными органами законов, в частности при проведении внутриколхозного землеустройства. Так например, в Кердобском районе Аз. ССР и в Рыбинском районе Мордовской АССР при отводе усадебных участков было допущено превышение максимальных норм усадебного землепользования. Это привело к массовому невыходу колхозников на работу.

Кроме мер, принятых органами прокуратуры на местах по каждому конкретному случаю, Прокуратура Союза сделала по всему вопросу в целом представление в правительство СССР.

Грубейшие нарушения действующих законов имели место и при выдате актов колхозам на вечное пользование землей. В Рыбинском районе Мордовской АССР допускалось изъятие уже закрепленных по актам сенокосов и передача их другим колхозам. Дальнейшее и чересполосица при землеустройстве не устранялись. Границы колхозных земель в натуре при проведении землеустроительных работ не устанавливались, усадебная земля при внутриколхозном землеустройстве распределялась по едоцкому принципу и т. д.

Отдел общего надзора Прокуратуры СССР, осуществляя функции, возложенные на прокуратуру ст. 113 Конституции СССР, вскрыл и опротестовал немалое количество нарушений закона, допущенных союзными наркоматами и другими центральными учреждениями. За 1937 г. Прокуратурой СССР было принесено свыше 100 протестов на такие нарушения, а в первой половине 1938 г. — 65. Так например, были опротестованы: инструкция Наркомфина СССР о

страховании жизни пассажиров, устанавливавшая сокращенный срок давности предъявления страховых претензий по сравнению со сроком, установленным законом; разъяснение Наркомфина СССР об административном порядке списания задолженности по подоходному налогу с текущих счетов колхозов и о таком же административном порядке удержания недоимок по налогам с зарплаты рабочих и служащих. Это разъяснение было издано Наркомфином в нарушение постановления ЦИК и СНК СССР от 11 апреля 1937 г., согласно которому обращение взыскания на имущество колхозов, кулестром-артелей и отдельных граждан по неуплаченным налогам, сборам, обязательным государственным поставкам и штрафам может производиться только в судебном порядке. СНК СССР отменил это разъяснение Наркомфина СССР; инструкция Комзгн СНК СССР об организации и эксплуатации сельских боенских площадок, устанавливавшая непредусмотренное законом право райисполкомов издавать постановления об обязательном убое скота на боенских площадках. Выполнение этой инструкции вело к тому, что колхозники и единоличники вынуждались к дальним прогонам своего скота для убоя, так как обязанности устройства в каждом селении убойных площадок инструкция не предусматривала; приказ Наркомторга СССР о борьбе с хищениями и растратами, содержавший ряд неправильных и вредных установок. Этот приказ, в частности, устанавливал, что не позднее чем через 2 месяца после его издания все работники торговой сети, несущие материальную ответственность за вверенные им ценности, должны быть сняты с работы, если не представят справок с прежнего места работы и если на них не окажется подлинных трудовых списков. Кроме того приказ устанавливал, что все претензии по недостаткам к материально-ответственным лицам могут предъявляться только в течение 10 дней после определения результатов снятия остатков. Таким образом этот приказ при точном его выполнении на местах угрожал снятием с работы многих честных работников по чисто формальным признакам, а с другой стороны, создавал условия для администрирования растратчиков. Приказ этот отменен.

К активу работы органов прокуратуры в области общего надзора надо отнести также и их участие в проведении избирательной кампании в Верховные Советы СССР и союзных республик.

Прокуратуры ряда районов, краев и областей проявили на этой работе значительную мобилизованность и инициативу. Ими были во-время раскрыты и устранены многие нарушения избирательного закона на местах. Так например, в Пушкинском и Ленинском районах Московской области прокуратура обнаружила, что целый ряд участковых избирательных комиссий был образован с нарушением ст.ст. 28 и 30 Положения о выборах в Верховный Совет РСФСР.

В Михайловском и других сельсоветах Општинского района Полтавской области были случаи формирования участковых избирательных комиссий на заседаниях сельсоветов и сельно. В Ленинграде на заводе «Свобода» собрание для рекомендации членов участковых комиссий состоялось еще 12 января, т. е. задолго до постановления Президиума ЦИК о назначении выборов.

В ряде местностей в избирательные списки не вносились лица, являющиеся по мнению работников сельсоветов и других должностных лиц умалишенными. Так, в Лепельском районе БССР в списки избирателей не были включены отдельные колхозники на основании заявления председателя колхоза, что «они дураки».

Органами прокуратуры были выявлены случаи небрежного хранения избирательных документов. Во многих избирательных комиссиях эти документы хранились в незакрытых шкафах или на дому у председателя комиссии. В Островском районе Ленинградской области секретарь Дроздовского сельсовета утерял 172 бланка списков избирателей и 20 бланков удостоверений на право голосования. Такие же случаи встречались и в ряде других мест.

На работе по избирательной кампании отделы общего надзора многих краев и областей показали, что они могут справляться с ответственными заданиями партии и правительства.

Однако те достижения, которые отмечены в работе по общему надзору, чрезвычайно малы по сравнению с теми требованиями, которые предъявляются сейчас к общему надзору.

Тов. А. Я. Вышинский в своем докладе на 2 Всесоюзном совещании работников прокуратуры (июнь 1938 г.) сказал: «Нет ни одной отрасли нашей работы, которая так интересовала бы правительство, как общий надзор». И это вполне понятно. В стране, которая имеет такую Конституцию, как Сталинская Конституция СССР, где все трудящиеся являются равноправными строителями социализма, не может, не должно допускаться ни малейшего произвола, ни малейшего нарушения установленного социалистического правопорядка и гарантированных Основным Законом страны прав граждан. Выполнение этих задач лежит на органах прокуратуры и составляет содержание работы по общему надзору.

Справляется ли общий надзор с этими задачами? На том же 2 Всесоюзном совещании тов. Вышинский со всей прямотой заявил, что общий надзор работает плохо.

Можно назвать очень большое количество районов в различных союзных республиках, краях и областях, прокуратуры которых месяцами и годами не приносят протестов по общему надзору. Прокурор Володарской области Казахской ССР т. Тимофеев на Всесоюзном совещании рассказывал, что когда он затребовал отчеты районных прокуроров по общему надзору за I кв. 1938 г., то некоторые прокуроры прислали чистые бланки за своей подписью. Это ли не возмутительное, не безобразное отношение к работе по общему надзору? Володарская область, к сожалению, не одинока. Ни одного протеста по общему надзору за 1937 г. не было принесено 55 районами Аз. ССР. Не лучше обстоит дело в Среднеазиатских союзных республиках и в Грузинской ССР. Даже если взять к примеру такую передовую область, как Ленинградская, то и там находятся районы (Слупский, Молвотичский), в которых за год не было принесено ни одного протеста.

Может быть, в этих районах не было нарушений законов? Увы, этого сказать никак нельзя. Во многих из тех районов Азербайджанской ССР и Володарской области, где прокуратурами не было принесено ни одного протеста, допускались, например, грубые нарушения Устава

с.х. артели. В Азербайджанской ССР это выражалось в непредоставлении колхозникам усадебных участков, в незаконном изъятии у них садов, в нарушениях ст. 5 Устава с.х. артели о нормах личного хозяйства колхозников и т. д.

Повсюду до недавнего времени, точнее, до постановления ЦК и СНК СССР от 19 апреля с. г., допускались незаконные исключения колхозников из колхозов. Так например, в колхозе «Прикамен» Красногорского района на одном собрании было исключено 99 человек (из общего количества в 207 человек). Характерно, что на собрании колхоза при исключении этих 99 человек присутствовало всего 74 человека.

В Кахибском районе Даг. АССР за несколько дней из колхозов было исключено 300 хозяйств, в Гунибском — 60, в Чародинском — 150, в Акушинском — 91, Дербентском — 110 и т. д.

Эти грубые нарушения Устава с.х. артели, при бездействии и явном попустительстве во многих случаях наших прокуроров на местах, достигли таких пределов, что для ликвидации их понадобилось вмешательство ЦК и СНК СССР (постановление от 19 апреля с. г.).

Несмотря на то, что Прокуратура СССР настойчиво и неоднократно указывала всем прокурорам на местах на необходимость строжайшего надзора за законностью обязательных постановлений и организовала в 1937 г. сплошную проверку всех обязательных постановлений, в целом ряде районов по настоящее время имеют хождение явно незаконные постановления. Так, еще совсем недавно прокуратура Дагестанской АССР обнаружила в Буйнакском районе обязательное постановление, согласно которому граждане, прибывающие в Буйнакск, не прописывались без представления справки местной школы о том, что дети их посещают занятия в школе. Местных законодателей не смутило даже то, что согласно действующему у них порядку в школы принимаются дети тех граждан, которые проживают в данной местности и в ней прописаны. Это постановление не было райпрокурором опротестовано. Тот же Буйнакский горсовет обязал всех граждан под страхом административной ответственности заготовлять утильсырье и сдавать его приемным пунктам; Гумбетовский рик установил обязательный порядок прохождения медицинского осмотра всеми вновь приезжающими гражданами и т. д.

Все эти постановления до последнего времени оставались неопротестованными.

В некоторых краях и областях работа по общему надзору, если судить по количеству протестов, имеет как будто большие успехи. К числу таких областей относится, например, Калининская область. За 1937 г. в этой области было принесено около 4 000 протестов, а в 1938 г. (за 5 месяцев) свыше 1 500 протестов. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что значительная часть всех этих протестов была принесена по второстепенным и третьестепенным вопросам и по чисто формальным нарушениям. Серьезные же нарушения законов, требовавшие безусловного вмешательства прокуратуры, нередко оставались незамеченными.

Обследование прокуратуры Калининской области, произведенное Прокуратурой СССР, например, вскрыло, что на фабрике «Пролетарский авангард» в В. Волочке дирекция налагает на рабочих массовые незаконные штрафы. Эти

штрафы налагались на основании соглашения, подписанного еще в 1934 г., между фабкомом и управлением фабрики, согласно которому с рабочих производились удержания за различного рода производственные ошибки. В 1937 г. администрация фабрики по одному ткацкому отделу оштрафовала 1041 рабочих, а в I квартале 1938 г. — 263 рабочих. Общее количество удержаний по одному ткацкому отделу за это время составило 43900 руб.

И подобные грубые нарушения закона прокуратура Калининской области не замечала в течение 4 лет! Это показывает, по меньшей мере, что настоящей живой связи с рабочей массой предприятий в области она не имеет и что жизнью этих предприятий не интересуется.

Калининская область не представляет исключения в этом отношении. Надзор за законностью в промышленных предприятиях нигде почти не организован. Даже в таком индустриальном центре, как Москва, городская прокуратура ограничивается только надзором за законностью постановлений городского и районных советов. Никакой работы на московских промышленных предприятиях прокуратура не ведет.

Основным и самым глубоким недостатком работы по общему надзору во многих республиках, краях и областях является отсутствие политической заостренности в этой работе. Это выражается в том, что органы прокуратуры зачастую ограничиваются принесением формальных протестов по отдельным нарушениям закона, не замечая, что эти нарушения носят во многих случаях характер системы, направленной к срыву мероприятий партии и правительства и к созданию недовольства населения.

Если прокуратуры БССР, Курской области, Мордовской АССР и многие другие не вскрыли в свое время вражеской практики переобложения налогами колхозников и единоличников, имевшей целью разорить их хозяйства и восстановить против советской власти, то прокуратура бывш. Западносибирского края не заметила другой вредительской практики, заключавшейся в незаконном предоставлении льгот единоличникам, с одновременным нарушением прав колхозников, что вело к подрыву колхозного строительства.

Нет и сейчас еще уверенности в том, что отделы общего надзора на местах сделали все необходимые практические выводы из разоблаченной теперь преступной деятельности врагов народа, проводившейся путем массовых нарушений закона.

Чрезвычайно серьезным недостатком в работе по общему надзору является также отсутствие системы, организованности в деле обнаружения нарушений закона. Об этих нарушениях органы прокуратуры часто узнают случайно и с большим запозданием, чаще всего из жалоб людей, пострадавших от нарушений. Между тем общий надзор должен был бы работать так, чтобы постановления, приказы или инструкции, содержащие в себе нарушения закона, опротестовывались ими до того, как они успели причинить вред. Но это, к сожалению, пока только далекий идеал.

О принесенных протестах по общему надзору прокуроры на местах зачастую как бы забывают. Они не интересуются ни сроками, ни результа-

тами их рассмотрения. Что называется, «подписал и с плеч долой». Такого положения, чтобы органы прокуратуры дрались за свои протесты по общему надзору, нигде почти нет. В отделе общего надзора Прокуратуры РСФСР, при обследовании его Прокуратурой СССР, обнаружены протесты, которые были возвращены зам. зав. секретариатом ВЦИК без постановки их на обсуждение Президиума ВЦИК.

Воспитательное значение протестов по общему надзору незначительно. Они зачастую совсем не мотивируются или мотивируются неправильно. Многие из них излагаются неграмотно, причем это относится не только к районным, но и к областным прокурорам. Нередко встречаются протесты, которые буквально нельзя понять.

По всем этим причинам эффективность работы по общему надзору чрезвычайно еще низка.

Основной причиной неудовлетворительности работы по общему надзору является недостаточная подготовка большинства наших низовых прокурорских работников к этой работе. Общий надзор требует от своих работников высокой квалификации. Тов. А. Я. Вышинский очень горячо и убедительно говорил на 2 Всесоюзном совещании о том, что работники прокуратуры должны учиться и учиться и непрерывно повышать свою квалификацию. Если это относится ко всем прокурорским работникам, то к работникам общего надзора в особенности.

Как можно следить за точным исполнением законов, не зная этих законов? Это такая истина, о которой не надо было бы и говорить. Однако говорить приходится, потому что на практике эта истина грубо попирается.

В настоящее время вопрос о повышении квалификации прокурорских работников приобрел особенно большую остроту, потому что состав районных прокуроров во многих местах обновлен более чем на 50%. К работе пришли новые товарищи, со свежими силами, во многих случаях с опытом партийной работы, получившие зачетку на фабриках и заводах. Но эти товарищи окажутся плохими прокурорами, если не дать им необходимых знаний. Тов. Вышинский на Всесоюзном совещании сказал, что это будет сделано путем организации курсов для подготовки и переподготовки работников. Но он также сказал, что прокурорские работники должны повышать свою квалификацию непрерывно и уж во всяком случае всегда быть в курсе действующего законодательства. Между тем, возможности к этому наши работники на местах зачастую не имеют.

Все прокуроры новых областей и районов, а их сейчас немало, не имеют законодательных материалов за годы, предшествующие образованию области или района. Многие из районов, как старых, так и новых, не снабжаются и текущими законодательными материалами. Отделы общего надзора республик, краев и областей не следят за тем, чтобы получаемые районными прокурорами законодательные материалы правильно хранились и использовались. Номера «Собрания законов» зачастую даже не разрешаются райпрокурорами. Есть случаи, когда законодательные материалы по прочтении сдают в архив (буквально), на сдвигание мышам. Такая практика была, например, обнаружена в прокуратуре Ленкоранского района Аз. ССР, где она продолжалась в течение ряда лет. На ком должна лежать ответственность за такое положение

со снабжением райпрокуроров законодательными материалами и их использованием? Безусловно на тех, кто руководит этими райпрокурами — на областных, краевых и республиканских прокуратурах и прежде всего на их отделах общего надзора. Дело здесь не в формальной ответственности этих отделов. Конечно, выписка литературы и рассылка ее по районам лежит не на них, а, предположим, на управлениях делами. Но наибольшую заинтересованность по существу в этом деле имеют отделы общего надзора, и у них должно болеть за него сердце. Однако многие отделы общего надзора даже не знают, как обстоит дело со снабжением райпрокуроров юридической литературой и в первую очередь законодательными материалами. Этому должен быть положен конец. Необходимо добиться полного и безоговорочного усвоения всеми работниками общего надзора того простого положения, что осуществлять этот надзор в таком виде, как это требуют от нас партия и правительство, можно только при хорошем знании законов. Работать здесь «по наитию» нельзя.

Для правильной постановки работы по общему надзору недостаточно одного изучения законодательства. Надо еще уметь организовать работу, знать ее методы.

Конечно, для обучения методам работы и ее организации наиболее эффективным является живой инструктаж. Но при огромном количестве районов в нашем Союзе и относительно небольшом количестве работников, хорошо владеющих этими вопросами — один только живой инструктаж недостаточен. Нужны методические пособия, нужна популярная литература.

Второе всесоюзное совещание работников прокуратуры знаменует собой новый этап в развитии работы по общему надзору. Совещание вскрыло грубейшие ошибки и недостатки в работе органов прокуратуры, вскрыло методы и способы подрывной деятельности врагов народа, пробравшихся в систему прокуратуры. Прокурором Союза был поставлен перед совещанием со всей остротой вопрос о радикальной перестройке прокурорской работы с тем, чтобы в ближайшие же дни ликвидировать последствия вредительства, ликвидировать крупнейшие недочеты в работе, организовать работу так, чтобы она стояла на уровне тех требований, которые предъявляются прокурорской системе партией и правительством.

Особое значение это совещание приобретает потому, что участники его были приняты главой советского правительства В. М. Молотовым и его заместителем А. И. Микояном. На этом приеме со всей полнотой были поставлены основные вопросы прокурорской работы.

Товарищ Молотов дал четкие и конкретные указания о дальнейшей перестройке, содержании и направлении работы прокуратуры, указав, в чем заключаются основные задачи, стоящие перед Прокуратурой Союза и всей прокурорской системой в настоящее время.

В частности товарищ Молотов в своей беседе с участниками совещания подчеркнул особое место, которое должно быть занято надзором за законностью. Подвергнув резкой критике работу прокуратуры в этой области, товарищ Молотов указал, что мы с опозданием опротестовываем незаконные приказы и распоряжения, делаем

это не по своей инициативе, а когда нас на толкнут на это. Принося протесты, не следим, чтобы они были рассмотрены быстро и чтобы рассмотрение протестов означало действительную отмену незаконного постановления. Товарищ Молотов требовал, чтобы не было такого положения, когда незаконное постановление отменяется после того, как оно сделало уже свое злое дело.

Говоря о слабости работы прокуроров по общему надзору, товарищ Молотов привел ряд примеров, когда СНК СССР сам отменял ряд незаконных приказов и указаний центральных наркоматов и хозяйственных учреждений, помимо прокуратуры.

Товарищ Молотов подчеркнул значение работы по общему надзору и требовал такой организации, такой постановки работы, которая давала бы гарантию действительного наблюдения за выполнением советских законов.

В свете этих совершенно конкретных указаний главы советского правительства и очерчены те практические задачи по общему надзору, которые поставил перед прокурорскими органами Прокурор Союза т. Вышинский в своем июньском приказе (обсужденном 2 Всесоюзным совещанием работников прокуратуры) о перестройке работы органов прокуратуры.

Приказ Прокурора СССР прежде всего требует от прокурорских органов в области работы по общему надзору проявления необходимой инициативы в постановке политических вопросов, вытекающих из материалов по общему надзору. В этой связи прокуроры обязаны систематически знакомиться с приказами и инструкциями наркоматов и ведомств, а также постановлениями и решениями исполкомов и советов, знакомиться не формально, а с одновременной действительной проверкой законности их. Наряду с этим приказ требует обязательного участия прокуроров на заседаниях исполкомов и советов. Систематическая (а не от случая к случаю) проверка обязательных постановлений выдвигается как одно из основных требований в области общего надзора.

Борьба с нарушениями Устава с.-х. артели, с нарушениями прав колхозов и колхозников, с незаконным вмешательством местных органов власти в жизнь колхозов, борьба за точное и неуклонное исполнение постановлений СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 19 апреля с. г., одна из тех задач, которые должны со всей энергией осуществляться органами прокуратуры.

Соблюдение законности в колхозном строительстве прокуроры должны проверять не только путем рассмотрения жалоб, но также путем ознакомления при выездах на село с постановлениями правлений колхозов и колхозных собраний.

Приказ Прокурора Союза требует решительного улучшения борьбы с многочисленными нарушениями законов при наложении штрафов в административном порядке. Такое же требование предъявляется в деле борьбы против необоснованных увольнений с работы, выявления и привлечения к ответственности клеветников и перестраховщиков.

Приказ Прокурора Союза требует ответственного отношения к приносимым протестам, которое должно заключаться в тщательной мотиви-

ровке протестов, с указанием нарушенных законов, установлением контроля за движением приносимых протестов.

Сознание огромной ответственности, большевистская настойчивость и решительность — вот те качества, которые требуются от работников

прокуратуры, осуществляющих надзор за соблюдением революционной законности.

Только при этих условиях эта работа будет отвечать тем высоким требованиям, которые предъявляют к органам прокуратуры партия и правительство.

С. ШАРЛОТ

Прокуратура в борьбе за транспорт

Постановлением Центрального исполнительного комитета Союза ССР в 1933 году прокуратура ж.-д. транспорта передана была из системы наркомюстов союзных республик в Прокуратуру Союза ССР.

Это постановление сыграло решающую роль в деле перестройки работы прокуратуры ж.-д. транспорта. Обеспечивалось единство руководства работой прокуратур ж.-д. транспорта, улучшался подбор и расстановка кадров, обеспечивалась большая возможность учета опыта работы и перенесение лучших образцов работы на всю сеть прокуратур, обеспечивалась, наконец, лучшая увязка с оперативным штабом — НКПС.

Прокуратура ж.-д. транспорта, реорганизованная 5 лет тому назад и переданная в систему Прокуратуры СССР, руководимая Прокурором Союза непосредственно, была призвана:

1) Вести борьбу с авариями на ж.-д. транспорте, борьбу со всякого рода проявлениями антигосударственной практики, срывом государственного плана перевозок, срывом выполнения регулярных приказов, графика движения поездов по расписанию, ремонта подвижного состава, со злостным нарушением трудовой дисциплины и т. д.

2) На прокуратуру возлагалась обязанность осуществления надзора за законностью приказов и распоряжений должностных лиц НКПС и его местных органов на сети железных дорог.

3) Надзор за проводимым следственными органами, действующими на ж.-д. транспорте, расследованием дел о преступлениях, совершаемых железнодорожниками.

4) Надзор за правильным осуществлением дисциплинарной практики, т. е. правильным применением Устава о дисциплине рабочих и служащих ж.-д. транспорта.

5) Надзор за деятельностью суда, действующего на ж.-д. транспорте:

поддержание обвинения на суде;

опротестование неправильных приговоров;

наблюдение за исполнением приговоров, вступивших в законную силу;

прием и разрешение жалоб рабочих и служащих ж.-д. транспорта на нарушение прав и преимуществ, предоставленных законом железнодорожникам.

Оглядываясь на пройденный прокуратурой путь, нужно по справедливости сказать, что он, стипод, не был легким. Исключительные трудности вставали не раз в работе прокуратуры ж.-д. транспорта и, прежде всего, в подборе людей, которые были бы грамотны юридически и разбирались бы в вопросах технического порядка весьма и весьма сложной ж.-д. техники.

К этому надо добавить, что ж.-д. транспорт представлял собой участок, где классовая борьба протекала в особо ожесточенной форме. Классовые враги: право-троцкистские бандиты, шпионы и диверсанты, кулачье, меньшевики, эсеры и прочие антисоветские элементы, учитывая народнохозяйственное значение ж.-д. транспорта, в немалом количестве пробрались на ж.-д. транспорт, пакостили, вредили, организовывали диверсии, крушения и аварии, разваливали трудовую дисциплину, всячески пытались наносить чувствительные удары транспорту, дезорганизовать его работу.

Особо опасными явлениями, с которыми призвана была бороться прокуратура, были и остаются крушения и аварии, каждая из которых «подобна поражению отдельных воинских частей в бою» (Л. М. Каганович).

Можно отметить, что вопреки вражескому охвату, в немалом количестве пробравшемуся и на прокурорскую работу, все же прокуратуре ж.-д. транспорта удалось провести значительную работу в борьбе с преступностью на транспорте и, в первую голову, в борьбе с организаторами аварий и крушений.

Этому есть немало доказательств. Приведем только одно из них.

Февральско-мартовский Пленум ЦК ВКП(б) 1937 г. признал неудовлетворительным существовавший в то время порядок расследования дел о причинах крушения, когда акт о крушении составляли местная и дорожная комиссии из представителей различных служб транспорта.

Решением Пленума ЦК ВКП(б) вся ответственность за установление причин крушения, начиная от составления на месте крушения акта и до заключительных следственных действий, возложена на прокуратуру ж.-д. транспорта, работающую совместно с НКВД и ревизорским аппаратом в деле борьбы с крушениями и авариями.

Это решение Пленума ЦК ВКП(б) прокуратура ж.-д. транспорта рассматривает как высокое доверие партии и правительства, оказанное прокуратуре ж.-д. транспорта, и по-большевистски борется за оправдание этого доверия.

Главная прокуратура ж.-д. транспорта располагает на периферии неплохими кадрами, которые, засучив рукава, работают и стараются по-большевистски с честью выполнять порученную им работу.

Наряду с дальнейшим очищением прокурорских рядов от всяких враждебных, чуждых и гнилых элементов, идет подбор новых молодых работников, их усиленная подготовка и переподготовка.

Достаточно указать, что только в текущем 1938 г. было пропущено через методические курсы-конференции около 25% всего личного состава прокуроров и следователей, работающих на ж.-д. транспорте. Эта работа, при разбросанности людей от края и до края нашей великой родины, представляет немало трудностей.

Прокуратура Союза ССР делает и сделает все от нее зависящее, чтобы это насущнейшее и давно назревшее мероприятие по подготовке людей и поднятию их на уровень тех требований, которые в настоящее время к нам предъявляют партия и правительство. Требования эти не малые. Выступая как делегат на III районной партконференции Свердловского района г. Москвы, т. Вышинский говорил: «Для каждого должно быть ясно, что нельзя быть хорошим партийцем, не будучи хорошим практическим работником в своей специальности. Одно неразрывно связано с другим. Чтобы быть хорошим прокурором-большевиком, необходимо обладать кроме высокой политической подготовки еще рядом качеств, из которых одно — это юридическая подготовка. Каждый советский прокурор должен быть высококвалифицированным советским юристом, должен полностью владеть таким могучим оружием, каким является советское право». Конечно, сегодня работники прокуратуры еще не обладают этими качествами.

Сегодня мы еще, к сожалению, часто сталкиваемся с фактами непростительной неграмотности, как юридической, так и технической, которая серьезно мешает нам в работе. Примеров таких много. Ограничимся только двумя:

а) в обвинительном заключении по делу Сар-ва и Ф-ва, утвержденном прокурором Я-м, мы читаем: «Машинист С. и его помощник Ф., назвав рабочего Руденко на футляр цилиндра, не обратили внимания на сигналы»;

б) следователь Б. заносит в протокол осмотра следующее: «Труп отправлен в поликлинику потому, что он еще показывал признаки жизни».

Нельзя думать, что недостаточная грамотность прокурорско-следственных работников не сказывается на работе. Эта неграмотность сказывается, прежде всего, в неосновательном привлечении людей к ответственности без достаточного разбора, без достаточных оснований, часто из-за неспособности следователя и прокурора разбираться в первичном материале, поступившем в прокуратуру, правильно его оценить, юридически правильно квалифицировать.

Процент отсева в искемме 1937 г. составил 14,2. Это большой процент, диктующий нам необходимость развернуть максимум мероприятий, которые обеспечили бы последовательное и неукоснительное повышение грамотности прокурорско-следственных работников.

Нужно сказать, что начинания наши в деле подготовки и переподготовки работников прокуратуры ж.-д. транспорта встречают горячий отклик и поддержку в среде самих прокурорско-следственных работников. 10 июля закончилась занятия очередной учебно-методической конференции, проведенной нами в г. Ташкенте для группы дорог. На имя прокурора Союза получена была в тот же день следующая телеграмма: «Участники учебно-методической конференции прокуроров и следователей Ташкентской, Ашхабадской, Туркестано-Сибирской дорог выражают вам свою благодарность за организацию учебно-методической конференции, которая дала нам

весьма важные для нас знания в области методики расследования преступлений, в особенности в области расследования причин крушений и аварий. Мы уверены, что, вооружившись этими познаниями, мы с большим успехом будем вести борьбу с преступностью на ж.-д. транспорте».

Слабым местом в работе транспортной прокуратуры является общий надзор за законностью, что также представляется нам прямым результатом слабого знания прокурорским составом, работающим на транспорте, ж.-д. техники.

Технически слабо подготовленный прокурор не поставит дела надзора за законностью в полном объеме на должную высоту.

Уместно будет отметить, что мы сами далеко еще не используем всех возможностей в деле повышения технической грамотности прокурорского состава. Можно еще встретить значительное количество прокуроров и следователей, которые не сдали техминимума, хотя эта задача со всей остротой была поставлена перед прокурорами дорог и участков. Занятия по техминимуму проходит с большим разрывом, а на отдельных участках и вовсе не организованы. В этом направлении предстоит проделать еще огромную работу.

Хромает в значительной мере и судебный надзор. Несмотря на довольно широкое участие транспортных прокуроров в судебных заседаниях, сама культура выступлений в суде оставляет желать много лучшего. Недостаточно еще отшлифованы выступления, и с этой точки зрения прокуроры не используют открытых заседаний в полной мере для мобилизации общественности в деле борьбы со всеми преступными явлениями, которые служат предметом рассмотрения суда.

Слабо развернута прокурорами транспорта профилактическая работа не только в смысле недостаточного использования следственного материала, но и в смысле организации этого материала, в смысле связи с широким прокурорским активом, тем активом, который, работая на производстве, сигнализировал бы прокуратуре о вредных проявлениях антигосударственной практики, которая имеет место в отдельных участках большого и сложного транспортного конвейера.

Большая оперативность — одна из очередных задач прокуратуры ж.-д. транспорта.

Нельзя мириться с таким положением, когда сроки расследования дел о крушениях и авариях не соблюдаются и приказ Прокурора Союза № 134/ц, установивший для этой категории дел жесткие сроки, придающий исключительную оперативность нашей следственной работе, все же нами не выполняется, и значительное количество дел о крушениях и авариях следствием заканчивается в более поздний, чем трехдневный срок.

Недостаточное место в своей работе прокуроры ж.-д. транспорта отводят производству. И не даром Л. М. Каганович указал нам, прокурорам, да заодно и судьям, что мы мало думаем о самом производстве, мало еще проявляем в нем заботы. Задача заключается в том, чтобы, поднявшись на ступень выше в деле нашей технической грамотности, научиться разбираться в оперативной обстановке, повседневно быть в курсе этой обстановки, на каждый день видеть оперативность производственных задач и уметь

под этим углом зрения строить свою работу по борьбе с нарушениями трудовой дисциплины, помогать командованию транспорта налаживать его работу с точностью и четкостью часового механизма.

Содержание работы прокуратуры ж.-д. транспорта в настоящее время определяется приказом Прокурора Союза за № 574 от 1 июня с. г., приказом ГТП за № 15/621 от 13 июня, который разработан на основе приказа Л. М. Кагановича № 231/д об уроках зимней работы 1937/1938 г., новом подъеме ж.-д. транспорта и подготовке к зиме 1938/39 г. Задачи определены, надо толь-

ко засучив рукава работать. Обстановка на ж.-д. транспорте такова, что она свидетельствует, что подъем начался, что армия железнодорожников по-большевистски, настойчиво, дружно взялась за преодоление зимнего отставания. Каждый день приносит все новые факты крупного движения вперед, ко все новым и новым высотам. Нет никаких сомнений, что отряд работников прокуратуры ж.-д. транспорта, воодушевленный общим подъемом, сумеет правильно организовать свою работу, успешно справиться с задачами, которые они призваны решать в своей практической работе.

ТУМАНОВ

Итоги выборов в Верховные Советы союзных и автономных республик

В июне 1938 г. народы многонационального Советского Союза избрали свои высшие органы власти — Верховные Советы союзных и автономных республик. Как и при выборах в Верховный Совет СССР 12 декабря 1937 г., советский народ показал всему миру свое моральное и политическое единство, свою монолитность, свою беззаветную преданность делу социализма, любовь и безграничное доверие партии Ленина — Сталина, вдохновителю наших побед — творцу новой Конституции великому Сталину.

Итоги выборов в Верховные Советы союзных и автономных республик являются демонстрацией наших великих побед, они являются грозным предостережением всем врагам нашей родины, всем фашистским поджигателям войны.

Выборы в Верховные Советы союзных и автономных республик, как и выборы в Верховный Совет СССР, были действительно свободными и всеобщими, каких еще никогда не знала и знать не может буржуазная демократия. В наших выборах каждый избиратель действительно выразил свою волю, выразил ее свободно, без всякого давления, ибо «...у нас нет капиталистов, нет помещиков, нет эксплуатации и некому, собственно, давить на народ для того, чтобы исказить его волю» (Сталин) ¹.

В этих простых и мудрых словах т. Сталина, что у нас «некому, собственно, давить на народ для того, чтобы исказить его волю», раскрывается великая правда социализма о подлинной свободе народа. В этом заключается коренное отличие советских, народных выборов от выборов в странах буржуазной демократии.

И блестящие результаты наших выборов поднимают у всего советского народа чувство законной гордости за свою страну, за свою партию, за своего Сталина.

В декабре 1937 г. при выборах в Верховный Совет СССР наша партия под руководством великого Сталина добилась огромных успехов. Тогда в голосовании участвовало 91 113 153 избирателя, или 96,8% к общему числу всех изби-

рателей нашей страны. За кандидатов блока коммунистов и беспартийных голосовало: в Совет Союза 89 844 271 чел., или 98,6%, и в Совет Национальностей — 89 063 169 чел., или 97,8% от общего количества всех избирателей, участвовавших в голосовании. Это была блестящая победа.

При выборах в Верховные Советы союзных и автономных республик наша партия одержала еще большие победы. На выборах приняли участие в голосовании 93 012 303 избирателя, то есть почти на 2 миллиона больше, чем полгода назад, при выборах в Верховный Совет СССР.

Подано голосов за кандидатов блока коммунистов и беспартийных по всем союзным республикам 92 459 173, или 99,4% к общему числу участвовавших в голосовании.

По каждой отдельной республике результаты голосования следующие:

	% участия в голосовании	Голосовало за кандидатов блока коммунистов и беспартийных		Избрано депутатов
		количество	%	
РСФСР	99,3	59 542 993	99,3	727
Украинской ССР	99,62	17 387 683	99,55	304
Белорусской ССР	99,65	3 005 609	99,19	273
Азербайджанской ССР	99,36	1 556 012	99,59	310
Грузинской ССР	99,3	1 800 417	99,7	237
Армянской ССР	99,06	603 469	99,6	256
Туркменской ССР	99,55	651 213	99,8	226
Узбекской ССР	97,93	3 252 081	99,57	355
Таджикской ССР	99,5	757 924	99,64	282
Казахской ССР	99,2	2 948 868	99,5	300
Киргизской ССР	98,23	772 904	99,1	234
Всего . . .	—	92 459 173	99,4	3 594

¹ Сталин, Речь на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы, Партиздат, 1937 г., стр. 9.

С наименьшей политической активностью прошли выборы и в Верховные Советы автономных республик. Так, например:

	Участия в голосовании	Голосовало за кандидатов блока коммунистов и беспартийных		Избрано депутатов
		количество	%	
Абхазской АССР	99,0	154 161	99,4	104
Аджарской АССР	99,5	106 494	99,5	63
Башкирской АССР	99,4	1 522 669	99,5	150
Бурят-Монгольской АССР	97,92	281 498	98,5	89
Дагестанск. АССР	98,04	480 755	99,61	113
Кабардино-Балкар. АССР	99,99	189 370	99,95	85
Кара-Калпакской АССР	99,0	259 017	99,6	149
Карельской АССР	99,7	240 648	98,9	102
Калмыцкой »	99,41	115 817	99,48	65
Коми »	98,49	158 340	99,00	79
Крымской »	99,80	685 818	99,59	105
Марийской »	99,04	296 026	98,33	93
Мордовской »	99,60	578 862	99,10	107
Молдавской »	99,57	337 127	99,67	101
Нахичеванской .	99,90	62 071	99,80	66
Ненецкой Поволжья	99,80	298 846	99,50	147
Северо-Осетин.	98,91	170 074	98,87	79
Татарской	98,80	1 477 667	99,00	143
Удмуртской	99,00	608 301	98,30	142
Чечено-Ингушской	99,50	354 175	99,20	113
Чувашской	99,00	53 311	97,80	96
Якутской	96,64	218 333	97,31	130
Всего	—	9 125 380	99,07	2 320

Приведенные нами цифры об активности избирателей говорят о том, что не только по Союзу в целом, но и по каждой отдельной союзной и автономной республике на выборах была одержана блестящая победа несокрушимого сталинского блока коммунистов и беспартийных. Такие результаты выборов, такой политический подъем Советского Союза, такая сплоченность вокруг коммунистической партии и советского правительства возможны только в стране победившего социализма.

Ничего подобного не знает, не имеет и иметь не будет буржуазный мир. Ни одна партия в мире, ни одно правительство никогда не пользовались и не пользуются таким доверием народа, как наша ленинско-сталинская партия, как наше советское правительство.

Приведем данные о результатах выборов в некоторых буржуазных странах, пользуясь официальными источниками различных буржуазных государств, значительно преувеличивающими эти данные. В 1935 г. в Англии на парламентских выборах участвовало в голосовании 22 001 837 чел., или 71,9% от общего числа из-

бирателей. За блок правящих партий — консерваторов, национал-лейбористов и национал-либералов голосовало 11 791 461 избиратель, или 53,6% от числа голосовавших. Следовательно, около половины избирателей (свыше 10 млн.) голосовало против политики консерваторов, против правительства так называемого «национального блока».

В 1936 г. в Соединенных штатах Америки на президентских выборах участвовало в голосовании 45 812 155 чел., или 83,3% к общему числу избирателей. За партию демократов, которая поддерживала Рузвельта, голосовало 27 752 000, или 60,5%.

В 1937 г. в Японии на парламентских выборах участвовало в голосовании 10 204 127 чел., или 69,9% к общему числу избирателей. За господствующие партии минсейто и сейюкай пода-но 7 252 059 голосов, или 71%.

Итоги голосования при выборах в верховные органы власти в капиталистических странах ни в коей мере не могут быть сравнимы с выборами в наши Верховные Советы союзных и автономных республик.

Ни одна правящая партия капиталистов, ни одно буржуазное правительство не может сказать, что оно опирается на большинство населения страны. Это может сказать только наша ленинско-сталинская партия, наше советское правительство.

Даже во Франции на парламентских выборах 1936 г., когда победил народный фронт, было собрано 5,6 млн. голосов из 9,9 млн., т. е. 56,6%. Это была огромная победа. Но правительство народного фронта, хотя по сравнению с правительствами других капиталистических стран и наиболее ближе отражает интересы народа, — все же не имеет тех глубоких корней в народе, какие имеет наше советское правительство.

Победы социализма в нашей стране глубоко вошли неопровержимыми фактами в жизнь миллионов, в борьбе за социализм выковывалось нерушимое единство многонационального советского народа. Ленинско-сталинская национальная политика обеспечила превращение ранее отсталых национальных окраин в цветущие республики с высоко развитой промышленностью и сельским хозяйством, успешно развивается культура, национальная по форме и социалистическая по содержанию. Как никогда, возрос и окреп Советский Союз. Наша страна стала неприступной крепостью. И итоги выборов являлись одним из грозных предостережений всем поджигателям войны.

Подлинные демократические, самые свободные выборы, проведенные по новой избирательной системе, показывают всему миру величие побед социализма. Эти победы показывают трудящимся и угнетенным массам капиталистических стран путь к полному освобождению от капиталистического рабства.

Почему же ни одна партия, ни одно правительство в мире не может добиться такой поддержки, такого единства, какое получила наша коммунистическая партия, наше советское правительство? Почему всеобщее, прямое и равное избирательное право при тайном голосовании, провозглашенное в конституциях буржуазно-демократических стран, не дает правящим классам этих стран тех результатов, какие получала наша партия, наше правительство?

Потому, что в капиталистических странах тот провозглашенный политический прав далеко до фактического. Потому, что капиталистический строй создает конституцию, подчиненную этому строю.

Совершенно иное положение в нашей социалистической стране.

Товарищ Сталин в докладе о проекте Конституции СССР говорил: «Он не просто провозглашает демократические свободы, но и обеспечивает их в законодательном порядке известными материальными средствами»¹.

Наша Конституция дала в действительности счастливую, радостную жизнь гражданам нашей социалистической родины. Гражданам нашей родины обеспечены: право на труд, право на отдых, право на образование. Всем гражданам нашей страны обеспечены действительные демократические свободы.

Ничего подобного нет и не может быть в капиталистическом мире. Пока существует эксплуататорский строй, пока в руках капиталистического меньшинства находятся все силы государства, вся мощь финансового капитала, до тех пор нет и не может быть действительной демократии для трудящихся. Капиталист и рабочий, батрак и помещик никогда не равны перед законом, не равны они и на выборах.

Всю фальшь и обман буржуазной демократии очень ярко показал В. И. Ленин в следующих замечательных словах: «Если присмотреться поближе к механизму капиталистической демократии, то мы увидим везде и повсюду и в «мелких», якобы мелких, подробностях избирательного права (ценз оседлости, исключение женщин и т. д.), и в технике представительных учреждений, и в фактических преполах праву собраний (общественные здания не для «нищих»!), и в чисто капиталистической организации ежедневной прессы и так далее, и так далее, мы увидим ограничения, да ограничения демократизма. Эти ограничения, изъятия, исключения, препоны для бедных кажутся мелкими..., но в сумме взятые эти ограничения исключают, выталкивают бедноту из политики, из активного участия в демократии»².

Буржуазия сводит на-нет демократические свободы не только установлением имущественных, образовательных и других цензов, но и в самой технике выборов она нагло обманывает трудящихся. Начиная от принципов образования избирательных округов и участков и кончая техникой определения результатов выборов — все используется для обмана избирателей.

Наши избирательные законы возлагают проведение выборов и наблюдение за выборами на избирательные комиссии, образованные самым демократическим путем — из представителей общественных организаций. В буржуазных странах выборами руководят министерства внутренних дел — полиция.

В Англии и Соединенных штатах Америки власти назначают комиссара (чиновника) по выборам, который сам от себя назначает своих агентов, «председательствующих» в избирательных участках.

Капиталисты и помещики через свои правящие партии, через государственный аппарат, чиновников, полицию, через находящиеся в руках капиталистов прессу, радио и т. д. — вытесняют, отстраняют рабочих и крестьян от выборов. Все-возможными мерами устраняют пролетарских кандидатов, выставляемых в состав парламентов вплоть до арестов и т. д. и т. п. И вполне понятны возмущения рабочих и крестьян против капиталистов и помещиков, против их партий, против их правительства.

Вот почему ни одна партия, ни одно правительство в мире не пользуется и не может пользоваться той поддержкой и тем доверием народа, каким пользуется наша коммунистическая партия, наше советское правительство. Ибо у нас нет классов угнетателей и эксплуататоров, нет антагонизма между рабочими, крестьянами и интеллигенцией. У нас весь народ имеет единую цель — строительство социализма. Наш народ живет счастливой, радостной жизнью и он предан нашей славной коммунистической партии, он крепко поддерживает наше советское правительство.

* * *

При выборах в Верховные Советы союзных и автономных республик, как и при выборах в Верховный Совет СССР, наши советские избиратели проявили огромную активность. Миллионы людей непосредственно или через свои общественные организации принимают самое активное участие в организации и проведении всей избирательной кампании.

Около миллиона представителей общественных организаций было в составе окружных и участковых избирательных комиссий, в том числе большое количество беспартийных и женщин. Миллионная армия агитаторов, пропагандистов и доверенных лиц была постоянно связана с избирателями.

Одним из видов массовой и агитационной работы среди населения явились кружки по изучению Конституций союзных республик и «Положения о выборах».

Они были организованы и систематически работали в каждом цехе завода, в колхозах, селах, учреждениях и предприятиях. В кружках занималось в среднем 70—75% всех избирателей. Имеются сведения, что этот процент в некоторых республиках был значительно выше. Так, в Армении было организовано 15 477 кружков, в которых занималось 493 193 избирателя, т. е. почти 80% всех избирателей, состоящих в списках ко дню выборов.

В Молдавской АССР было организовано 8 883 кружка, в которых занималось 275 016 избирателей, т. е. более 80%.

В отдельных городах, районах, сельсоветах количество избирателей, изучавших Конституцию и избирательный закон, превышало и этот процент. Например, избиратели Осовского, Турковского и Каменского сельсоветов Белорусской ССР занимались в кружках почти поголовно — по сведениям на 10 июня охват кружковыми занятиями в этих сельских советах доходил до 92% избирателей.

Но не только на предприятиях, фабриках, в колхозах или учреждениях были организованы эти кружки. Они были организованы в домах, общежитиях, на квартирах для домашних хозя-

¹ Сталин, О проекте Конституции Союза ССР. 1936 г., стр. 21.

² Ленин, т. XXI, стр. 430.

ек. Можно привести немало примеров, когда инициаторами и организаторами таких кружков были сами домашние хозяйки.

Работу кружков в значительной степени дополняли массовые лекции. Советская интеллигенция — профессора, преподаватели, научные работники, юристы, правоведы провели немалую работу по разъяснению трудящимся избирательного закона, Конституции союзных и автономных республик. Вопросы избирателей и ответы лекторов-пропагандистов зачастую превращали лекции в беседы, консультации; рабочие и колхозники интересовались избирательными законами и политическими правами трудящихся капиталистических стран.

Тысячи лекций, проведенных представителями нашей интеллигенции во время избирательной кампании, дополнили ту огромную массовую разъяснительную работу, которая проводилась в кружках.

С момента объявления избирательной кампании центром агитационно-массовой работы явился избирательный участок.

Около 144 тысяч избирательных участков было образовано в эту избирательную кампанию. Как была поставлена организационно-массовая работа в каждом из этих участков, мы можем судить по результатам проведения избирательной кампании.

Тесная связь с населением, практическая помощь избирателям, чуткое отношение к людям, правильная расстановка сил обеспечили выполнение задач, возложенных на агитационные пункты избирательных участков.

Избирательный участок, несмотря на свое короткое существование, завоевал громадный авторитет населения. В агитационный пункт избиратели обращались за разъяснениями и не только по вопросам избирательного права. Вопросы международного положения, вопросы достижений советского искусства, техники, авиации, колхозного строительства, работы предприятия и пр. были предметом обсуждения на беседах с агитаторами.

Массовые экскурсии в музеи, посещение кино, клубов, выезды за город, организации игр, танцев для молодежи, читки газет, радио, музыка — дополняли политическую и организационную работу агитационных пунктов.

Партийные, профсоюзные и общественные организации выдвинули для агитационной работы лучших людей. В этой миллионной армии были рабочие и колхозники, учителя и служащие, старики и молодежь.

Слово агитатора проникало всюду. Оно было понятным и убедительным для каждого рабочего, колхозника, служащего и интеллигента, оно было понятно и старому и молодому поколению.

Выборы в Верховные Советы союзных и автономных республик еще раз показали, каким могучим активом, преданным делу Ленина — Сталина, окружена наша коммунистическая партия.

Сотни тысяч непартийных большевиков, значительная часть которых впервые стала агитаторами, с большой любовью выполняли почетное дело — пропагандировали идеи марксизма-ленинизма, поднимали активность в политической жизни новых и новых слоев трудящихся.

Агитация за кандидатов блока коммунистов и беспартийных нашла единодушный отклик со-

ветского народа в поголовной явке на выборы, в абсолютном доверии, поддержке и единодушном голосовании за кандидатов сталинского блока.

И эти результаты с новой силой подчеркнули, насколько нерушимое достигнутое в борьбе за социализм единство советского народа, насколько велика общность интересов трудящихся всей страны в стремлении к единой цели — к коммунизму.

Избирательные законы союзных и автономных республик строго предупреждают тех, кто посмеет нарушить избирательный закон или нарушить и извратить волю советских избирателей.

В ходе избирательной кампании в период образования избирательных округов и участков, утверждения состава избирательных комиссий, составления списков избирателей — органы советской власти, суд, прокуратура, избирательные комиссии строго наблюдали, чтобы выборы проходили в точном соответствии с избирательным законом.

И все ошибки, неточности, допущенные при проведении избирательной кампании, выправлялись немедленно на месте.

Попытки нарушить избирательный закон пресекались в корне.

Председатель Красновардейского райисполкома (Ленинградская область) прислал Ленинградскому облисполкому телеграмму с подтверждением, что такие-то граждане выставлены в члены Окружной избирательной комиссии от общественных организаций, рабочих и служащих предприятий района. Облисполком проверил правильность этого сообщения и установил, что эти граждане не выставлялись указанными в сообщении организациями. Констатируя нарушение статьи 38 «Положения о выборах в Верховный Совет РСФСР», Президиум Ленинградского облисполкома 28 мая 1938 г. передал дело областному прокурору для привлечения председателя Красновардейского райисполкома к уголовной ответственности.

Да и не только органы власти, суд и прокуратура следят за строгим соблюдением Конституции и избирательного закона — за обеспечением избирательных прав граждан СССР. Наши избирательные законы возлагают этот контроль и на представителей общественных организаций и обществ трудящихся в лице центральных, окружных и участковых избирательных комиссий.

Избирательные комиссии наблюдают за неуклонным исполнением в ходе выборов «Положения о выборах». Кроме того сами Верховные Советы через избираемые ими мандатные комиссии проверяют все представленные Центральными избирательными комиссиями документы и материалы по выборам в отдельности по каждому избирательному округу на каждого депутата, устанавливают законность проведенных выборов, проверяют точно ли соблюдены Конституция и «Положение о выборах» и нет ли мотивов к касации выборов по тому или иному избирательному округу.

Законность выборов, охрана избирательных прав граждан СССР, строжайшее соблюдение принципов советской демократии, внимание и забота об избирателях, — эти основные важнейшие вопросы полностью обеспечиваются, как избирательными законами, построенными в соот-

ветствии со Сталинской Конституцией, так и самой практикой выборов — активным участием самих избирателей в проведении всех мероприятий избирательной кампании.

Заслуживает особого внимания вопрос выставления кандидатов в депутаты по избирательным округам. Порядок выставления кандидатов в депутаты Верховных Советов союзных и автономных республик, установленный нашим избирательным законом, наиболее ярко характеризует развернутый до конца социалистический советский демократизм. Конституция и избирательные законы союзных автономных республик предоставляют трудящимся нашей родины широчайшие права и возможности выставления кандидатов и агитацию за них. В каждом избирательном округе созываются сотни собраний трудящихся по колхозам, по предприятиям, по воинским частям и т. д. Самым тщательным образом обсуждаются выдвигаемые кандидаты. На окружных предвыборных совещаниях представителей всех общественных организаций, фабрик, заводов, колхозов, совхозов договариваются об общих кандидатах блока коммунистов и беспартийных, выбирают доверенных лиц окружного совещания на каждый избирательный участок. Все это обеспечивает тщательный подбор кандидатов в депутаты, выражает единство воли большинства избирателей по округу.

В иных условиях проходит выставление кандидатов в капиталистических странах. Свобода голосования и проявления воли трудящихся на выборах всегда нарушаются в пользу капитализма. Положение кандидата, выставленного рабочим классом и крестьянством, крайне неблагоприятное. Буржуазия, располагая всеми материальными средствами агитации — газеты, типография, кино, радио, здания для собраний, — ведет бешеную клеветническую кампанию против рабочих кандидатов. Миллионы экземпляров газет, брошюр и листовок с гнуснейшими выдумками распространяются всюду с единственной целью — дискредитировать пролетарского кандидата, создать панический страх перед руководителями пролетарских партий.

Не располагая достаточными денежными средствами, органами печати, не имея своих помещений для митингов и собраний, пролетарские партии ограничены в возможностях развернуть широкую агитацию за своего кандидата. Помимо этого в целом ряде стран (США, Франция, Чехословакия, Норвегия) установлен определенный возраст и ценз оседлости, которые предъявляются к кандидату. Для избрания в нижнюю палату требуется возраст не ниже 25 лет (США, Франция) и не ниже 30 лет (Чехословакия, Норвегия и др.)

В Норвегии требуется для депутата обязательно прожить в этой стране не менее 10 лет. В США депутат обязан проживать в штате его избирающим.

В Швеции депутатом верхней палаты может быть избран лишь тот, кто в течение трех последних лет владеет недвижимым имуществом в 50 тысяч крон. Имеется громадное количество и других препятствий, направленных к тому, чтобы кандидаты трудящихся не попали в состав парламента.

По избирательным законам Советского Союза расходы, связанные не только с выставлением

кандидатов, но абсолютно все расходы по выборам полностью относятся за счет государства.

В наших условиях отсутствует конкуренция среди выставленных в одном округе нескольких кандидатов. Почти как правило, в каждом избирательном округе голосуется только один кандидат. Многие избиратели задают вопрос, почему выдвинутые кандидаты снимают свои кандидатуры. Правильно ли это?

Да, это конечно правильно. Это не только не противоречит избирательным законам союзной и автономной республики, но и целиком соответствует нашему социалистическому строю.

М. И. Калинин, выступая в Ленинграде на предвыборном собрании еще при выборах в Верховный Совет СССР, сказал, что «если у нас в ряде мест кандидаты снимают свои имена в пользу одного кандидата, — это является следствием их социального родства и общности их политических целей. Десятки и сотни тысяч избирателей после обстоятельного обсуждения сошлись на одном кандидате. Это и есть признак социализма, признак того, что у трудовых масс нет и не может быть внутренних разногласий, таких внутренних разногласий, какие имеются внутри буржуазного общества»¹.

* * *

С огромным успехом закончились выборы Верховных Советов союзных и автономных республик.

12 июня прошли выборы в Верховные Советы Грузинской и Армянской союзных республик, а также Абхазской и Аджарской автономных республик.

24 июня прошли выборы Верховных Советов еще в 6 союзных республиках — Азербайджанской, Туркменской, Узбекской, Таджикской, Казахской и Киргизской, а также Верховных Советов Нахичеванской и Кара-Калпакской автономных республик.

26 июня прошли выборы в остальных трех союзных республиках: наиболее крупных — РСФСР, Украинской ССР и Белорусской ССР, а также в остальных 18 автономных республиках.

Повсеместно победил нерушимый сталинский блок коммунистов и беспартийных. С великой, неописуемой радостью был избран в Верховные Советы первым депутатом товарищ Сталин.

Верные соратники товарища Сталина — товарищи Молотов, Каганович, Ворошилов, Калинин, Андреев, Микоян, Ежов, Жданов, Хрушев — единодушно избраны депутатами Верховных Советов в разных союзных и автономных республиках.

Народ Советского Союза избрал в Верховные Советы союзных и автономных республик своих лучших представителей — партийных и непартийных коммунистов, твердо идущих по сталинскому пути, людей, умеющих беспощадно разоблачать и разить врагов народа, — советский народ избрал своими представителями людей Сталинской эпохи.

Кто же эти избранные советского народа? Кому избиратели так уверенно отдали все свои голоса? Кому оказано это великое доверие советского народа?

Центральные избирательные комиссии по вы-

¹ Речи на собраниях избирателей в Верховный Совет СССР, Партиздат, 1938 г., стр. 42.

борам в Верховные Советы союзных и автономных республик зарегистрировали избрание 5 914 депутатов Верховных Советов союзных и автономных республик. Из них депутатов Верховных Советов союзных республик — 3 594, Верховных Советов автономных республик — 2 320 человек.

Наряду с руководителями партии и правительства избраны лучшие стахановцы заводов — металлурги, текстильщики, углекопы, железнодорожники и т. д., стахановцы колхозных полей, колхозники, трактористы, работники партийных, советских, профсоюзных и других общественных организаций, деятели науки и искусства — академики, врачи, инженеры, агрономы, учителя, артисты и т. д. Большое количество среди избранных — женщины и представители молодежи.

На первой сессии Верховного Совета РСФСР мандатная комиссия доложила о составе депутатов Верховного Совета РСФСР. В числе избранных — вождь народа товарищ Сталин и его верные соратники т. т. Молотов, Каганович, Ворошилов, Калинин, Андреев, Микоян, Ежов, Жданов.

В составе избранных — 157 женщин. Молодежь в возрасте до 25 лет — 67 человек, рабочих — 339, крестьян — 195, служащих и советской интеллигенции — 193. В числе последних 13 академиков и профессоров. Среди избранных депутатов имеются представители нашей славной Красной армии и флота — бойцы командиров, политработники.

Избранием представителей от Красной армии и флота советский народ показал, какой любовью пользуется наша славная Красная армия.

Избранием 157 депутатов-женщин советский народ показал, какое почетное место занимает женщина в нашей социалистической родине.

Избрание представителей советской интеллигенции — академиков, профессоров, инженеров, учителей, писателей, артистов — говорит о том, каким уважением и доверием пользуются в нашей стране работники науки и искусства.

Избранием 67 депутатов в возрасте до 25 лет наш народ показал, как он любит нашу молодежь и какой славный путь имеет наше молодое поколение в стране социализма.

В составе депутатов имеются представители 37 национальностей. Такой многонациональный состав депутатов Верховного Совета самой большой союзной республики говорит о подлинной дружбе всех народов РСФСР, о торжестве ленинско-сталинской национальной политики, о воплощении в жизнь идей интернационализма. Это является ярким подтверждением слов товарища Сталина о том, что «мы имеем теперь вполне сложившееся и выдержавшее все испытания многонациональное социалистическое государство, прочности которого могло бы позавидовать любое национальное государство в любой части света»¹.

Ничего подобного нет и быть не может ни в одной буржуазно-капиталистической стране. Так

например, в Англии после выборов 1935 г. на 615 депутатов парламента насчитывалось всего 5 рабочих и 9 женщин. Третья часть состава депутатов парламента состоит из дворян и одна пятая часть — из офицеров армии и флота.

В июле проходят сессии Верховных Советов всех союзных и автономных республик. По докладу мандатных комиссий Верховные Советы подтвердят полномочия избранных депутатов. Депутаты приступают к своей работе.

Конституции союзных и автономных республик требуют, чтобы каждый депутат отчитывался перед избирателями в своей работе и работе совета депутатов трудящихся и что он может быть в любое время отозван по решению большинства избирателей в установленном законом порядке.

Каждый депутат Верховного совета должен оправдать великое доверие народа. Каждый депутат всегда должен помнить указания товарища Сталина о том, что: «Избиратели, народ должны требовать от своих депутатов, чтобы они оставались на высоте своих задач, чтобы они в своей работе не спускались до уровня политических обывателей, чтобы они оставались на посту политических деятелей ленинского типа, чтобы они были такими же ясными и определенными деятелями, как Ленин, чтобы они были такими же бесстрашными в бою и беспощадными к врагам народа, каким был Ленин, чтобы они были свободны от всякой паники, от всякого подобия паники, когда дело начинает осложняться и на горизонте вырисовывается какая-нибудь опасность, чтобы они были также свободны от всякого подобия паники, как был свободен Ленин, чтобы они были также мудры и неторопливы при решении сложных вопросов, где нужна всесторонняя ориентация и всесторонний учет всех плюсов и минусов, каким был Ленин, чтобы они были так же правдивы и честны, каким был Ленин, чтобы они так же любили свой народ, как любил его Ленин»¹.

Помнить эти слова товарища Сталина должны и избиратели. Конституция дает полное право избирателям отозвать своего депутата, если он не оправдает их доверия, забывает о своей ответственности перед народом, забывает о своей зависимости от него, если депутат опускается до уровня политических обывателей. Советский демократический закон и советская действительность целиком и полностью обеспечивают политические права избирателей, права народа.

Под знаменем Сталинской Конституции, под руководством коммунистической партии большевиков, одерживая новые и новые победы в социалистическом строительстве, преодолевая трудности и разрушая коварные замыслы врагов, трудящиеся Советского Союза уверенно идут по пути, указанному Марксом — Энгельсом, Лениным — Сталиным, к построению нового общества — к коммунизму.

¹ Сталин, О проекте Конституции, Партиздат, 1936 г., стр. 15.

¹ Сталин, Речь на предвыборном собрании Сталинского избирательного округа г. Москвы, Партиздат, 1937 г., стр. 12—13.

Участие органов прокуратуры в избирательной кампании по выборам в Верховные Советы союзных и автономных республик

На органы прокуратуры возложена огромной важности задача по охране прав и интересов трудящихся, гарантированных Сталинской Конституцией.

Осуществление этой задачи особенно наглядно сказалось в дни подготовки и проведения выборов в верховные органы союзных и автономных республик.

В период избирательной кампании органы прокуратуры мобилизовали свое внимание на вопросах надзора за мероприятиями по подготовке к выборам.

Всякая ошибка, всякий промах в этой работе независимо от того случаен ли он или является результатом злого умысла имел бы своим последствием существенное нарушение права трудящегося избирать свой верховный орган власти.

Следует отметить, что нарушений избирательного закона на местах было немало. К ним относятся, как мы это увидим ниже, нарушения в организации избирательных участков, в формировании избирательных комиссий, в неправильных составлении списков и т. д.

В результате принесенных органами прокуратуры протестов своевременно были приняты меры по устранению многих и многих недочетов в проведении избирательной кампании и исправлении допущенных ошибок.

Наглядной иллюстрацией этого являются приведенные ниже факты.

В самом начале избирательной кампании органами прокуратуры были выявлены нарушения закона в организации избирательных участков. В ряде мест нарушались нормы, установленные ст. ст. 28 и 30 Положения о выборах в Верховный Совет РСФСР. Так например, в Пушкинском районе Московской области на ст. Правда 58-й избирательный участок был организован с количеством населения в 3 300 чел.; в гор. Пушкине 7-й избирательный участок был организован с количеством населения в 2 900 чел.; в Ленинском районе избирательный участок № 18 был организован с количеством населения в 2 850 чел.; в гор. Куйбышеве избирательный участок был организован при психиатрической больнице. Аналогичные факты имели место в Днепропетровской и других областях.

Все указанные случаи нарушения закона были вскрыты органами прокуратуры и в результате прокурорских протестов исправлены.

Большое число нарушений было обнаружено органами прокуратуры при образовании участковых избирательных комиссий. Так например, председатель Пуятинского райисполкома Рязанской области сам назначал членов избирательных комиссий. В Сердобском районе Саратовской области 31 человек были утверждены решением членами избирательных комиссий без выделения этих кандидатур в установленном порядке. В Михайловском и других сельсоветах Опоянского района Полтавской области УССР были

случаи формирования участковых избирательных комиссий на заседаниях сельпо и сельсоветов.

В Донецкой области Илирийский сельсовет обязал дом инвалидов выделить 5 представителей в участковую избирательную комиссию.

Завком завода «Красный треугольник» в Ленинграде сообщил в райсовет списки лиц, выделенных в участковые комиссии от профорганизации завода. Согласно письму предзавкома, эти работники были якобы выдвинуты на цеховых собраниях, в которых участвовали 21 000 членов союза. При проверке органами прокуратуры правильности этих выборов оказалось, что собрания в большинстве не проводились, а назначенные кандидаты были выдвинуты цеховыми профорганами и парторганами. На заводе «Свобода» Выборгского района собрания для рекомендации членов участковых комиссий состоялось еще 12 января, т. е. задолго до постановления Президиума ВЦИК о назначении выборов.

Председатель Зарайского горсовета Московской области Бородин разослал всем парторганизациям города письма с предложением выделить в избирательные комиссии определенных лиц (названы фамилии). Яркий пример нарушения советской демократии дал президиум Калининского облисполкома. Он утвердил 26 апреля с. г. состав окружных избирательных комиссий, причем членами комиссий были утверждены лица, которые к тому времени еще не были выдвинуты общественными организациями.

В Полтавской и Житомирской областях оргкомитеты ВУЦИК утвердили членами окружных избирательных комиссий целый ряд лиц, рекомендованных в состав комиссии с нарушением закона. Такие же явления имели место и в Винницкой области.

В результате такого рода нарушений в избирательные комиссии проникли классово-враждебные и сомнительные элементы. Так, в этих областях в состав окружных избирательных комиссий попали лица, судившиеся в прошлом за различные преступления, и участники банд Курского и Петлюры. Секретарь Янушпольской избирательной комиссии Нестерук Н. Д. после его утверждения был арестован органами НКВД.

Благодаря отсутствию бдительности и невнимательному отношению к подбору кандидатур, в состав избирательных комиссий попали лица, осужденные по различным статьям УК (за растраты, хищения, убийства и т. д.), либо находящиеся под следствием и не могущие пользоваться доверием избирателей.

Органы прокуратуры провели большую работу по выявлению и очищению избирательных комиссий от такого рода элементов. Все перечисленные выше случаи нарушения закона, вскрытые органами прокуратуры, были опротестованы и в результате протестов исправлены.

Большое количество нарушений было выявлено органами прокуратуры и при составлении местных советами избирательных списков. Так

например, в Ленинграде, в Архангельске и других местах не были включены в первоначальные списки сезонники, прибывшие из других мест. В то же время в списки были включены лица, давно выбывшие из районов и городов, но не отмеченные в списках населения благодаря неправильному учету населения.

Желая, повидимому, устранить это неудобство, президиум Сталинградского горсовета предложил райсоветам вести тщательный учет населения, а в дальнейшем наблюдать за текучестью населения при помощи милиции. Это постановление было опротестовано прокуратурой как противоречащее ст. 7 Положения о выборах.

Дзержинский райсовет гор. Ленинграда приготовил для рассылки избирателям особые письма, с предложением сообщить, где они будут голосовать, причем была разработана особая форма сообщения о том, что избиратель будет 26 июня голосовать в Ленинграде. По предложению прокуратуры эта форма обращения к избирателям была изъята.

В Сталинабаде (Таджикской ССР) списки избирателей в нарушение ст. 14 Положения о выборах в Верховный Совет Тадж. ССР были составлены на русском языке, тогда как коренное население Сталинабада русским языком не владеет. Такой же случай имел место в Балаклавском районе Крымской АССР, где население состоит преимущественно из татар. По протестам органов прокуратуры эти нарушения были исправлены.

В г. Тара Омской области по установке горсовета списки избирателей составлялись с пропуском 4 граф, для вписывания в эти графы лиц, которые не были включены в списки по тем или иным причинам. В результате в оставленные в запас графы дополнительно без проверки включались лица, в том числе и лица, находящиеся в заключении. По протесту прокурора это нарушение закона было отменено и списки были составлены в соответствии с законом.

В Лоевском районе БССР секретарь Рудня Маримоновского сельсовета Шак, при обращении к нему гр. Майорова с просьбой внести его в списки избирателей, так как он в списки внесен не был, заявил, что если он выполнит государственные обязательства и, в частности мясодоставки, тогда он будет внесен в списки избирателей. После вмешательства райпрокурора Майоров в списки избирателей сельсоветом был внесен. Секретарь сельсовета Шак с работы снят.

В Иркутской области был выявлен случай, когда колхозница Матягина Федора была записана как Матягин Федор лишь на том основании, что она носит мужскую куртку и кепку. По предложению прокурора это было исправлено.

В списки избирателей не вносились отдельные лица как умалишенные, на основании лишь предположений местных советов при отсутствии данных, установленных законом. В целом ряде мест в списки избирателей были включены лица, давно умершие (Могилевская область — БССР).

Все такие случаи, выявленные органами прокуратуры, были исправлены.

Искажались имена, отчества, фамилии, год рождения. Целый ряд лиц были записаны годом рождения 1996, 1945, 1925, 1838, 1925 и т. д. По отдельным сельсоветам искажение списков избирателей доходило до 50% (Архангельская, Иркутская, Ленинградская область, БССР, УССР,

Арм. ССР и т. д.). По требованию органов прокуратуры все эти неправильности в списках были исправлены.

В нарушение установленной законом формы списков избирателей в отдельных местах были попытки расширить перечень сведений об избирателях. Так например, председатель Коношского поселкового совета Вологодской области включил в формы списка вопросы о партийности, образовании, соц. положении, специальности, профессии, лишении прав в прошлом и т. п. Другие пытались использовать организационную работу по выборам для получения интересных сведений. Так например, Ногинский горком ВКП(б) составил анкету для уполномоченных по избирательным участкам. Уполномоченные должны были представить горкому сведения о составе избирателей по социальному положению, партийности, с особым указанием числа врачей, учителей, агрономов, инженеров и т. п.

В некоторых районах участковые избирательные комиссии организовывались в помещениях закрытого типа, для входа в которые требовался специальный пропуск. Так, в Октябрьском районе гор. Москвы избирательный участок № 80 был организован на хлебозаводе № 9. Вход в участок был через проходную будку, причем для получения пропуска требовалось предъявление паспорта. По предложению прокурора был устроен особый вход в помещение этой комиссии.

Аналогичные случаи имели место в Сокольническом районе гор. Москвы, в Калмыцкой АССР, в Ленинграде, Минске и других местах.

Проверкой, произведенной органами прокуратуры, был выявлен ряд случаев небрежного и халатного хранения избирательных документов. В целом ряде избирательных комиссий эти документы хранились в незакрытых шкафах или дома у председателя, или у заместителя председателя комиссии (Ленинград и др.). В результате имели место случаи утери избирательных документов. Так например, в Крымской АССР председатель участковой избирательной комиссии Троицкий потерял в Евпаторийском магазине крымторга 700 избирательных бюллетеней. Спустя два дня бюллетени были найдены в городском саду.

В Островском районе Ленинградской области секретарь Дроздовского сельсовета Алексеев утерял 172 бланка списков избирателей и 20 бланков удостоверений на голосование. Такие случаи имели место и в других областях и республиках. По всем этим случаям органами прокуратуры было начато расследование.

В Бодайбинском районе Иркутской области горсоветом были вывешены списки избирателей на витрине на здании горсовета, но без стекла. Через несколько дней после того, как они были вывешены, проходившая по улице корова слизнула их (списки были приклеены мучным клеестером), в результате часть списков оказалась испорченной.

В процессе подготовительной работы к выборам органами прокуратуры был выявлен целый ряд враждебных выступлений и контрреволюционных вылазок антисоветских элементов, направленных к срыву выборов. Выражались эти выступления в попытках срыва занятий кружков, собраний, посвященных избирательной кампании, пренебрежению работе по составлению и проверке списков избирателей, к.р. агитации

против выставленных кандидатов, актива избирательной кампании и пр. В отдельных местах имели место даже террористические акты против членов избиркома, окружных и участковых комиссий (Мордовская АССР, УССР и БССР).

Органы прокуратуры во всех случаях неуклонно привлекали виновных к уголовной ответственности и предавали их суду.

Прошедшие выборы в Верховные Советы союзных и автономных республик явились мощной демонстрацией любви и преданности советского народа своему социалистическому отечеству.

Блестящая победа Сталинского блока коммунистов и беспартийных на прошедших выборах,

небывалый и невозможный ни в одной капиталистической стране процент явки избирателей, громадная политическая активность, проявленная населением как во время подготовки к выборам, так и в день выборов, явились ответом советского народа своему вождю и учителю товарищу Сталину за счастливую, радостную жизнь в солнечной стране социализма.

Работники прокуратуры, вложившие и свою долю участия в обеспечение успеха избирательной кампании, не должны успокаиваться на достигнутом.

Богатый опыт прошедшей избирательной кампании должен быть целиком учтен в предстоящих выборах в местные советы.

ГОЛОВАНОВ, РАХУНОВ

Аттестование прокуроров и наши задачи

Сталинская Конституция возложила на советских прокуроров важнейшие обязанности по укреплению социалистической законности и охране гарантированных ей прав граждан СССР.

Каждый советский гражданин знает, что в лице прокуратуры, являющейся органом диктатуры пролетариата, он имеет твердого и надежного защитника своих прав на труд, на образование, на лечение, на обеспечение в старости, на неприкосновенность его личности и т. д.

Все население нашей великой советской страны видит в лице прокуроров людей, которые стоят на страже социалистической законности в СССР и ведут борьбу с теми, кто пытается эту законность «приспособить» на свой лад, сделать ее местной, в противовес законности общесоюзной, законности социалистической.

Органы прокуратуры, представляющие собою единую централизованную общесоюзную систему, стали еще более боевыми органами пролетарского государства с организацией Прокуратуры Союза, на которую постановлением правительства были возложены в качестве основных задач обязанности по укреплению социалистической законности и охране социалистической собственности — основы советского общества.

В свете этих задач работники прокуратуры должны соответствовать высоким требованиям политической подготовки и деловой квалификации. Прокурор является государственным деятелем. Это представитель центральных органов власти, обязанный наблюдать за неуклонным проведением законов в жизнь местными органами советской власти. Это представитель государства, осуществляющий функции привлечения к уголовной ответственности и поддержания обвинения в суде. Это лицо, поставленное государством для защиты законных прав и интересов граждан. Прокурор — это политический деятель. Он должен уметь в своей работе всегда стоять на высоком принципиальном уровне выполнения своих обязанностей и быть, как этого требует Сталинская Конституция, независимым от каких бы то ни было местных влияний.

Эти задачи могут быть выполнены прокурорами при условии, если они овладеют большевизмом. Необходимо обладать большевистской закалкой для того, чтобы на работе быть принци-

пиальным, стойким, выдержанным, готовым к нанесению врагу сокрушительного удара. Необходимо обладать большевистской закалкой, чтобы суметь свою работу организовать находить в ней решающее звено и быть всегда связанным в массе, прислушиваться к голосу масс, извлекать уроки из критики и самокритики.

К прокурорам следует отнести замечательные слова, обращенные товарищем Сталиным на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 г. к партийным кадрам. Он сказал:

«Я думаю, что если бы мы смогли, если бы мы сумели наши партийные кадры, снизу доверху, подготовить идеологически и закалить их политически таким образом, чтобы они могли свободно ориентироваться во внутренней и международной обстановке, если бы мы сумели сделать их вполне зрелыми ленинцами, марксистами, способными решать без серьезных ошибок вопросы руководства страной, то мы разрешили бы этим девять десятых всех наших задач»¹.

Овладение большевизмом составляет важнейшую политическую задачу для работников прокуратуры.

Работники прокуратуры не сумеют справиться с возложенными на них обязанностями, если они не будут иметь необходимой теоретической подготовки в области социалистического права. Враги народа Крыленко, Пашуканис и др. старались прививать работникам юстиции вредные антиленинские взгляды в теории права, они так строили занятия учебной сети, чтобы дезорганизовать ее, чтобы оканчивающие вузы и правовые школы не получали необходимых им знаний, чтобы они не обладали большевистской эрудицией. Они хотели разрушить правовое образование. Теоретическая подготовка кадров и разоблачение вредительской работы врагов народа в области теории права является вторым важнейшим условием прокурорской работы в настоящее время.

В обращении к избирателям в связи с выборами в Верховный Совет СССР ЦК ВКП(б) писал:

¹ Сталин, О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников, Партиздат, 1938 г., стр. 26.

«Чтобы обезопасить нашу родину от этой опасности (для свободы и независимости родины.— Г. и Р.), нужно иметь, во-первых, хорошо организованные карательные органы, способные обезвредить шпионов, вредителей, диверсантов и других врагов советского народа».

В обращении говорится, что наша страна имеет в своем распоряжении проверенные карательные органы. Вместе со славными органами НКВД, руководимыми сталинским наркомом товарищем Ежовым, окрепла и система прокуратуры, освободившаяся в значительной мере от врагов народа, засевших в отдельных ее звеньях.

За последнее время в органах прокуратуры была произведена очистка от враждебных элементов, проникших на этот боевой участок для того, чтобы отсюда помогать контрреволюционным элементам, ставленникам фашистских разведок, проводить свою вредительскую и диверсионную работу. Вместо них на прокурорскую работу выдвинуто большое количество новых людей, имеющих опыт политической работы.

Буржуазно-помещичий строй старой России старательно обеспечивал царскую прокуратуру кадрами, преданными буржуазной юстиции и охранявшими устои капитализма. В очерках судостроительства т. Вышинский приводит некоторые данные, характеризующие царскую прокуратуру. Среди обер-прокуроров царской России было 85,4% дворян, остальные также принадлежали к господствующим классам. Обер-прокуроры первого и кассационного департаментов на 100% были дворяне. В окружных судах 95% прокуроров были дворянами, детьми офицеров и лиц духовного звания. Даже среди низшего звена царской юстиции, среди следователей, дворян было 41,6%, сыновей лиц духовного сословия — 16,8%, детей офицеров — 14,9%. Все назначения производились министром юстиции, а обер-прокуроры назначались «по высочайшему указу». Такая централизация в назначении прокуроров вызывалась стремлением обеспечить царскую прокуратуру отборными, преданными царизму людьми.

Октябрьская социалистическая революция разбила старую буржуазную государственную машину, отменила законы, представлявшие волю господствующего класса капиталистов. На смену им пришло новое государство, новые законы.

Кадры советской прокуратуры составляют плоть от плоти нашего советского народа. Это рабочие и крестьяне, это советские специалисты, которые пошли в прокуратуру для того, чтобы преданно работать на фронте социалистической законности, укреплять мощь диктатуры пролетариата.

91,1% прокуроров являются членами партии Ленина — Сталина. Около 30% прокуроров — это бывшие рабочие и около 60% — это бывшие трудовые крестьяне и колхозники. 57,2% из общего количества прокуроров работают в органах прокуратуры свыше 3 лет, из них больше половины работает уже свыше 5 лет.

Только что закончившееся аттестование городских и районных прокуроров имело целью дальнейшее укрепление органов прокуратуры и выдвижение новых, молодых кадров, которые, не боясь трудностей борьбы, способны обеспечить выполнение поставленных перед прокуратурой задач.

В речи на выпуске академиков Красной армии товарищ Сталин говорил:

«Настоящая закалка кадров получается на живой работе, вне школы, на борьбе с трудностями, на преодолении трудностей. Помните, товарищи, что только те кадры хороши, которые не боятся трудностей, которые не прячутся от трудностей, а наоборот — идут навстречу трудностям для того, чтобы преодолеть и ликвидировать их. Только в борьбе с трудностями куются настоящие кадры»¹.

Проверка прокурорских кадров при аттестовании должна была отсечь и отсеяла из наших рядов людей трусливых и боящихся трудностей и заменить их людьми бесстрашными, волевыми, умеющими бороться с трудностями и добиваться их преодоления.

Аттестование по Калининской области показало, что 50% районных прокуроров должны быть освобождены от прокурорской работы, как не справляющиеся с ней вследствие низкого культурного уровня и весьма слабой деловой квалификации. Вместе с тем аттестование установило, что имеются товарищи, заслуживающие выдвижения, о которых областное руководство прокуратуры совершенно забыло, например, тт. Корнилов — Оленинский район, т. Иотко — Ржевский район и др.

В Рязанской области аттестование показало, что в областном центре — г. Рязань, прокурором работает товарищ, не обеспечивающий работы и создающий видимость ее, вместо работы по существу. Этот прокурор весьма редко и «по большим праздникам» выступает в суде, не поднимает принципиальных вопросов в области революционной законности, между тем, нарушений в Рязани имеется немало. Он не ведет наблюдения за следованиями, дознательской работой милиции и т. д. У областного руководства прокуратуры создалось «привычное» отношение к этому прокурору. Хотя и областная, и городская прокуратуры расположены в одном городе, городского прокурора знают только по анкетам и по его очковитательским отчетам, вернее — совсем не знают. Вместе с тем в области имеются кадры, которые должны быть немедленно выдвинуты. Например, райпрокурор т. Алексеев и др.

В результате аттестования по Украинской ССР подлежит освобождению примерно 10% районных прокуроров, большинство из них по деловым мотивам. Это — люди, которые несмотря на то, что уже подолгу, иногда десятилетиями работают в органах прокуратуры, на работе не растут, ею не интересуются, квалификации своей не повышают и полагают, что их никто не осмелится тронуть, потому что они «старые» прокуроры.

В Орловской области при аттестовании были установлены такие факты. Прокурором Болховского района работает Фролов, человек политически недостаточно грамотный, разваливший работу прокуратуры. В Мценском районе работал прокурором т. Товстик, не работающий над собой, допускающий в работе грубейшие искривления и незаконные аресты. В Брасовском районе работает прокурором Кошаров, ограничивший свою работу пределами канцелярии, с массами не связанный. Вместе с тем аттестование в Орловской области выявило ряд людей, достойных и заслуживающих выдвижения на более ответственную работу.

Приведенных примеров достаточно для того,

¹ Ленин и Сталин т. III, стр. 641.

чтобы показать, какое большое политическое значение имеет проведенное аттестование, которое позволило впервые как следует изучить кадры районных прокуроров — этого решающего звена прокурорской системы.

Общие задачи, стоящие перед органами прокуратуры, и проведенное аттестование выдвигают ряд вопросов и проблем в области кадров — выдвижение кадров, их закрепление, повышение их подготовки, внимание к нуждам прокурорских работников и др.

Первым важнейшим выводом из аттестования является вывод о том, что областные прокуроры зачастую не знают своих кадров. На Украине, в Ленинграде и в других областях установлены многочисленные факты, когда представителей общепрокуратуры не было по 1 и по 2 года в районах, а если они приезжали, то это была не помощь районному прокурору, а «наезд» по какому-нибудь специальному поручению. В Татарской АССР, например, в прокуратуре Высокогорского района, где прокурором работает т. Кочетов, молодой прокурорский работник, почти в течение года никто из прокуратуры республик не приезжал. Точно так же и к т. Козлову, молодому прокурорскому работнику Пестречинского района, также в течение года никто не приезжал.

Всесоюзное совещание прокуроров, обсуждавшее вопросы перестройки прокурорской работы, вынесло ряд важнейших решений, обязывающих всех прокуроров работать по-новому. А работать по-новому можно, лишь изменив методы и формы связи с периферией, организацией конкретного руководства последнею. Понятно, что только подлинная живая связь и систематическая помощь районным прокурорам может обеспечить улучшение работы и разоблачение негодных работников, не могущих выполнять высоких обязанностей прокурора.

В Прокуратуре Крымской АССР подвизался на разных прокурорских должностях Корнеев. Если бы местные руководители и отдел кадров Прокуратуры РСФСР удосужились присмотреться к Корнееву, они легко убедились бы в том, что это человек, не могущий связать концы с концами в своей биографии, присвоивший себе заслуги пребывания в рядах Красной гвардии, Красной армии и борьбы с белыми, вступивший в партию при весьма сомнительных обстоятельствах. Для того чтобы вскрыть эти факты, понадобился выезд представителя Прокуратуры Союза, который при первом же изучении материалов пришел к весьма серьезным для Корнеева выводам.

Аттестование положило начало систематическому изучению кадров. Работа по изучению кадров должна быть поставлена так, чтобы в наши ряды не могли затесаться жулики и мошенники, а затесавшиеся были бы как можно быстрее разоблачены.

Кадры необходимо изучать не по анкетам, а по делам и работе. При аттестовании кадров были выявлены многочисленные случаи, когда многие начотделов республиканских и областных прокуратур не могли сказать, как работает тот или иной прокурор. Получилось это потому, что отделы кадров изучали людей по анкетам, оторванно от их деловой работы, а оперативные работники прокуратуры изучали дела, не глядя на людей, на «авторов» этих дел. Такое положение далее терпеть нельзя. Необходимо добиться, что-

бы между отделами кадров и оперативными отделами был установлен такой контакт, который обеспечил бы подлинное изучение людей и оказание им конкретной практической помощи, чтобы своевременно можно было сделать, в случае необходимости, перемещение, не выжидая, пока товарищ, не справляющийся с работой, усугубит свои ошибки. Такой метод изучения кадров обеспечит успешную перестройку прокурорской работы.

За последние 1—1½ года в органы прокуратуры влилось более двух тысяч новых работников. В настоящее время в органы прокуратуры вливается около 250 новых прокурорских работников, получивших высшее юридическое образование. Особенность аттестования в этом году заключается в том, что на место лиц, которые не могут быть в дальнейшем использованы на прокурорской работе, назначаются новые товарищи, ранее никогда не работавшие в органах прокуратуры и в органах юстиции — люди, ранее работавшие на партийной, комсомольской и советской работе. В Рязанской области, например, на районную прокурорскую работу назначено новых 18 товарищей, в Ленинграде — 20. В Челябинской области выделено для укомплектования прокуратур 26 новых работников, в Курской обл. — 29 из числа советских работников и частью из председателей окружных и участковых избирательных комиссий. В этом свете со стороны руководителей прокуратур требуется совершенно иной подход к вопросам распределения людей и организации помощи новым кадрам. Это является вторым выводом из аттестации прокуроров.

Можно ли нового работника, не юриста, который все свои познания в области юридических наук получил в течение 2-месячной практики, направить на работу в такой район, где в аппарате прокуратуры нет ни одного работника со специальным юридическим образованием? Можно ли направить нового работника на самостоятельную работу без предварительной стажировки в аппарате республиканской или областной прокуратуры? Эти и подобные им вопросы должны обязательно стоять в поле зрения руководителей прокуратур. О том, в каком положении оказываются иногда молодые работники, свидетельствует письмо следователя Сенчанского района Полтавской области т. Семко. В письме, направленном в Прокуратуру Союза, он пишет: «Прокурор района и я — работники молодые в юстиции, оба мы работаем на этой работе с 1937 г. Необходимо настойчиво работать над собой, читать специальную литературу, а ее в прокуратуре нет. Полтавская областная прокуратура обещала обеспечить небольшой библиотечкой, но она этого обещания не выполнила». Калининская прокуратура проявила ценную инициативу, прикрепив к каждому такому новому работнику квалифицированного работника из областной прокуратуры, на обязанности которого лежит оказание ему повседневной практической и консультационной помощи.

Аттестование в Киргизии выявило полное отсутствие конкретной помощи районным прокурорам со стороны прокуратуры республики. Прокуроры в один голос заявляли, что за все время работы к ним никто не приезжал из прокуратуры республики, которая ограничивалась только тем, что в редких случаях созывала кустовые совещания. Отдаленностью районов объяснить это положение никак нельзя. Зам. прокурора рес-

публики т. Гутев должен был признать, что оперативное руководство было слабым. При аттестовании выяснилась беспомощность республиканской прокуратуры и ее отделов. Руководящие работники не могли дать деловой характеристики райпрокурорам.

В Киргизии 50% райпрокуроров — новые люди, работающие в нашей системе только несколько месяцев. Нужно отметить, что часть из этих новых работников неправильно отобрана. В данном случае игнорируется принцип выдвижения на прокурорскую работу лиц, достойных и могущих овладеть этой работой. Так например, прокурором одного из районов был назначен товарищ, до того работавший инспектором по военному учету и не имевший никакого опыта политической советской работы. Этот товарищ полгода совмещал прокурорскую работу с работой по военному учету, смазывал преступления руководителей райисполкома, а прокуратура республики, в результате отсутствия с ее стороны какого бы то ни было контроля, ничего не знала об этом.

Прокуратура Киргизии допустила большую ошибку, заключающуюся в том, что большинство новых работников направлялось на самостоятельную работу без всякой предварительной подготовки и даже инструктажа.

Правильный отбор и расстановка новых работников и оказывание им повседневной помощи является важнейшей обязанностью местных органов прокуратуры.

Третий вывод — это вопрос организации повышения теоретического уровня прокурорских работников.

Вопросы идейно-политического воспитания прокурорских работников и поднятия их правового теоретического уровня составляют важнейшую задачу сегодняшнего дня. Тот прокурор, который замыкается в рамках своих повседневных дел и нужд и не находит времени для своего идейно-политического роста, не понимает, что он как коммунист, как работник — обреченный человек.

Тов. Вышинский в своем докладе на Всесоюзном совещании прокуроров поставил этот вопрос во всей полноте и со всей остротой. Советский прокурор должен быть политически зрым, культурным, вполне грамотным работником. Он должен владеть ленинизмом. Он должен быть вполне сведущим человеком в вопросах политики партии и правительства, он должен знать основные вопросы социалистического права и советские законы. Именно он должен быть в районе лучшим знатоком советских законов.

Невежество отдельных прокурорских работников, встречающееся еще к сожалению, является следствием низкого культурного уровня. Еще Салтыков-Щедрин писал, что «трудно представить себе другую силу, которая могла бы так всецело гарантировать равнодушие к общественным интересам, как гарантирует невежество».

Правильная большевистская работа находится в прямой зависимости от теоретического уровня, общей культуры и знания дела. Необходимо покончить с ничем общим не имеющим с большевизмом противопоставлением работы над собой — служебной работе.

В этом плане встает необходимость организации своей прокурорской учебной сети. Это вызывается двумя причинами: во-первых, проку-

рская работа требует известной специализации и, во-вторых, выделение прокуратуры из Наркомоста фактически привело к тому, что нужды прокуратуры в области подготовки не получают полного удовлетворения со стороны управления учебными заведениями Наркомоста и облсудов.

Мы думаем, что вопрос, поднятый т. Вышинским, о выделении одного из высших учебных заведений для Прокуратуры Союза, будет поддержан всеми прокурорскими работниками. Если Всесоюзная правовая академия будет выделена для этой цели, а это должно быть именно так, потому что она создавалась при ближайшем участии Прокурора Союза, она может быть и будет превращена в кузницу прокурорских кадров. Через академию и через заочную сеть может быть в кратчайший срок пропущена большая часть прокуроров.

Имеющиеся данные дают следующее представление о специальном образовании прокурорских работников по Советскому Союзу. С высшим юридическим образованием среди прокуроров имеется 10,1%, со средним юридическим образованием (курсовая сеть) 33,8%, а 56,1% общего числа прокуроров не имеет специального юридического образования. Такое положение не может не отразиться и на качестве работы. Необходимо широко развернуть дело повышения теоретического уровня прокурорских работников, ибо без знания науки советского социалистического права невозможно обеспечить выполнение стоящих перед органами прокуратуры задач.

Необходимо отметить, что органы прокуратуры и сами прокуроры поворачиваются очень медленно. Это видно хотя бы из того, что по РСФСР, самой большой союзной республике, в настоящее время из прокуроров обучается на юридических курсах 119 человек, в правовых школах 139 и в порядке заочного образования — 123, всего 381 человек, что составляет весьма незначительную долю общего количества прокурорских работников. При таком охвате сетью юридического образования нельзя будет добиться в ближайшее время решающих успехов в повышении юридического образования и улучшении работы.

Сеть шестимесячных юридических курсов и полных правовых школ должна быть правильнее использована, чтобы обеспечить проведение систематической подготовки и переподготовки прокурорских и следственных кадров. Прокуроры республик и краев должны ближе подойти к вопросу руководства и помощи юридическим курсам.

Правовые школы являются основным каналом пополнения кадров. Прокуроры должны суметь сочетать свою непосредственную работу с работой по подготовке кадров.

Прокуратура Союза берет на учет всех прокурорских работников — преподавателей правовых школ, для того, чтобы оказать им необходимую помощь в их преподавательской работе.

Особенно широко должно быть развернуто заочное образование. Необходимо покончить с существующим кое-где настроением некоторых руководителей общественных и краевых прокуратур, не отпускающих заочников даже для сдачи государственных экзаменов. Существующая система заочного образования и открывающаяся в этом году заочная академия при Всесоюзной правовой академии может обеспечить, чтобы в ближайшие годы получила высшее юридическое

образование, по крайней мере, половина городских и районных прокуроров и все прокуроры республик, краев и областей. Заочное образование должно занять почетное место во всей нашей подготовительной системе.

Необходимо организовать при облпрокуратурах руководство самообразованием. Существовавший ранее так называемый юрминимум извращал дело самоподготовки как с точки зрения содержания, так и по форме его внедрения. Его место должна занять работа по систематическому и квалифицированному руководству самообразованием прокурора. Ему необходимо помочь в получении литературы и консультациями по юридическим вопросам, а проведение учебно-методических конференций должно служить цели проверки роста юридической грамотности прокурорских работников.

Организуемые в ближайшее время курсы для высшего состава прокуроров должны будут их вооружить теорией права, знанием законов и поднять их политический уровень.

Стажировка ответственных прокурорских работников при Прокуратуре Союза, существующая уже почти в течение года, целиком и полностью себя оправдала. Из общего числа прокуроров, прошедших стажировку, 158 человек выдвинуто на более ответственную, преимущественно самостоятельную, работу — 26 человек, из них часть товарищей признана соответствующей для работы в центральном аппарате Прокуратуры Союза. Этот метод изучения и подготовки прокурорских работников необходимо распространить и на места. Уже в ближайшее время возможно при прокуратурах РСФСР, УССР, БССР, Казахской и Узбекской ССР, а также при некоторых край-облпрокуратурах (Ленинградской, Московской, Киевской, Харьковской и др.) организовать месячную стажировку райпрокуроров, их помощников и следователей. Это обеспечит большой сдвиг в подготовке работников, в их общем политическом и культурном росте. Это обеспечит также перелом в комплектовании районного и, частично, областного звена прокурорских органов.

Четвертый вывод — это вопрос об отношении к людям. Сталинское требование, чтобы руководители проявляли заботливое отношение к нашим работникам — к «малым» и «большим», в какой бы области они ни работали, зачастую не выполняется и игнорируется. Это ярко и отчетливо было видно при аттестовании. В прокуратуре Киргизской ССР работал командированный туда по окончании юридического института т. Шпилев, долго не имевший минимальных жилищных условий, в результате чего он был поставлен перед необходимостью требовать освобождения его от работы в органах прокуратуры. Между тем прокуратура Киргизской республики в это же время поместила в газетах объявление о том, что ей нужен бухгалтер, которому будет предоставлена квартира. Для предоставления квартиры т. Шпилеву потребовалось вмешательство Прокурора Союза. Нередки случаи совершенно неосновательного увольнения работников, как это имело место, например, в Смоленской областной прокуратуре, где в самое короткое время было уволено без всяких оснований несколько десятков прокурорских работников.

Отсутствие внимания к нуждам работников, к их ожалению, имеет место со стороны ряда руководителей, считающих, очевидно, что это дело управделами или завхозов, и не вникающих по-

этому глубоко в интересы каждого работника области, республики.

Невнимательное отношение к работникам и делу выращивания кадров и помощи им имеет место и в другом отношении, хотя здесь корни и другие. Имеются случаи, когда руководители прокуратур, исходя из непринципиальных мотивов, подчас карьеристских и перестраховочных, не только не помогают районному прокурору в его борьбе за революционную законность, а спешат отмежеваться от такого прокурора, который становится в этом случае объектом гонений со стороны местных органов. Такой случай имел место, например, на Украине, где прокурор Семеновского района Полтавской области т. Козлик был исключен райкомом из партии. При ближайшем изучении материалов было очевидно, что Козлик стал жертвой местных руководителей, которых он разоблачил как людей, порочивших советскую законность, сеявших недовольство среди колхозников. Однако руководители областной прокуратуры предпочли оставаться в стороне от этого дела. Понадобилось вмешательство Прокуратуры УССР для того, чтобы т. Козлика реабилитировать, а местных руководителей привлечь к уголовной ответственности.

Другой случай имел место в Калининской области. Здесь прокурор Тургинского района т. Цорав разоблачал грубейшие нарушения революционной законности и советской демократии. В ответ на это на т. Цораву были возведены всякие инсинуации, его обвиняли в распутной жизни и т. д. Областная прокуратура не сумела вскрыть существа этого дела, целые месяцы провозилась с дутым уголовным делом на Цораву, возникшим по материалам районных организаций, и лишь в результате вмешательства Прокуратуры Союза Цорав был реабилитирован, а виновные в нарушениях социалистической законности и советской демократии были привлечены к ответственности.

Роль органов прокуратуры на настоящем этапе обязывает прокуроров-руководителей быть тесно связанными со своими работниками, проявлять к ним заботливое, чуткое и внимательное отношение, выращивать прокурорские кадры.

Пятый вывод — это вопрос о дисциплине среди прокурорских работников. Аттестование показало, что в работе многих городских и районных прокуроров царит волокита, распоряжения вышестоящих органов прокуратуры выполняются несвоевременно и т. д. Дело иногда доходит до самовольного оставления работы. Такой случай имел место с бывшим зам. прокурора Тульской области Шитовичем, самовольно оставившим свой прокурорский пост. Приказом Прокурора Союза он был снят с работы, понижен в должности с наложением строгого взыскания. Другой случай имел место с работником Дальневосточной крайпрокуратуры — Ищенко. Соблюдение дисциплины — это залог борьбы с волокитой и бюрократизмом, это обеспечение своевременного реагирования на нужды и запросы населения, это гарантия успешной борьбы за охрану революционной законности.

Шестой вывод, вытекающий из аттестования прокуроров, — это вопрос об укреплении работы отделов кадров. Отделы кадров заработали по настоящему лишь теперь, когда началось аттестование, а необходимо, чтобы это был постоянный действующий орган, организующий работу по

кадрам и помогающий руководству в этом отношении. Необходимо предупредить против сезонности в работе по кадрам. Кампанейщина особенно вредна и опасна. Во главе отделов кадров должны быть поставлены опытные квалифицированные работники, политически проверенные и обладающие знаниями прокурорской работы, показавшие себя с положительной стороны в деле подбора и аттестования кадров.

Нам кажется, что аттестование прокурорских кадров необходимо проводить ежегодно и охватить им весь контингент прокурорско-следственных работников. Это тем более обязывает, чтобы отделы кадров были постоянно действующими, работоспособными органами, активными помощниками прокурора республики, области и края.

В связи с большим притоком в органы прокуратуры новых кадров, не имеющих юридической подготовки, перед отделами кадров стоит актуальнейшая задача по организации и руководству их подготовкой.

На их обязанности лежит также работа по руководству самообразованием и переподготовкой прокурорских работников.

Все эти задачи, стоящие в области кадров, требуют укрепления отделов кадров в целом.

Партия выдвинула лозунг: «Кадры решают все». Кадры должны ликвидировать последствия вредительства и всей враждебной работы подлых агентов фашистских разведок. Проводимая в настоящее время работа по утверждению, согласно ст. 116 Конституции СССР, прокуроров округов, городов и районов, есть важнейшее мероприятие по укреплению кадров советской прокуратуры.

Внимание к кадрам, правильный подбор их с учетом политического и делового признаков, заращивание кадров и повседневная помощь им в их работе — настоятельное требование, предъявляемое к прокурорам-руководителям. Выполнение этого требования — залог большевистской перестройки нашей работы.

Б. ШАВЕР

В борьбе за счастливое материнство

Прошло больше двух лет с того момента, когда правительство Союза ССР приняло имеющий величайшее историческое и практическое значение закон от 27 июня 1936 г. «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплательщиков алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах».

Социальное и историческое значение этого закона, принятого после всенародного его обсуждения, охарактеризовано в первых же его строках. Закон гласит: «Октябрьская социалистическая революция, положившая начало уничтожению всякой эксплуатации, уничтожению самих классов, одновременно положила начало и полному и окончательному раскрепощению женщин».

Ни в одной стране в мире женщина не пользуется таким полным равноправием во всех областях политической, общественной жизни, в семейном быту, как в Союзе ССР. Ни в одной стране в мире женщина, как мать и гражданка, на которой лежит большая ответственная обязанность рождения и воспитания граждан, не пользуется таким уважением и защитой законов, как в СССР.

Великая Сталинская Конституция, законодательно закрепив исторические завоевания, достигнутые советским народом в борьбе за коммунизм, гласит: «Женщине в СССР предоставляются равные права с мужчиной во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни. Возможность осуществления этих прав женщиной обеспечивается предоставлением женщине равного с мужчиной права на труд, оплату труда, отдых, социальное страхование, образование, государственной охраны интересов матери и ребенка, предоставлением женщине при беременности отпусков с сохранением содержания, широкой сети родильных домов, детских яслей и садов» (ст. 122 Конституции Союза ССР).

Так реально непоколебимо гарантируется счастливое материнство женщине советской страны.

Но было бы глубокой ошибкой думать, что созданные советской властью условия для нормальной, счастливой, радостной жизни советской женщины никем не нарушаются, что сейчас, после закона от 27 июня 1936 г. и после принятия великой Сталинской Конституции, никто, никогда и нигде в нашей стране не покушается на права женщины, на ее равное право с мужчиной жить радостно и счастливо.

Подавляющее большинство женщин нашей страны полностью и беспрепятственно осуществляют те права, которые завоеваны ей Октябрьской революцией, предоставлены ей советским законом, великой Сталинской Конституцией. Но было бы ошибкой думать, что везде и всюду ликвидированы темные медвежьи ямы. Борьба за здоровье, нормальное отношение в быту протекает иногда в обостренных формах и зачастую с большим трудом преодолеваются буржуазные традиции, навыки, привычки, являющиеся следствием тяжелого наследия, оставленного нам капиталистическим обществом.

Пророческие слова Энгельса о том, что социализм принесет за собой и новый быт и новые отношения между мужчиной и женщиной, блестяще оправдались. В своей замечательной работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Энгельс писал: «Наше предвидение о формах половых отношений после утраты капиталистического производства отличается преимущественно отрицательным характером, ограничивается в большинстве случаев тем, что отпадает. Но что появится нового? Это определится, когда вырастет новое поколение: поколение мужчин, которым никогда в жизни не приходилось покупать женщину за деньги, или другие социальные преимущества, и поколение женщин, которым никогда не приходилось отдаваться мужчине из-за каких-либо других по-

буждений, кроме подлинной любви, или отказываться отдачи любимому мужчине из боязни экономических последствий. Когда появляются такие люди, им будет совершенно безразлично, чего ныне ожидают от них, они сами создадут себе свою собственную практику и соответствующее ей общественное мнение о проступках каждого в отдельности»¹.

Люди советской страны, люди, являющиеся членами социалистического общества, действительно создали новые, неизвестные капиталистическому обществу отношения, свою собственную практику и свое собственное общественное мнение о проступках каждого в отдельности, кто нарушает социалистическую мораль социалистического общества.

Группа женщин — жен командиров из г. Энгельса (автономная социалистическая республика немцев Поволжья) обратилась с письмом в прокуратуру. Женщины пишут: «Нас возмущает поведение некоторых наших подруг — жен командиров, которые попирают советский закон, не считаясь с социалистической моралью, производят аборт. Органы прокуратуры оказываются беспомощными открыть эти преступления только потому, что слишком поздно реагируют на наши сигналы и недостаточно активно расследуют этого рода дела. Мы просим более активно вмешательство в быт близких нам людей с тем, чтобы они почувствовали силу советского закона и поняли аморальность и вредность того, что они делают».

Разве это не новая социалистическая мораль, не новое выкованное социализмом отношение к человеку, к его проступкам, к его быту.

Учитель одной из школ г. Алма-Ата жалуется на свою жену. Он пишет: «Жена обманывает меня, ей не хочется иметь ребенка и поэтому, когда я отсутствую, она нарушает даваемое мне обещание и неизвестным мне способом совершает аборт. Я как отец и гражданин протестую против этого, я прошу вмешательства государства в это дело, прошу воздействовать на мою жену с тем, чтобы она не нарушала советского закона, не нарушала своих обязанностей советской женщины, обязанностей матери».

Но если громадное большинство граждан Советского Союза — женщины и мужчин честно, как подобает членам социалистического общества, борется за советский закон, за советскую мораль, за счастливую и радостную жизнь, за счастливое материнство, то среди отбросов общества, врагов людей, не освободившихся от старых противящихся традиций, людей, которых Ленин называл закорючлыми и себялюбивыми, боящимися за свое будущее, находятся такие, которые идут на нарушение советского закона, социалистической морали, руководствуясь при этом самыми различными низменными побуждениями. Незаконный аборт превратился в дорогооплачиваемое преступление и среди отбросов общества находятся темные дельцы, которые идут на «легкую наживу», которые готовы нарушить советский закон, калечить советскую женщину ради личных выгод. «Мещанские парочки, зако-

рузные и себялюбивые» (Ленин), нежелающие нарушать свой покой из эгоистических неосмысленных ими побуждений, калечат свою жизнь, лишаются радости и здоровья, нарушают закон. Похотливые, грязные люди, для которых личное удовольствие, личное наслаждение выше человеческой морали, выше советского закона, идут на преступление, создают нетерпимые условия для женщин, толкают ее на совершение тяжчайшего преступления перед родиной.

Борьба за закон от 27 июня 1936 г., за последовательное его выполнение — это борьба за идеи и принципы, одобренные всем народом Советского Союза, это борьба за счастливое материнство, за радостную жизнь матерей, отцов и детей нашей страны.

Вот почему представляют огромный интерес те данные, которые характеризуют два года борьбы за этот закон. О чем свидетельствуют эти данные? Прежде всего, они свидетельствуют о том, что после издания постановления ЦИК и СНК Союза ССР от 27 июня 1936 г. производство аборт резко упало. Уже в первом полугодии 1937 г. по сравнению с первым полугодием 1936 г. по городам аборты сократились на 67,4%, по селам на 81,2%. Однако производство аборт все же продолжалось. Органам прокуратуры и суда пришлось повести решительную и упорную борьбу с лицами, виновными в производстве незаконных аборт. Уже в первом полугодии 1937 г. было рассмотрено большое количество дел о лицах, виновных в совершении аборт. Из числа привлеченных 37,1% составляли лица, произведшие незаконные аборты — врачи, знахарки и др. 11,7% лица, понуждающие к производству аборт, 51,2% составляли женщины, произведшие аборт.

Данные за второе полугодие 1937 г. и частично данные за первый квартал 1938 г. свидетельствуют о некоторой стабильности этого рода преступлений и об устойчивом соотношении отдельных элементов, составляющих контингент преступников этого рода. Во втором полугодии 1937 г. из числа преданных суду за незаконное производство и совершение аборт 34,1% составляют врачи и другие, производящие аборты, 11,4% — лица, понуждающие женщин к совершению аборт, 54,5% — женщины, произведшие аборт. Примерно ту же картину мы имеем и по данным первого квартала 1938 г.

19 октября 1937 г. работницы металлической промысловой артели «Горный Ташкент» узнали, что их товарищ по работе «Н» умерла. Врач, давший заключение о причинах смерти «Н», сухо, по-казенному записал: «Смерть последовала от сепсиса, явившегося результатом искусственного прерывания беременности погибшей». Ответственность артели не удовлетворило такое заключение врача. То, что не сделал врач, обязанный это сделать по закону, сделали работницы. Они подали заявление прокурору, просив расследовать причины смерти «Н». «Н» умерла, ее муж, работник кооперации, заявил, что он ничего не знает о причинах смерти жены, что в период, когда она заболела, он был в командировке. В процессе расследования действительно подтвердилось, что за 4 дня до того, как «Н» произвела аборт, ее муж выехал в командировку. Кроме «Н» в ее семье жила мать

¹ Энгельс, «Происхождение семьи, частной собственности и государства», стр. 83.

ее мужа. Последняя заявила, что «Н» не хотела иметь ребенка, неоднократно ей об этом говорила и что она постоянно следила за тем, чтобы не дать «Н» произвести аборт, так как муж «Н», ее сын, хотел ребенка.

Казалось бы, все установлено, виновница преступления поплатилась за него жизнью, и вместе с ее жизнью должно оборваться следствие, которое бессмысленно вести дальше. Однако следователь рассуждал иначе и рассуждал совершенно правильно. Он решил изучить жизнь, быт, прошлое умершей, проверить даваемые ему ее родственниками показания. Подруги «Н» характеризовали ее как жизнерадостную, активную, умную женщину, радующуюся тому, что у нее должен появиться ребенок. Они же заявили, что за последнее время «Н» изменилась, стала неразговорчивой, что иногда у нее вырывались замечания, из которых можно было понять, что в доме у нее не все в порядке. Все это не вязалось с тем, что говорили муж умершей и его мать. Следователь не прекратил расследования. Он шаг за шагом стал изучать жизнь «Н» перед тем, как совершилось роковое для нее событие, за которое она поплатилась жизнью. Опрашивая соседей и знакомых «Н», следователь установил, что когда в командировку выезжал муж «Н», то вместе с ним выезжала и его жена. Следователь произвел обыск у мужа «Н» и нашел два билета, из которых один представлял возможность проезда до пункта, куда направлялся в командировку муж «Н», а другой — до станции, находящейся в 40 км от города Ташкента. Следователь узнал, что на этой станции проживает родственница мужа «Н». Следователь выехал туда и удостоверился, что «Н» действительно прибыла туда вместе с мужем, который, после того как устроил ее у родственницы, поехал дальше. Следователь также установил, что «Н» больная была доставлена родственницей мужа в Ташкент и помещена в больницу. Для следователя стало ясно, что аборт был произведен на этой станции, что родственница мужа «Н» является соучастницей производства аборта. Умелый вопрос этой родственницы подтвердил правильность выводов следователя. Она созналась в том, что по просьбе своего родственника мужа «Н», она уговорила свою знакомую акушерку произвести аборт «Н», заплатив ей за это 300 руб. денег, переданных ей мужем «Н». Преступники предстали перед судом и были осуждены. Так кропотливо и упорно следователь раскрыл преступление и установил преступника.

В селе Кахиб, Кахибского района, Дагестанской АССР, умерла гражданка Мурад Хасанова. Мать, дав взятку врачу, получила свидетельство о том, что Мурад Хасанова «умерла естественной смертью в результате точно неустановленной болезни». Родственники Мурад Хасановой — ее мать и муж Расул Мамеев похоронили Мурад Хасанову. По деревне поползли грязные слухи. Смерть Мурад Хасановой, здоровой женщины, о беременности которой уже знали в деревне, показалась странной. Эти слухи дошли до следователя. Следователь выехал в село, произвел эксгумацию трупа и при помощи судебно-медицинской экспертизы установил, что причиной смерти Мурад Хасановой явилось производство аборта.

Дальнейшее расследование дела вскрыло гряз-

ную и мрачную картину травли, издевательств над Мурад Хасановой, понуждения ее к совершению аборта и мерзкую зверскую картину самого производства аборта.

Расул Мамеев, сожительствовавший с Мурад Хасановой, не захотел, чтобы та имела ребенка. Не хотела, чтобы она имела ребенка, и мать Мурад Хасановой — Агат Мартузалиева. Они всячески начали травить Мурад Хасанову. Они заставляли ее насильно пить водку, различного рода ядовитые напитки, чтобы вызвать искусственное прерывание беременности. При обыске в квартире Расул Мамеева найдены различного рода склянки с напитками, которые ему изготовляла знахарка. Об издевательствах над Мурад Хасановой знал заведующий райздравом Асадула Гумия, однако, он никак не реагировал против этого факта, хотя Мурад Хасанова обращалась к нему за помощью.

Все виновные предстали перед судом. В протоколе судебного заседания кратко записана речь общественного обвинителя по этому делу колхозника Шамсунгар. Он говорил: «Преступление против советской власти нельзя скрыть и закопать в землю. Советская власть сумеет раскрыть это преступление и наказать виновных. Это дело поднято из земли, и вместе с трупом Мурад Хасановой вырыта из земли ее тайна и позор тех, кто совершил это гнусное дело».

Так на окраинах советской страны в национальных областях, округах и республиках упорно и настойчиво идет борьба с этими гнусными преступлениями, борьба за счастливое материнство.

Но не везде и не всегда эта борьба протекает таким образом.

Несмотря на активизацию борьбы с незаконными абортами, органы прокуратуры и следствия зачастую до сих пор не научились обнаруживать подлинных виновников аборта, лиц, производящих аборт и подстрекающих к совершению этих аборт. Грязные дельцы, производящие аборт, разложившиеся подлые люди, принуждающие женщину к абарту, создающие условия, в которых она понуждается к совершению этого преступления, зачастую оказываются неразоблаченными. Нет никакого сомнения в том, что женщины, совершающие аборт, только в исключительных случаях действуют по собственной инициативе. За ними, около них всегда стоят лица, которые толкают их на эти преступления, организуют их, способствуют этому. Искусство расследования дел об абортах, прежде всего, заключается в том, чтобы раскрыть организаторов аборта, подстрекателей, лиц, понуждающих к совершению аборта, и лиц, производящих аборт. 11,4% лиц, понуждающих к совершению аборта, представших перед судом в 1937 г. — это только незначительная часть тех, кто совершает эти преступления. Этот вывод основан не только на анализе статистических данных. Он подтверждается рядом фактов, рядом конкретных дел, проходящих через органы прокуратуры. Анализ дел о незаконных абортах, прошедших через прокуратуру Ленинградской области, полностью подтверждает этот вывод.

Известны такие случаи, когда прокуроры, сталкиваясь со случаями смерти женщины, явившейся результатом производства аборта, не

реагируют на это. Эти горе-прокуроры, очевидно, считают, что сама смерть женщины ликвидирует вопрос о необходимости выявления очагов, где производятся аборты, и обязательного выявления лиц, которые подстрекали женщину к производству аборта.

Так например, в прокуратуре Ленинградского района не было произведено расследование по сообщению о смерти Беловой, скончавшейся в результате производства аборта.

В Московском районе Ленинградской области, получив сообщение о смерти гр. Мошкиной и гр. Килиной, произведших аборт, прокурор также не произвел расследования.

В Петроградском районе Ленинградской области сообщение о смерти Кузнецовой также не повлекло за собой возбуждения уголовного дела.

Ленинградская прокуратура не представляет исключений в этом отношении. В Орджоникидзевском крае органами Наркомздрава в первом квартале 1937 г. были переданы в органы прокуратуры материалы о 236 случаях незаконного производства абортов, из них только 162 случая были расследованы. В Московской области были переданы следственным органам материалы о 60 случаях, из них расследовались только 75.

Нужно решительно прекратить подобного рода практику. Ни один случай незаконного производства аборта не может остаться нерасследованным. Но вместе с тем органы прокуратуры не должны ждать, когда к ним поступят материалы, они должны сами принимать меры к тому, чтобы ни один случай незаконного совершения аборта не прошел бесследно, без надлежащего расследования. По предложению Прокурора Союза городские и районные прокуроры должны организовать при родильных домах, больницах и других лечебных учреждениях, оказывающих лечебную помощь беременным женщинам, группы содействия прокуратуре, которые должны обеспечить своевременную сигнализацию о всех случаях незаконных абортов.

Нужно сказать, что работники органов здравоохранения зачастую не выполняют своих обязанностей и не всегда сигнализируют органам прокуратуры о фактах незаконного производства абортов. Так например, если взять случаи производства незаконных абортов за 100, то в первом квартале 1938 г. по г. Москве органы Наркомздрава сообщили органам прокуратуры только о 4,2% прошедших через них случаев незаконно произведенных абортов. Органы Наркомздрава Азербайджанской ССР сообщили в органы прокуратуры только о 5,7% всех случаев прошедших через них незаконных абортов. Это обязывает органы прокуратуры контролировать, как ответственные руководители лечебных учреждений сообщают надлежащим следственным и прокурорским органам о всех известных случаях производства запрещенных абортов, и прилекать к ответственности виновных за неисполнение своих обязанностей, связанных с передачей материалов о незаконных абортах в надлежащие следственные и прокурорские органы.

Но оставляя без реагирования ни одного факта незаконного аборта, органы прокуратуры и следствия вместе с тем должны обеспечить надлежащее и высокое качество расследования.

Выше мы уже указывали, что основная задача при расследовании этого рода дел — это выя-

вить организаторов абортов, лиц, производящих аборты, лиц, понуждающих к производству абортов.

Это далеко нелегкая задача, ибо практика показала, что женщины, производящие аборты, нередко скрывают соучастников совершенного ими преступления из чувства ложного стыда, родственных связей, боязни и в силу других мотивов, которые зачастую не удается установить. Женщины, производящие аборт, иногда скрывают людей, которые причинили им так много зла, подорвали их здоровье, сделали их нарушительницами советского закона, долга матери, граждане социалистического общества.

Нужно проявить очень много такта, умения и чуткости, чтобы вызвать у женщины желание откровенно разговаривать со следователем, раскрыть ему тайну преступления, раскрыть соучастников этого преступления.

Использование научной техники, правильных методических приемов при расследовании этого рода дел окажет значительную помощь следователю в деле полного и всестороннего раскрытия этого рода преступлений и обнаружения всех виновных в нем лиц. Между тем, следователи зачастую не проводят самых элементарных следственных действий, которые могли бы способствовать раскрытию этого рода преступлений. Достаточно сказать, что в большинстве случаев не производятся обыски у лиц, заподозренных в производстве абортов. Это совершенно недопустимо, ибо обыск и осмотр места, где есть основания предполагать, что производился аборт, могут очень много дать для раскрытия преступления и обнаружения преступников. Нахождение следов крови, различного рода аппаратуры, лекарств, при помощи которых искусственно прерывается беременность, будет служить лучшим доказательством виновности заподозренных в совершении преступления.

Недостаточно используется судебно-гинекологическая экспертиза при расследовании этого рода дел. Между тем практика показывает, что в тех случаях, когда следователю не удастся добиться положительных результатов при допросе женщины, производящей аборт, то после беседы с опытным врачом-экспертом, для которого совершенно ясно, что женщина дает неправдивые показания, ибо описываемый ею способ производства самоаборта не соответствует истории ее болезни — эта женщина сознается в том, что ей произвели аборт, и указывает на лиц, совершивших это преступление.

Громадную роль в деле борьбы с незаконными абортами играет правильная организация судебного процесса по этого рода делам. Нужно сказать, что карательная политика по этого рода делам достаточно жестка и вполне соответствует духу закона и тем преступлениям, за которые виновные несут наказание.

Так, из числа всех осужденных в первом полугодии 1937 г. к лишению свободы приговорено 37,1%, к иным мерам наказания — 62,9%. Во втором полугодии 1937 г. к лишению свободы приговорено — 34,6%, к иным мерам наказания — 65,4%. Если учесть, что из числа всех осужденных в 1937 г. 54,5% составляли женщины, произведшие себе аборт, в отношении которых в качестве меры наказания может применяться только общественное

торияции и штраф, то эти данные карательной политики свидетельствуют о достаточно жестком подходе к виновным в этого рода преступлениях. Из числа лиц, приговоренных к лишению свободы, 75,3% осужденных приговорены к лишению свободы сроком свыше 2 лет.

Однако правильность карательной политики по этому рода делам еще не гарантирует надлежащего качества этих процессов. Значительное количество этих дел до сих пор рассматривалось без участия прокуроров. Это совершенно недопустимо. Прокурор Союза установил порядок, согласно которому все дела этого рода должны рассматриваться с обязательным участием прокурора. Нужно, чтобы этот порядок неуклонно соблюдался.

Как известно, закон от 27 июня 1935 г. предусматривает не только меры борьбы с незаконным абортom, но он предусматривает всю совокупность мер, гарантирующих счастливое материнство в нашей стране.

Отцы, оставляющие своих детей, позорно скрывающиеся лишь для того, чтобы избежать уплаты алиментов — еще довольно распространенная категория преступников. Органы прокуратуры ведут достаточно решительную борьбу с этого рода преступниками. Достаточно сказать, что за первое полугодие 1937 г. по РСФСР привлечено свыше 9 тыс. человек, виновных в злостном уклонении от платежа алиментов. Во втором полугодии 1937 г. их привлечено свыше 8 тыс. человек. По Украинской ССР их привлечено в первом полугодии 1 488 чел., во втором полугодии — 1 358 чел. В Белоруссии в первом полугодии — 370 чел., во втором полугодии — 338 чел. Большинство из них приговаривается к лишению свободы.

Хуже обстоит дело в ряде других республик. Так например, в Туркменской ССР за второе полугодие 1937 г. осуждено за злостный неуплатеж алиментов всего 18 чел., в то время как лиц, не платящих алименты и числящихся в розыске во много раз больше. В Грузинской ССР во втором полугодии 1937 г. осуждено за злостный неуплатеж алиментов 34 чел., в то время как в розыске числится значительно большее количество людей, виновных в этих преступлениях.

Нужно сказать, что розыск лиц, виновных в уклонении от платежа алиментов, поставлен явно неудовлетворительно. Прокуроры не контролируют, как производится этот розыск, насколько он активен, насколько эффективны меры, которые применяются в целях розыска. Практика знает такие случаи, когда требование о производстве розыска лежит без всякого движения. Прокуроры должны реагировать против подобного рода фактов, требовать наказания виновных в столь недопустимом отношении к розыску преступников, виновных в уклонении от платежа алиментов.

Очень интересна практика по рассмотрению гражданских алиментных дел. Здесь продлевается громадная работа, направленная к защите женщин, к материальному обеспечению детей. 23% всех гражданских дел по РСФСР составляют дела об алиментах. По УССР дела об алиментах по отношению ко всем гражданским делам составляют 19,6%, по БССР эти дела составляют 22,8%.

Подавляющее большинство исков об алиментах является основательным. Достаточно сказать, что за 1937 г. из всех дел об алиментах по РСФСР, прошедших через суд, отказано только по 2,5% дел. По УССР отказано по 3,6%, по БССР отказано по 3% дел, по Азербайджанской ССР по 3,7%, по Грузинской ССР по 3,6%.

Нужно сказать, что после издания закона повысилось количество исков, предъявляемых матерями к отцам детей, обязанным платить алименты. Если взять по РСФСР количество алиментных дел, прошедших в 1936 г., за 100, то в 1937 г. количество исков, предъявляемых по алиментным делам, увеличилось на 12,4%. То же самое с незначительными колебаниями мы имеем и по другим союзным республикам.

Это обстоятельство объясняется вовсе не тем, что увеличилось количество случаев разводов и в связи с этим увеличилось количество алиментных дел. Это свидетельствует совершенно об обратном. Громадное количество алиментных исков предъявляется матерями детей, достигших возраста от 3 до 5 лет. Ранее, до закона эти женщины не предъявляли требования об алиментах. Всенародная проработка закона многих, не пользовавшихся своими правами, подтолкнула к тому, чтобы воспользоваться этими предоставленными им законом правами.

Как известно, закон от 27 июня 1936 г. предусматривает серьезные мероприятия, направленные к расширению сети родильных домов, расширению сети детских яслей, сети детских домов.

Враждебные делу социализма элементы, естественно, стремились сорвать выполнение этих важнейших политических мероприятий. Строительство ряда родильных домов, детских садов срывалось, причем срывалось умышленно. Так, в Саратовской области во враждебных целях было сорвано строительство детского дома, и виновные в этом преступлении лица сознались в том, что они во враждебных целях творили это гнусное дело.

Нужно сказать, что еще 14 апреля 1937 г. прокурор СССР предложил «привлекать к ответственности должностных лиц, по вине которых срывается выполнение плана строительства родильных домов». Этот приказ не везде был выполнен достаточно последовательно. Ряд случаев преступного срыва строительства родильных домов, детских садов, детских яслей остался безнаказанным. Так, в Калининской области имел место факт, когда совершенно неосновательно было прекращено дело о преступном срыве строительства родильного дома и разбазаривании строительных материалов, предназначенных на это строительство. В Саратовской области имели место подобного же рода факты, виновники которых своевременно не были наказаны.

Борьба за последовательное выполнение закона от 27 июня 1936 г. не может быть рассматриваема как какое-то эпизодическое, случайное, кампанейское явление. Эта борьба должна вестись систематически, непрерывно, ибо это борьба за счастливое материнство, за счастливую жизнь людей нашей великой страны.

Заметки о делах семейных

I

Было это в 1923 году. У Марии Анисимовой¹, которой было тогда 20 лет, родился сын Игорь. Отцом ребенка был зарегистрирован некто Андреев.

Через 14 лет, в 1937 г., от Марии Анисимовой поступило в суд заявление такого, примерно, содержания. Анисимова рассказывает, что в тот период, когда она была беременна и когда она рожала, она жила в семье своего отца. Воспитанный в старых воззрениях, ограниченный мечтаний, деспот и самодур в семье, ее отец не простил бы ей связи с человеком, которого бы он, отец, не знал, не «благословил», не одобрил.

Боясь своего отца, а вместе с тем любя и жалея его, она, чтобы избежать острого конфликта в своей семье, скрыла от старика имя того человека, который совершенно не был известен ему, но который был отцом ее ребенка. Вместо настоящего отца ребенка, некоего Аркадина, она назвала Андреева, близкого ее друга, хорошо знакомого старику Анисимову, часто бывавшего у них в доме.

Андреев из чувства дружбы к Марии Анисимовой, влекомый романтикой роли «рыцаря» в стиле старинных сентиментальных романов, «благородно» согласился поддержать эту фикцию и подтвердил свое отцовство и перед стариком Анисимовым и перед загсом.

Так было 14 лет тому назад.

Вскоре после рождения ребенка Андреев уехал из того города. Отец Анисимовой должен был примириться с мыслью о неудавшейся семейной жизни своей дочери, о неудачном ее «браке» с Андреевым. Через несколько лет старик умер.

Аркадин в течение долгого времени поддерживал связь с Анисимовой. После того как Анисимова переехала от отца в другой дом, он бывал у нее, возился с ребенком, покупал ему подарки, помогал деньгами. Одно время Марии Анисимовой казалось, что их семейная жизнь налаживается прочно и устойчиво. Но очередной зигзаг в поведении Аркадина приводит к их окончательному разрыву, он уезжает и очень скоро забывает о своих отцовских обязанностях.

И вот теперь, когда для нее не существует тех надуманных препятствий, чтобы открыть действительное положение вещей, которые существовали для нее 14 лет назад, она обращается в суд с требованием присудить алименты с Аркадина, так как сам он в добровольном порядке платить не хочет. В подтверждение же фактической стороны дела, в подтверждение отцовства Аркадина, она представляет суду неопровержимые доказательства — связку интимного характера писем и записок, которые он писал ей в пе-

риод зачатия, и в период беременности и в последующие годы, представляет бланки денежных переводов, которые он посылал в разное время, когда еще считал нужным помогать ребенку.

На суде Аркадин заявил отвод против иска и против всех его доказательств, ссылаясь на то, что отцом ребенка является Андреев, ибо он, Андреев, записан отцом ребенка и эту запись не оспори...

Ситуация подобная той, которая изложена выше, встречается в судебных делах этого рода нередко. И каждый раз во всей остроте встает вопрос о правовом значении фиксации в загсе отцовства.

Нужно сказать, что до сих пор в этом вопросе очень много путаницы и разнобоя. Достаточно привести такой факт, что имеются два совершенно противоположных указания на этот счет со стороны Верховного суда РСФСР и Наркомюста РСФСР.

«Запись отцовства, — говорит инструктивное письмо Верховсуда РСФСР по алиментным делам, — не есть бесспорное доказательство отцовства, она создает лишь предположение в пользу отцовства того лица, которое зарегистрировано в записи отцом ребенка, но в дальнейшем это предположение может быть оспорено и опровергнуто». Это одна точка зрения.

Другая, совершенно противоположная, изложена в двух опубликованных документах, один из которых, между прочим, мирно сосуществует в том же справочном издании, где опубликовано и письмо Верховсуда (см. приложения ко всем последним изданиям Кодекса законов о браке, семье и опеке). Эта вторая точка зрения гласит:

«Своевременно не оспоренная лицом, названным отцом, регистрация ребенка является бесспорным доказательством отцовства» (определение Верховсуда РСФСР 1928 г.).

И еще более определенное указание НКЮ РСФСР в циркуляре 7 июля 1937 г. № 45:

«...при наличии неоспоренной в установленном срок (ст. 29 Кодекса законов о браке, семье и опеке) записи в загсе об отцовстве и доказанности получения ответчиком извещения загса об этом, суд при рассмотрении предъявленного к отцу иска об алиментах не должен выходить за пределы этого вопроса и обсуждать обоснованность признания ответчика отцом ребенка.

В свете этих противоречивых, вносящих только путаницу в судебную практику указаний представляется необходимым разобраться — что же все-таки представляет собою запись отца, каков ее смысл, каково ее правовое значение?

Было бы, нам думается, прежде всего неправильно сводить значение этой записи в книгах гражданского состояния только к доказательству, к некоему привилегированному доказательству, своего рода «царице доказательств» в споре об отцовстве. Надо прежде всего помнить, что за-

¹ Фамилии лиц, упоминаемых в наших «заметках» и являющихся сторонами в судебных делах, о которых в этих «заметках» мы рассказываем, нами, по понятным причинам, изменены.

пись отца — это акт гражданского состояния, приобретающий с момента своей фиксации все качества и свойства публично-правового акта. Большой, глубокий смысл этого правового института заключается в том, что с первого же дня рождения советского гражданина и даже еще до его рождения, в период, когда мать ребенка вынашивает в себе жизнь будущего человека, советский закон обеспечивает ребенку определенность семейного статуса, ограждает его от состояния безродности, от состояния безотцовства, искалечившего столько жизней при старом дореволюционном строе семейных отношений.

В этом институте преломляется одно из завоеваний Октябрьской революции в области семейного права — упразднение деления советских детей на внебрачных и детей, рожденных в браке, на детей законных и незаконных. И, конечно, совершенно неслучайно указанию закона (ст. 28 Семейного кодекса) о праве матери произвести запись отца предшествуют слова о том, что все это делается «в целях защиты интересов ребенка».

Именно под этим углом зрения «защиты интересов ребенка» и должно быть прежде всего рассматриваемо значение этой записи. Если интересы ребенка подсказывают, чтобы при его рождении был назван его отец, то эти же интересы требуют, чтобы однажды зафиксированное отцовство на протяжении дальнейшей жизни ребенка не колебалось. Совершенно не совместимо с интересами ребенка — с защитой его прав, его личного достоинства, его морального равновесия — такое положение, когда такой жизненный вопрос, как вопрос об отцовстве, подвергался бы пересмотру, колебанию, перерешению.

Под этим углом зрения, мы полагаем, и должно пониматься правило, установленное в законе, по которому для оспаривания записи об отцовстве дается ограниченный, годичный срок. Этим обеспечивается устойчивость гражданского состояния ребенка как члена семьи, гарантируется прочность и стабильность его положения в семейном отношении. На долгом жизненном пути во взаимоотношениях женщины, назвавшей однажды отца своего ребенка, и мужчины, признавшего однажды этого ребенка своим, может быть много перемен, событий и зигзагов. Но как бы ни были сложны и запутаны подчас их взаимоотношения — жизненный путь ребенка, его правовое положение в семье должны быть в максимальной степени ограждены от штатных, случайностей и всяческих потрясений.

Записи об отцовстве должны быть приданы поэтому серьезное значение, и ей должна быть обеспечена максимальная устойчивость. Надо сказать, что суды и прокуроры очень часто игнорируют значение этой записи и с чрезвычайным легкомыслием либо вовсе не интересуются, была ли такая запись, доведена ли она была в свое время до сведения лица, на имя которого запись произведена, либо готовы предоставить возможность ответчику на суде по всякому поводу и в любое время оспаривать эту запись. Таким отношением к этому вопросу судебно-прокурорские работники отнюдь не способствуют осуществлению той общей цели, которую ставят перед нами закон 27 июня 1936 г. — «цели борьбы с легкомысленным отношением к семье и семейным обязанностям».

Значит ли, однако, все сказанное выше, что, вообще говоря, раз и навсегда и для всех случаев жизни исключается возможность оспаривания этой записи в суде, если она не была оспорена в установленный законом годичный срок?

Нет, не значит.

И здесь опять-таки не надо забывать той ведущей идеи, которая заложена в этом институте записи отца — идеи «защиты интересов ребенка».

В громадном, подавляющем большинстве случаев неоспоренная в свое время запись отцовства соответствует действительному положению вещей, соответствует тому, что было в жизни. В миллионах случаев неоспоренная запись отцовства адекватна действительному происхождению ребенка, оформляя собой отношения кровного родства. Но есть все же отдельные случаи, когда эта запись, хотя и не была в свое время оспорена (будучи известна лицу, названному отцом), не отвечает действительности, противоречит ей. Один из таких случаев мы рассказали выше. Было бы бумажным доктринерством, слепым преклонением перед формой, если бы мы, закрыв глаза на факты, лишили возможности суд эти факты подвергнуть обсуждению, в особенности, конечно, тогда, когда вопрос о неправомерности этой записи возбуждается или когда неправильность записи подтверждается самой матерью ребенка.

Любопытная деталь. В том деле, о котором мы рассказывали выше, мать ребенка, Мария Анисимова, заявила суду: «Я прошу вызвать в качестве свидетеля по вопросу о том, кто является отцом моего сына, самого моего сына, Игоря. Ему сейчас 14 лет. Спросите у него — пусть он вам скажет, кто отец. Всей той путанной жизненной подоплеки, которая предшествовала записи в загсе, он не знает. Об Андрееве он ничего никогда не слышал, никогда его не видел. Но зато он прекрасно знает Аркадина и знает его именно как отца, который на протяжении ряда лет (после смерти старика Анисимова) бывал у нас, помогал своему сыну учиться и т. д.»

Мы знаем другой случай, когда при нескольких вариациях ответчик, записанный отцом ребенка и не оспаривший эту запись по целому ряду причин, коренившихся в характере его взаимоотношений с матерью ребенка, представил затем в суд ряд неопровержимых доказательств отцовства другого лица и кроме того акт судебно-медицинской экспертизы крови, категорически исключивший его, ответчика, отцовство.

Можно ли в подобных случаях игнорировать голос жизни, голос фактов? Мы ставим этот вопрос не с точки зрения достижения некоей абсолютной справедливости, которая не мирится с возложением ответственности на «неповинного» человека. Прежде всего с точки зрения интересов ребенка было бы неправильным оставаться в этих случаях на позициях формальной записи. Это привело бы к закреплению фальшивого, ложного положения ребенка, постоянно воссоздавало бы двойственность в его жизни, воссоздавало бы острый конфликт между публично-правовым его положением перед лицом закона и действительным его положением в семье — конфликт тем более нетерпимый, чем озорней и старше ребенок становится.

Социалистическое право, впервые в мире настоящего оградящее целостное, гармоничное развитие личности, не может терпеть такого дуализма, такого разлада между формой и существом.

Стабильность семейного статуса советского гражданина, но на основе действительного отношения, на основе полного соответствия формы и существа — вот чего требуют интересы ребенка. Этой цели и должен служить суд при разборе подобного рода дел.

II

Прокуратуре Союза пришлось недавно заняться одним алиментным делом, перипетии которого с наглядностью показали, как много еще непонимания и путаницы существует в подходе к этого рода делам.

Некто Д. платил своей бывшей жене на содержание своей семилетней дочери Марии алименты, размер которых до закона 27 июня 1936 г. был выражен в определенной ежемесячно уплачиваемой сумме. В связи с изданием названного закона мать ребенка предъявила иск, чтобы алименты были приведены в соответствие с нормой, указанной в законе, т. е. чтобы была присуждена одна четверть заработка отца.

Исключительно простой с точки зрения судебной процедуры иск, требовавший от суда удостоверить лишь в некоторых фактических обстоятельствах, но совершенно бесспорный с точки зрения содержания самого иска. Бесспорный потому, что вопрос о размере алиментов в категорической форме разрешен всенародно обсужденным и принятым правительством законом, не допускающим каких-либо отклонений и вариаций в вопросе о размере помощи, присуждаемой с родителей на содержание своих детей.

И вот вместо того, чтобы выполнить совершенно ясное указание закона, суд стал мудрить. Установлено, что ответчик зарабатывает около 4800 руб. в месяц, народный суд в некотором нервическом испуге остановился перед тем материальным эффектом, который бы дало признание в этом случае 25% зарплат. Не годится, решил судья, надо маленько «подправить» закон. И постановили — ограничиться взысканием... тысячи рублей.

Явно незаконное решение стало в дальнейшем обрастать всякого рода «коррективами», конкурирующими с ним своей произвольностью. Ленинградский областной суд решил, что если подконтрольный ему районный народный суд может иметь свою районную точку зрения на законность, то почему бы собственно ему, областному суду, не противопоставить этой точке зрения свою собственную — областную — законность. И воздевши очи к небу и отложивши в сторону закон, товарищи из областного суда чего-то там поколдовали-поколдовали и изрекли: истина не в тысяче рублей. Пятьсот — вот где истина! И порешили — взыскивать пятьсот.

Прокуратура поставила этот вопрос перед президиумом Ленинградского суда, указав на незаконность всех этих манипуляций. Нет, президиум не согласен с прокуратурой, президиум согласен со своей кассационной коллегией.

Тогда прокуратура перенесла это дело в гражданскую коллегия Верховного суда РСФСР.

Гражданская Коллегия Верховного суда указала народному и областному судам на ошибку, которую они допустили. Закон 27 июня 1936 г. не допускает никаких отклонений от установленной в самом законе твердой нормы для взыскания алиментов. Народный и областной суд нарушили закон.

Но отметив ошибку прелестствующих судов гражданская коллегия Верховного суда сама, к сожалению, стала на путь произвольного, противоречащего закону, разрешения этого дела.

Гражданская коллегия постановила взыскивать с отца ребенка алименты в размере одной четверти его заработка, но с тем, однако, чтобы из взыскиваемой суммы в распоряжение матери ребенка «ежемесячно, впредь до изменения материального положения сторон, выдавалось на расходы по содержанию ребенка 400 руб.». Остальная же часть взыскиваемых сумм должна вноситься в сберегательную кассу на имя дочери Марины. «Все расходы сверх этой суммы (т. е. сверх 400 руб.), потребные на всякого рода воспитательные мероприятия, могут быть выданы гражданке В. (матери ребенка) из сберкасс только с одобрения и санкции органов опеки».

Этот совершенно неожиданный поворот дела получает в определении гражданской коллегии и свое, так сказать, теоретическое обоснование. Так как закон 27 июня 1936 г. имеет в виду содержание ребенка в качестве основной цели присуждения алиментов, то «не будет нарушением, если суд установит в некоторых случаях контроль за расходованием средств, взыскиваемых на содержание ребенка». «Порядок некоторого контроля над расходованием средств, взыскиваемых на содержание ребенка, — с точки зрения гражданской коллегии, — не только не противоречит постановлению ЦИК и СНК СССР от 27 июня 1936 г., но и соответствует положению об органах опеки и попечительства и конкретно ст. 82 Кодекса законов о браке, семье и опеке».

Это принципиально неверное, противоречащее закону определение гражданской коллегии Прокуратурой Союза ССР опротестовано перед Президиумом Верховного суда РСФСР. В чем принципиальная ошибочность и теоретическая порочность точки зрения гражданской коллегии?

Прежде всего эта точка зрения основана на полном смешении различных институтов советского семейного права — опекуна, учреждаемого органами государства, и естественного опекуна, признаваемого за родителями (ст. 71 Семейного кодекса).

В отношении опекунов по назначению закон действительно устанавливает совершенно определенные формы контроля над их деятельностью со стороны органов опеки. Об этом говорит ст. 101 Кодекса законов о браке, семье и опеке, обязывающая опекунов представлять отчеты в орган опеки, в частности, и об израсходованных средствах. Об этом же говорит и ст. 82 того же кодекса. Ссылка гражданской коллегии на эту статью кодекса совершенно искусственна — достаточно внимательно прочесть эту статью, чтобы стало совершенно очевидно, что эта статья, трактуемая о контроле над опекуном, имеет

также в виду исключительно лишь опекунов по назначению.

Устанавливаемый законом контроль над опекуном по назначению совершенно понятен, ибо в роли опекуна в этих случаях всегда выступают лица, по отношению к несовершеннолетнему более или менее посторонние и во всяком случае кровным родством отцовства и материнства с ним не связанные. Совершенно естественным является, что когда взращивание, воспитание ребенка доверяется не матери и не отцу его, государство обеспечивает охрану интересов ребенка, его нормальное воспитание, охрану его имущественных прав установлением контроля над деятельностью опекуна со стороны государства.

Но ни откуда решительно не вытекает, — ни из закона от 27 июня 1936 г., ни из Кодекса законов о браке, семье и опеке, чтобы закон обязывал родителей представлять какие-либо отчеты органам опеки относительно средств, расходуемых на своих детей. Как указала Прокуратура Союза в своем протесте по этому делу, «возложение такой обязанности на родителей может исходить только из совершенно неприемлемой позиции огульного недоверия к гражданам, которые в качестве родителей неспособны, видимо, справиться со своей задачей без помощи того или иного контрольного органа».

Гражданская коллегия говорит: — «в некоторых случаях» такой контроль не будет нарушением закона. Что это за «некоторые случаи», коллегия не указывает, и почему именно в данном случае необходим такой контроль, она также не разъясняет. Изучением этого дела в прокуратуре не установлено абсолютно никаких данных, которые сколько-нибудь порочили лично гражданку В. и внушили бы какие-либо подозрения насчет правильности использования ею алиментов, на которые она имеет полное право по закону. «При таких обстоятельствах дела, — говорится в протесте Прокуратуры СССР, — определение гражданской коллегии открывает возможность для одного только единственного предположения — не подкажано ли это решение мыслью об ограниченной семейной правоспособности женщины, требующей какого-то восполнения со стороны контрольного опекунского органа. Именно в таком неприемлемом духе это определение гражданской коллегии и стало бы ориентировать судебную практику, если бы оно осталось в силе».

Эта идея контроля над матерью, получающей алименты, высказавшаяся на аресту, собственно, по совершенно очевидному поводу — по поводу размера алиментов, потрясшего воображение впечатлительных судей, — полностью разоблачает себя, если только поставить перед собой нижеследующий вопрос. Представим себе, что у ответчика, живущего сейчас с другой семьей, есть еще другой ребенок. Ведь не пришла же гражданской коллегии в голову мысль заинтересоваться этим обстоятельством для того, чтобы обязать отца все, что сверх 400 руб., откладывать на берегательную книжку своего ребенка и в целях «контроля» предложить ему путешествовать в органы опеки каждый раз, когда бы он захотел истратить больше? Почему? Ведь в его распоряжении остается сумма в три раза большая, чем та, которая потрясла воображение судей. И у него тоже ребенок, интересы которого требуют, очевидно, таких же гарантий, как и ребенка, остав-

шегося у матери. Чем, собственно, этот случай отличается от тех «некоторых случаев», на которые так туманно намекает гражданская коллегия? Подумаем хорошо — не тем ли, что в этом случае пришлось бы иметь дело с овященной веками фигурой *pater familias*, «доблестным отцом семейства», со времен еще римского права обладающим иммунитетом против всяческих подозрений насчет его родительских способностей?

Произвольно примененная гражданской коллегией форма бронирования алиментов на текущем счету несовершеннолетней создает уродливое положение еще и с другой стороны — и это тоже было отмечено в протесте Прокуратуры Союза. Гражданская коллегия предполагает, очевидно, что какая-то, по мысли коллегии, изрядная сумма, будучи капитализированной в период несовершеннолетия Марины Д., окажется в распоряжении самой Марины тогда, когда она достигнет совершеннолетия и отпадут опекунские права ее матери. «Но тем самым создается положение, при котором выдача алиментных сумм относится как раз к тому моменту, когда по закону данное лицо, — вследствие достижения совершеннолетия, — уже право на алименты теряет». Так мстит за себя здравый смысл, если кто-нибудь неосмотрительно покушается идти против него...

Гражданская коллегия в своем определении пыталась отмежеваться от неправильных, незаконных решений, вынесенных по этому делу предшествующими судами. Но в конечном счете это определение стоит, по существу, на тех же позициях — оно представляет собою попытку ревизовать закон 27 июня 1936 г. произвольным введением какого-то лимита для алиментов, забывая, что эта идея, — в свое время, при обсуждении закона, выдвигавшаяся, — правительством отвергнута.

III

В один не очень счастливый день Василия Александровича Соловьева, шахтера города Ворошиловска, Донецкой области, настигла странная неожиданность. В очередную получку у него удержали целую треть его заработка. Когда пошел он в контору узнать, в чем дело, ему сообщили, что поступил на него исполнительный лист, что взыскивают с него на содержание двух его детей в пользу матери этих детей, гражданки Соловьевой.

В полной растерянности и недоумении остановился т. Соловьев перед этим сообщением. Да, действительно, у него есть двое детей. Верно и то, что у этих детей есть мать, его жена гр. Соловьева. Но при чем тут все-таки алименты? Никакого раздора в семейной жизни т. Соловьева не происходило. Дружно и ладно живет он с своей женой уже много лет. Вместе воспитывают своих детей, двух замечательных хлопцев... Что за странность такая, зачем ей понадобилось вдруг взыскивать с него алименты?..

Но ему разъясняют тогда, что взыскивает алименты с него не Соловьева Мария Михайловна, его жена, а другая Соловьева — Антонина Павловна. Позвольте, но кто она такая? Ему показывают исполнительный лист, а там написано: «На основании решения народного суда г. Кинешмы взыскать алименты с гр. Соловьева Василия Александровича в пользу гр. Соловьевой Антонины Павловны на содержание двух детей».

Совсем уже ничего не понимает т. Соловьев. О городе Кинешме он никакого представления не имеет. В городе Кинешме он никогда не жила, не был. Живет он безвыездно уже много лет у себя в Ворошиловске. Никакой Антонины Павловны не ведает.

Взволнованный отправился т. Соловьев к местному ворошиловскому судье. У судьи он удостоверился, что действительно из Кинешмы от тамошнего судьи каким-то образом в Ворошиловск поступил исполнительный лист на взыскание алиментов с гр. Соловьева Василия Александровича. Удовлетворившись в подозрительном совпадении имени, отчества и фамилии лица, обозначенного в исполнительном листе, с именем, отчеством и фамилией нашего Соловьева, ворошиловский судья счел себя обязанным направить исполнительный лист в контору шахты «для неуклонного исполнения».

Так т. Соловьев, добрый отец своих детей, верный муж своей жены, стал неожиданно отцом еще двух детей, рожденных в Кинешме какой-то Антониной Павловной.

Совершенно очевидно — произошло глупое недоразумение, чуждая ошибка. Надо немедленно это недоразумение распутать, выяснить, подтвердить непричастность честного человека к тому прохвосту, который в действительности уклоняется от своих отцовских обязанностей, выяснить это — и отпустить честного человека, извинившись перед ним за беспокойство и головотнячество.

Но нет, подозрительное совпадение рокового имени и отчества гипнотизирует ворошиловского судью. Не верит он Соловьеву и никаким его доводам не внемлет. Но так как эти доводы столь убедительны, что совсем их игнорировать все-таки нельзя, то ворошиловский судья готов пойти навстречу Соловьеву вот в каком отношении. Он предлагает Соловьеву... организовать очную ставку с Соловьевой. Он советует ему поехать для этого в г. Кинешму. Пусть сама Соловьева посмотрит на него и скажет, он это или не он. Ей, мол, видней.

И что же вы думаете? Ничего не оставалось делать т. Соловьеву, как принять это предложение. Взяв за свой счет отпуск, взяв бумажку от ворошиловского судьи, едет т. Соловьев в г. Кинешму. Идет он к судье Кинешмы, рассказывает ему обо всем, показывает бумажку ворошиловского судьи. А в бумажке той, адресованной кинешемскому судье, между прочим написано: «Вы нам прислали исполнительный лист на взыскание алиментов с Соловьева Василия Александровича. По установлении имени, отчества и фамилии этот исполнительный лист направлен нами по месту работы Соловьева. Но ответчик Соловьев заявляет, что он проживает в Ворошиловске с 1923 г. и на протяжении всего этого времени никуда не выезжал и личность Соловьевой Антонины Павловны ему абсолютно неизвестна. На основании изложенного нарсуд Ворошиловского района направляет вам гр. Соловьева для установления личности его путем очной ставки с гр. Соловьевой».

Кинешемский народный судья вызывает Соловьева и устраивает торжественное судебное заседание на предмет «установления личности» Соловьева.

Явившаяся в суд гр. Соловьева посмотрела на совершенно неизвестную ей личность и заявила: «Что ж вы приволокли сюда постороннего человека? Вы разните действительного отца моих ребят, а этот гражданин тут вообще не при чем, я его первый раз в жизни вижу».

«Принимая во внимание, что гр. Соловьев Василий Александрович оказался однофамильцем, совершенно другого места жительства, года рождения и происхождения и что, следовательно, в данном случае произошла ошибка, суд определил исполнительный лист из нарсуда г. Ворошиловска отозвать...»

Конечно, можно быть довольным тем благополучным в общем исходом, которым разрешились неприятности т. Соловьева. Но из этого неприятного казуса — кстати сказать, не единичного, — проистекают некоторые вопросы.

Все ли до конца продумано Наркоматом юстиции СССР в вопросе о порядке исполнения решений по алиментным делам? Какие имеются гарантии против того, что не повторяются такие факты и в будущем, что вслед за Соловьевым из г. Ворошиловска с таким же основанием по тому же исполнительному листу не потянут к ответственности любого Соловьева из города Пензы, из бухты Ногаево, с острова Врангеля и не заставят их всех приезжать в Кинешму на очную ставку с гр. Соловьевой? В одной только Москве есть, вероятно, несколько сот, если не несколько тысяч, Соловьевых, и немалое количество среди них Васильев Александровичей. Представьте себе, какой переполох поднялся бы среди всех этих Соловьевых, если бы по методу ворошиловского народного судьи всех бы их стали приглашать в город Кинешму...

В самом незначительном уголовном деле, где речь идет о каком-нибудь месяце принудительных работ или сторублевом штрафе, принято за правило — да и иначе и не может быть — самым подробным образом выявлять все, что относится к личности обвиняемого. Год, место рождения, точный возраст, место жительства, профессия, семейное, имущественное положение и т. п. — все это тщательно выясняется и подробно фиксируется в приговоре, в обвинительном заключении и в других документах уголовного дела. Посмотрите любое алиментное дело, где речь идет о столь ответственных вещах, как отцовская обязанность гражданина, где судебным решением фиксируются отношения, длящиеся в течение многих лет. Как правило, в небрежно написанном протоколе, в судебном решении, в исполнительном листе обозначается имя, отчество, фамилия истца и ответчика — и больше ничего.

Совершенно естественно, что при такой беспорядочной и безответственной системе составления судебных решений по алиментным делам при их исполнении совершенно не исключена возможность таких скверных анекдотов, который произошел с т. Соловьевым.

У ответчика, если он присутствует на суде, должен быть произведен подробный опрос для получения всех необходимых так называемых «установочных данных», устанавливающих личность ответчика, эти данные должны быть подробно записаны в решении суда, они должны затем переноситься и в исполнительный лист. Если ответчик отсутствует, все эти сведения так-

же должны быть собраны путем опроса истицы и другими доступными для суда способами.

Наркомюсту СССР следует тщательно продумать всю технику исполнения этих судебных решений. Продумать, в частности, и вопрос о том, как быть судье или судебному исполнителю, когда возникают сомнения, когда человек, с которого взыскивают алименты, заявляет, что он не то лицо, с которого алименты присуждены. Неужели же в самом деле подобные «проблемы» нельзя иначе разрешать, как только отправкой «подозреваемого» за сотни километров на очную ставку с истицей?..

Все эти вопросы, поставленные неприятным казусом с Соловьевым, стоят внимания и должны быть урегулированы.

IV

Привелось как-то аркадакскому прокурору Старостенко заняться одним незаурядным и крайне щепетильным делом. Обратилась к нему некая гражданка Никитина с заявлением, смысл которого был таков:

Ее покойный отец был красным партизаном. Для каких-то целей ей понадобилось изхлопотать документ, подтверждающий партизанство отца. Выдача этого документа в какой-то мере зависела от секретаря существовавшей тогда «сельской краснопартизанской комиссии» Федорова.

И вот, воспользовавшись своим служебным положением, Федоров принудил Никитину вступить с ним в половую связь. Родился ребенок. Ребенка она зарегистрировала на имя Федорова. От своих отцовских обязанностей Федоров отказывается, никакой помощи не оказывает, алиментов не платит.

Вот о каком факте заявила аркадакскому прокурору гр. Никитина.

Как же реагировал на это сообщение прокурор?

Предоставим слово ему самому. Результаты своего «расследования» он увековечил «постановлением». Как и водится в такого рода документах, сначала излагается история вопроса. У Старостенко она изложена так:

«Гр. Никитина в своем заявлении писала, что секретарь комиссии Федоров обещал ей выдать партизанский билет, ввиду чего она согласилась вступить с ним в связь, но в результате партизанский билет она не получила, а беременность да».

Сам Остап Бендер не смог бы, вероятно, лучше сформулировать это постановление, если бы ему привелось быть районным прокурором в Аркадаке. Но самое все-таки интересное — это тот вывод, к которому пришел прокурор в результате расследования заявления Никитиной — вывод, изобличающий в аркадакском прокуроре ум пылкий и проницательный. Оказывается, единственный вопрос, который занял его внимание, это был вопрос о том... имела ли право гр. Никитина на партизанский билет. И так как прокурор усмотрел, что Никитина такого права не имела, то прокурор постановил: «Отказ в выдаче билета считать правильным, а maternal о признании Федорова отцом ребенка рожденного Никитиной передать на рассмотрение в народный суд...»

Так разделился прокурор с заявлением Никитиной.

Пошла тогда Никитина в суд. Известно, что дела, где идет спор об отцовстве, — это одна из самых трудных, сложных и ответственных категорий дел, которыми занимаются наши народные суды. От судьи здесь требуется много проницательности, такта, умения понимать и оценивать взаимоотношения людей, умения проявить свою инициативу в сборании доказательств, не оплошая судебного процесса, не унижая достоинства спорящих граждан, не уподобляя советский процесс старому консисторскому производству по бракоразводным делам и адюльтеру. В особо сложных случаях судья должен уметь прибегнуть к экспертизе авторитетного специалиста, понимать значение медицинской справки и т. д.

Так вот дело Никитиной и было одним из таких дел, где народному суду Кистенлейского района надлежало разрешить спор об отцовстве при обстоятельствах не совсем обычных.

Трудно представить себе что-нибудь более бестолковое, более неграмотное и вместе с тем более пошлое, нежели тот документ, который именуется «решением» суда, подписанным судьей Грозовым.

Из этого «решения» мы узнаем, что у гр. Никитиной ребенок родился в 1935 г., но что «Никитина в 1931 г. имела близких знакомых мужчин, с каковыми имела связи, фамилии которых неизвестны», что «от кого она забеременела все разбегались», что верить Никитиной нельзя, ибо, по ее словам, будто бы выходит, что у нее «принималась беременность 3 раза в течение 2 месяцев» и т. д. Но самое главное — никак не мог быть отцом ее ребенка гражданин Федоров, ибо имеющейся в распоряжении суда справки точно установлено «полное отсутствие у Федорова живых и мертвых сперматозоидов...»

Нельзя без улыбки читать жалобу гр. Никитиной на это так называемое решение суда, — жалобу, полную искреннего недоумения.

«Что же это такое, — пишет гр. Никитина. — По решению суда получается, что я была беременна с 1931 г. по 1935 г. Но ведь «это же глупое указание, чтобы женщина могла носить беременность целых четыре года...»

Но, с другой стороны, суд указывает, пишет расстроенная жалобщица, что будто бы я, Никитина, в течение двух месяцев имела три беременности. «Это тоже неверно, чтобы женщина в два месяца имела столько беременностей...»

А что касается «живых и мертвых сперматозоидов», то она не понимает, что это значит, но только она знает, что справка, на которую ссылается суд, выдана была Федорову его добрым знакомым, местным деревенским фельдшером...

...Полтора года добывается Никитина перед Саратовской областной прокуратурой и областным судом, чтобы они, наконец, серьезно занялись ее делом. Нелепое грозовское решение продолжает, однако, жить, наращивая изрядный давностный срок своего действия.

Но мы не теряем надежды, что товарищи саратовцы когда-нибудь все-таки отменят этот уникальный документ, памятуя, что глупость и пошлость — даже тогда, когда они обретают форму судебного акта — давностью не погашаются.

Алиментная обязанность детей в отношении их родителей

В силу ст. 120 Конституции СССР «граждане СССР имеют право на материальное обеспечение в старости, а также в случае болезни и потери трудоспособности. Это обеспечивается широким развитием социального страхования рабочих и служащих за счет государства, бесплатной медицинской помощью трудящимся, предоставлением в пользование трудящимся широкой сети курортов». Вместе с тем, Конституция устанавливает для каждого гражданина обязанность «придерживаться Конституции, исполнять законы..., честно относиться к общественной обязанности, уважать права социалистического общества» (ст. 130 Конституции СССР). Одним из таких законов является обязанность детей содержать своих нуждающихся родителей в случае их нетрудоспособности.

Обеспечение стариков в условиях социалистического общества имеет большое социальное и политическое значение: оно создает в гражданах СССР уверенность в завтрашнем дне, освобождает от необходимости накопления средств на старость и, как и вся наша новая Конституция, — «укрепляет веру в свои силы и мобилизует на новую борьбу для завоевания новых побед коммунизма»¹. Нигде в иной стране мира старики не находят столь благоприятных условий для спокойного, материально обеспеченного существования, как в СССР, где созданы все предпосылки для максимального сохранения человеческой жизни и где отсутствует вражда различных поколений между собой, неизбежно существующая в капиталистическом обществе. В СССР старики находятся в тесном общении с молодежью и дружно работают рука об руку с ней, участвуя в совместном и созидательном социалистическом труде.

Забота советского государства о материальном обеспечении граждан СССР в старости, а также в случае болезни и потери трудоспособности, осуществляется у нас в порядке реальной гарантии основных прав советского гражданина, завоеванных и закрепленных Сталинской Конституцией, в противоположность мизерным мероприятиям «благотворительности», практикуемым (в лучшем случае) в капиталистическом обществе.

В советской литературе вопрос об обязанности детей содержать родителей освещен очень мало. Слабо освещен этот вопрос и в судебной практике.

Иски родителей к детям о содержании составляют сравнительно ничтожный процент от общего количества алиментных исков (около 3-4%). Это можно объяснить тем, что до судебного разбирательства доходит обычно очень небольшое количество случаев отказа со стороны детей в материальной помощи их нуждающимся родителям: в большинстве случаев родители воз-

держиваются от предъявления исков к детям из-за ложного стыда и за себя, что они будут получать содержание по исполнительным листам со своих «родных» детей, и за детей, что придется перед судом и обществом разоблачать их бесчестные и позорные поступки в отношении родителей.

Характерно, что наиболее вопиющие из этих поступков на Украине, ставшие достоянием общей печати¹, не были вовсе предметом судебного рассмотрения.

Пусть этих случаев, демонстрирующих личный раз проклятые пережитки капитализма, и не очень много. Но их и не так мало, чтобы они оставались безразличными для социалистического общества и безнаказанными и чтобы не следовало в упорной борьбе за крепкую и здоровую семью выкорчевать и сжечь эти вредные пережитки в огне большевистской самокритики и судебного преследования.

Основанием обязанности детей содержать своих родителей по точному смыслу закона (ст. 1 и 32 Сем. код. УССР, ст. 49 код. РСФСР и др.) является родство, происхождение детей и именно от данных родителей. «Права и обязанности детей в отношении родителей и родителей в отношении детей основываются на происхождении детей», говорится в ст. 1 украинского Семейного кодекса. «Дети обязаны содержать своих нуждающихся родителей в случае их нетрудоспособности».

Следует при этом иметь в виду, что по действующему законодательству к родству приравниваются также усыновление и приемчество. «Усыновленные и их наследники, — сказано в ст. 43 украинского Семейного кодекса, — приобретают относительно усыновителей все права и обязанности родных детей усыновителя и личных и имущественных...». А по смыслу ст. 47 того же кодекса, усыновление, фактически осуществленное, хотя юридически и не оформленное, является основанием для признания права на содержание. Таким же основанием, как увидим дальше, является и приемчество, приравняемое в отношении прав и обязанностей к усыновлению.

Вместе с тем суду, согласно примечанию к этой статье (составляющему особенность Украинского кодекса), предоставляется право в исключительных случаях, в зависимости от особенностей взаимоотношений детей и родителей, освобождать детей от указанной в этой статье обязанности материально помогать нуждающимся родителям.

На той же точке зрения родства как основания алиментной обязанности детей стоит, в общем, и судебная практика УССР.

Однако эта точка зрения пробивается в судебных решениях не всегда с надлежащей ясностью. Этому мешает нередко преувеличенное представление судебных инстанций о значении

¹ Сталин, О проекте Конституции СССР, Партиздат, 1936 г., с. 46.

¹ «Известия», 1936 г., № 286, и др.

воспитания родителями детей сызнала — как условия алиментной обязанности последних.

Разумеется, при рассмотрении алиментных исков следует принимать во внимание и то обстоятельство, воспитывали ли в свое время родители своих детей, и если нет, то какие на то были причины, и не было ли среди них злостное уклонение от родительской обязанности воспитания и содержания детей. Только такое злостное уклонение и может дать суду основание освободить ответчиков-детей от алиментной обязанности по отношению к их родителям.

В целом ряде рассмотренных нами решений нарсудов УССР пробивается нередко принципиально неправильная мысль, будто бы алиментная обязанность детей зависит исключительно и всецело от того, воспитывали ли родители в свое время детей.

Конечно, суд не может и не должен оставлять без внимания факты злостного уклонения родителей от содержания и воспитания детей и предоставления их самим себе, на произвол судьбы.

И прав был нарсуд Сталинского района, отказав в иске гр. Борисова М. к его сыну и дочери об алиментах на том основании, что 35 лет тому назад истец оставил ответчиков с матерью без всяких средств к существованию; к тому же неизвестно, чем он занимался с тех пор.

Однако нельзя согласиться с той категорической трактовкой вопроса об основании алиментных обязанностей детей, какая выдвинута отдельными судебными решениями.

Любопытно, что уклоняющиеся от алиментной обязанности в отношении своих родителей обычно ссылаются именно на то, что будто бы родители их в свое время не выполняли своих обязанностей по воспитанию, или же в настоящее время расходятся по своим политическим убеждениям с детьми-ответчиками. На самом же деле эти ссылки очень редко подтверждаются. В подавляющем большинстве случаев они являются недоброкачественными попытками корыстного использования примечания к ст. 32 Семейного кодекса.

Но характерно, что судебное рассмотрение в таких случаях ведется обычно в плоскости выявления, главным образом, того, действительно ли родители не воспитывали своих детей, как будто в этом только и состоит сущность дела и от этого только и зависит обязанность детей содержать своих родителей.

Анализируя ст. 32 Семейного кодекса УССР с точки зрения высказанных в вводной части положений, следует прежде всего отметить слишком узкий круг алиментно-обязанных лиц, устанавливаемых этой статьей. Регламентируя обязанность для детей содержать своих родителей, нуждающихся в случае их нетрудоспособности, рассматриваемая статья имеет в виду семью в узком смысле, состоящую только из родителей и детей. Родственники по прямой и боковой линиям исключаются. Между тем, с точки зрения реальных интересов необходимого социального обеспечения родителей-стариков, — обеспечения, функции которого присвоены советской семье, следовало бы признать более целесообразным расширение за пределы узкой семьи круга лиц, обязанных содержать своих восходящих родственников. На этой же позиции стоит справедливо и ряд других советских республиканских семейных кодексов (ст. 54 и 55 Семей-

ного кодекса РСФСР, ст. 68 кодекса БССР, ст. 42 и 50 кодекса Туркменской ССР, ст. 61 кодекса Грузинской ССР). Такое расширение нужно было бы de lege ferenda произвести и в Семейном кодексе УССР за счет привлечения к алиментированию родителей не только их детей и не только ими усыновленных, как это практикуется судами УССР, но также и их, по крайней мере, внуков.

Существует небезосновательное решение, например, Ленинского суда в Киеве о взыскании алиментов с сына племянницы истца, 76-летнего гражданина Григ. Н. в пользу последнего (дело № 2473 за 1936 г.), как и ряд отмененных решений иных судов в Киеве о взыскании алиментов в пользу дедушек и бабушек.

В буржуазной юридической литературе можно встретить возражения против расширения алиментной обязанности за пределы узкой семьи. «Иначе, — рассуждает, например, Буэнгнер, — пришлось бы внука или деда считать алиментарно-обязанным вследствие действия третьего лица»¹. А такое допущение кажется буржуазному юристу «абсурдным».

Однако советское законодательство ясно подчеркивает, что «нетрудоспособные и нуждающиеся дед и бабка имеют право на получение содержания от своих внуков, обладающих достаточными средствами, если они не могут получить такового содержания от своих супругов или детей» (ст. 58 Семейного кодекса РСФСР и др. статьи указанных выше кодексов).

С другой стороны, нельзя признать целесообразным и чрезмерное расширение круга алиментно-обязанных, на подобие, например, французского законодательства, по которому к содержанию привлекаются родственники всех степеней, а также и свояки, вплоть до зятей и невесток — в отношении родителей их супругов, — в результате чего «закон позволяет родственнику 12-й степени обобрать супругов и выгнать их из собственного жилища и одновременно позволяет брату или сестре умереть с голоду на пороге своего брата»².

Говоря о необходимости привлечения внуков к алиментированию их нетрудоспособных и нуждающихся деда и бабки, мы вовсе не становимся принципиально на точку зрения широкого круга семьи, охватывающего всех родственников по восходящей и боковой линиям.

Речь идет о практической мере, диктуемой необходимостью лучше обеспечить материальное положение нетрудоспособных и нуждающихся стариков.

В этом отношении интересна эволюция советского семейного законодательства по затронутому вопросу. Кодекс РСФСР 1918 г. содержал специальную главу «Права и обязанности лиц, состоящих в родстве». Статьи 172-181 этого кодекса регулировали алиментарные взаимоотношения между полнородными и неполнородными братьями и сестрами и родственниками по восходящей и нисходящей линиям. Все эти нуждающиеся и нетрудоспособные родственники имели право на содержание со стороны своих состоятельных родственников. При этом род-

¹ Buengner, Zur Theorie und Praxis der Alimentspflicht, 1924.

² Bonnecas, La Philosophie du Code Napoléon, Paris, 1925, p. 92, 97.

ственники обязаны были к содержанию лишь тогда, когда нуждающиеся не могли быть содержимы другим супругом, детьми или родственниками.

Кодекс объявил даже недействительными соглашения об отказе от права на содержание со стороны родственников (ст. 178), настолько это право считалось тогда существенным и важным.

В связи с этим, между прочим, возникла и сформулирована в Семейном кодексе РСФСР ст. 55 в первой ее части.

«Нетрудоспособные и нуждающиеся дед и бабушка имеют право на получение содержания от своих внуков, обладающих достаточными средствами, если они не могут получить такого содержания от своих супругов или детей».

Действующий украинский кодекс, однако, такого положения не знает, он исходит из предоставления об узкой семье, состоящей только из родителей и детей.

С введением в действие Сталинской конституции, предоставляющей гражданам СССР широкие права на материальное обеспечение в старости, необходимость включения в украинский кодекс соответствующей статьи о привлечении внуков к алиментным обязанностям, диктуемой Сталинской заботой о человеке, вызывает задачи еще большего и лучшего обеспечения его материального положения в старости.

Любопытно, что на первых порах семейное советское законодательство обуславливало алиментарную обязанность детей неполучением родителями содержания от государства. Так, ст. 163 первоначального Семейного кодекса РСФСР (1918 г.) гласила: «Дети обязаны доставлять содержание своим лишившимся трудоспособности и нуждающимся родителям, если последние не получают содержания от государства по закону о страховании болезни и старости или о мерах социального обеспечения».

Однако в соответствующей этой статье ныне действующего Семейного кодекса РСФСР — ст. 49 — подчеркнутые слова опущены.

Обязаны содержать своих нуждающихся и нетрудоспособных родителей наравне с сыновьями также замужние дочери, если бы они даже не имели самостоятельного заработка. Их нередкие ссылки в суде на то, что будто таким образом к алиментированию их родителей привлекаются зятья, не обязанные к этому по прямому смыслу закона, лишены основания: ответчиком является в таких случаях все же замужняя дочь, а не ее муж, и она обязана содержать своих родителей за счет принадлежащей ей, на началах общей собственности, половины имущества, какое она приобрела совместным с супругом трудом во время брака, согласно ст. 125 Семейного кодекса УССР. При этом следует иметь в виду примечание к той же статье, гласящее, что «труд жены по ведению домашнего хозяйства или заботе о детях приравнивается, в отношении права на имущество, к труду ее супруга по добыванию средств к жизни»; отсюда и право жены на распоряжение также заработной платой ее мужа для целей материального вспомоществования ее родителям. На этой позиции признания за женой такого права стоит, в общем, и практика киевских народных судов за 1936 г. (Таковы, например, решения Черкасского

районного нарсуда за №№ 2037, 2329, 2118—244, Сталинского районного суда в Киеве № 9023, Октябрьского районного суда № 878 и др.).

Нуждающиеся и нетрудоспособные родители имеют право на получение содержания и на имущество несовершеннолетних детей, лично им принадлежащего (подаренного, унаследованного и тому подобное).

Алиментные, как и вообще семейные отношения, как известно, исключаются из сферы действия Гражданского кодекса и регулируются нормами брачного и семейного права (ст. 3 Гражданского кодекса УССР).

Поэтому решающее значение в рассматриваемом вопросе имеет общеобязательная норма семейного права относительно обязанности детей содержать своих родителей, а не нормы общегражданского кодекса касательно достижения несовершеннолетним лицом дееспособности как условия алиментной ответственности.

Сам по себе факт происхождения несовершеннолетнего от данных родителей является достаточным основанием для признания за родителями права на получение содержания из его имущества, за исключением лишь случаев, оговоренных в примечании к ст. 32 Семейного кодекса УССР «в зависимости от особых взаимоотношений родителей и детей».

К родству по происхождению, как известно, закон и судебная практика приравнивают также приемчество и усыновление. Согласно ст. 182 прежнего и ст. 84 ныне действующего Семейного кодекса РСФСР, усыновленные приемыши-приемыши и их потомство по отношению к их усыновителям приравниваются к родственникам по происхождению. О том же, в сущности, трактует и ст. 43 украинского Семейного кодекса: «Усыновленные и их потомство приобретают по отношению к усыновителям все права и обязанности родных детей усыновителя — личные и имущественные», а следовательно, и обязанности содержать своих усыновителей. То же нужно сказать о приемчестве, поскольку оно приравнивается в отношении прав и обязанностей к усыновлению: приемчество порождает для приемных право требовать со стороны приемков содержания в соответствующих случаях.

Приемчество вросло в быт крестьянства, особенно на Украине. Исторически оно возникло на почве очевидной хозяйственной потребности как подсобная сила в ведении крестьянского хозяйства.

К числу лиц, обязанных содержать родителей, относятся, конечно, и те лица, действия коих были причиной смерти кормильцев родителей. Иск о вознаграждении за смерть, являясь, по смыслу ст. 403 Гражданского кодекса, иском о возмещении вреда тем лицам, которые со смертью данного лица утратили источник своего существования, справедливо рассматривается судебной практикой УССР — «как иск об алименте, направляемый к лицу или предприятию, действия коих были причиной смерти кормильца истца» (циркуляр Верховца УССР № 54, «Бюллетень» № 47, 1925 г.). Отсюда следует, что иски о вознаграждении за смерть могут быть предъявляемы аналогично искам о зарплате и о вознаграждении за утрату трудоспособности.

Какой характер имеет обязательство детей содержать своих родителей и солидарно ли оно? В советской литературе этот вопрос не освещался. Советское законодательство разрешает его отрицательно, возлагая алиментное обязательство на детей (как и на родителей) совместно и на равных основаниях. Родители вправе предъявлять иск к детям о выполнении обязательства, причем размер участия каждого из детей в содержании родителей устанавливается в зависимости от степени потребности и нетрудоспособности родителей и материального состояния каждого из детей (ст. 32 Семейного кодекса УССР). Между тем, если бы это было солидарное обязательство, то родители, соответственно ст. 115 Гражданского кодекса УССР, имели бы право требовать выполнения как со всех должников вместе, так и с каждого из них в отдельности, к тому же как полностью, так и в части долга; при безрезультатности взыскания с одного должника кредитор мог бы взыскивать все недополученное с остальных должников, а должник имел бы право обратного требования к остальным должникам в равных частях.

С точки зрения интересов наиболее реального обеспечения родителей со стороны их детей, которые, как свидетельствует изученная практика, нередко и безнаказанно уклоняются от выполнения своего обязательства, даже после решений суда, пользуясь ненаказуемостью такого уклонения по закону, установление солидарной ответственности должников может казаться как будто более целесообразным, поскольку освобождало бы нуждающихся истцов — родителей от необходимости разыскивать уклоняющихся от выплаты алиментов детей.

Однако солидарная ответственность должна быть установлена либо законом, либо договором, чего нет в случае алиментных взаимоотношений. Нельзя разрешать вопрос в плоскости тех или иных практических удобств. Речь идет о правоотношениях, об обязанности одного нисходящего (сына или дочери) содержать родителей за счет других детей.

Не спало бы положения и право судьи взыскивать в таких случаях солидарно алименты с наиболее обеспеченного из детей — должников, поскольку такое право вступило бы неизбежно в коллизию с желанием и правом родителей предъявлять иск к наименее обеспеченному должнику. В таком случае возник бы вопрос, обязан ли суд привлекать к оплате алиментов тех детей, которых отец или мать почему-либо не хотят привлекать. Практика Верховного суда УССР разрешает вопрос в положительном смысле. Гражданская коллегия Верховного суда не только допускает инициативу суда для привлечения в качестве ответчиков остальных детей. Гражданская коллегия обязывает суды привлекать всех детей, считая разрешение вопроса только в пределах иска, т. е. между родителями и привлеченным по их заявлению ответчиком, нарушением ст. 7 УПК. Так например, согласно разъяснениям и указаниям гражданской кассационной коллегии Верховного суда УССР (например, по делу Терещенко от 10 марта 1937 г. № 128), суд обязан выяснить материальное положение и семейное состояние сторон как важнейшее обстоятельство при рассмотрении споров о содержании родителей. Поэтому, например, ГСК аннулировала приговор нарсуда, не привлечшего в качестве ответчиков двух родных братьев — сыновей истицы и не

выяснившего материального и семейного положения сторон (дело № 128, сравн. 129, 850 и др. за 1936 г.). Выяснения материального положения не только ответчиков, но и истцов решительно требует и постановление Верховного суда УССР от 2 февраля 1926 г. № 1426 по делу Дудника.

Вместе с тем, судам вменяется в обязанность выяснять, в какой мере оказывают материальную помощь родителям остальные дети ответчика, кроме тех, к коим предъявлен иск, и не следует ли их привлекать к делу.

Все эти вопросы требовали бы специальной законодательной нормировки, — разрешить их в порядке простого разъяснения или судебной практики невозможно.

Как бы то ни было, действующее советское алиментарное право не устанавливает солидарной ответственности при взыскании алиментов с детей в пользу родителей, и не без оснований.

Обязанность выплачивать алименты родителям лежит на всех детях. Поэтому в случае, если некоторые из них лишены почему-либо возможности доставлять содержание своим родителям, соответственно возрастает доля остальных. Такой же результат наступает в случае смерти кого-либо из более обеспеченных детей.

При этом суд может присудить и больше, чем требует истец. Это право суда, согласно разъяснению пленума Верховного суда 31 октября 1927 г. (С. П. 1927 г. № 21), прямо вытекает из ст. 179 ГПК, в силу которого суд может выходить за пределы заявленных требований.

Что касается размера алиментов, то практику судов УССР, присуждающих обычно не более 10% содержания ответчиков в пользу родителей, нельзя признать правильной: нетрудоспособные родители сплошь и рядом нуждаются во вспомоществовании не меньше, нежели дети.

Правда, в последнее время некоторые суды (Донецкой, Днепропетровской, Одесской областей), после издания закона 27 июня 1936 г., стали взыскивать с должников по одной четверти с их содержания или же выработанных ими трудодней, подобно тому, как это предписывается названным законом в отношении размера алиментов для ребенка.

Во всяком случае, при установлении размера алиментов меньше всего можно говорить о стандартных нормах, а следует сообразоваться как с материальным положением их детей, так и с нуждаемостью и нетрудоспособностью родителей, как этого требует закон.

Надо иметь в виду, что в условиях колхозного труда и быта интересы алиментируемых родителей сплошь и рядом могут быть лучше, реальнее обеспечены оплатой в трудоднях, нежели в твердых денежных суммах. В этом отношении необеспеченные и нетрудоспособные родители-старика часто нуждаются в более реальной оплате трудоднями и не менее, нежели алиментируемые дети. С этой точки зрения едва ли есть необходимость в категорическом воспрещении в новых союзных кодексах нарсудам определять размер алиментов в пользу родителей в процентном отношении от трудодней (как это устанавливается § 10 циркуляра НКЮ СССР № 3 от 28 августа 1936 г.). Трудности при денежной форме присуждения, возникающие при реализации судебными исполнителями натуральных доходов от трудодней и связанные особенно с несовпадением сроков платежей по испол-

нительному листу со сроками оплаты трудовой, должны были бы быть устранены в таком случае путем непосредственного перечисления правлением колхоза присужденных процентов трудовой в распоряжение алиментируемых родителей, причем не только тогда, когда последние состоят в колхозе, но и в том случае, если они работают в совхозе, служат в сельпо и т. д. Если, однако, алиментируемые родители считали бы

для себя более удобным получить содержание в виде трудовой, то суду едва ли было бы целесообразно отказывать в удовлетворении такого желания, даже в том случае, если ответчик против этого возражал бы. Но перечисление трудовой в таких случаях должно было бы производиться уже при окончательном подсчете трудовой.

М. ШАРГОРОДСКИЙ

Аналогия в истории уголовного права и в советском уголовном праве¹

«Малейшее беззаконие, малейшее нарушение советского порядка есть уже дыра, которую немедленно используют враги трудящихся»...

(Ленин, «Письмо к рабочим и крестьянам по поводу победы над Колчаком», т. XXIV, стр. 434.)

Вопрос об аналогии является в настоящее время одним из наиболее актуальных и наиболее важных вопросов уголовного права. В связи с проблемами, поставленными Сталинской Конституцией в области права и закона вообще и уголовного права в частности, вопросы аналогии приобретают исключительно важное значение, и для решения вопроса о том, как мы должны сейчас аналогией пользоваться и как мы должны аналогию применять, необходимо изучить вопрос о том, как она раньше применялась и что представляла собой аналогия в истории уголовного права и в советском праве.

Хотя аналогия и не является видом толкования законов, однако она с толкованием законов непосредственно связана². Толкование законов является необходимым, так как поскольку существует суд, поскольку существует судебная деятельность, поскольку без судебного толкования законов обойтись нельзя. Толкование законов бывает двух видов. Аутентическое толкование, т. е. толкование, которое дает сам законодатель, которое является обязательным для всех и которое представляет собой толкование, как это определено в самой Конституции, принадлежащее у нас компетенции только Президиума Верховного Совета СССР.

Иначе дело обстоит с так называемым судебным толкованием. Судебное толкование является необходимым элементом, без которого нельзя обойтись судье. Судья, приступая к работе над

законом, неизбежно должен так или иначе этот закон толковать.

Право судьи толковать закон в различные эпохи было более или менее широким, но совершенно не толковать закон, конечно, судья не может.

Вопрос о том, в каком объеме должен толковаться закон и каким способом он должен толковаться, всегда был спорным и занимал чрезвычайно большое место в теории уголовного права.

Говоря о толковании вообще, должно отметить, что это толкование может быть самым разнообразным. Толкование можно применять грамматическое, логическое, историческое и т. д., но все виды толкования отличаются одной определенной особенностью. Толкование всегда имеет в виду охватить законом те случаи, которые законодатель предусматривал. Толкование закона всегда исходит из того, чтобы дать такое объяснение закону, которое ему хотел дать законодатель, и для этого толкующий прибегает к различного рода методам. Однако бывают случаи, когда законодатель не предусмотрел тех или других обстоятельств, потому ли, что он их пропустил или не предусмотрел, потому ли, что не мог их предусмотреть, так как тогда, когда закон издавался, данное преступление вообще еще не имело места. В таком случае перед практикой, естественно, ставится вопрос уже не о толковании закона, не о нахождении того, что хотел сказать законодатель, а в известной степени о восполнении закона тем, чего в нем нет. Вот тогда и появляется вопрос относительно аналогии.

Что такое аналогия? Аналогия определяется вообще как сходство понятий или предметов. Таково общее понятие аналогии. Наука логики применяет следующее определение аналогии: «Умозаключение, сделанное по аналогии, сводится к тому, что если два или более предметов или понятий совпадают в одном или нескольких существенных свойствах, то можно предположить, что это сходство вызвано общими причинами и что предметы имеют и другие общие свойства».

¹ Материал кафедры уголовного права Ленинградского Юридического института.

² «Если принять в соображение, что аналогия права применяется там, где обнаруживается недостаток соответствующего закона, то очевидно, что аналогия не может быть причислена к способам толкования законов, а составляет особый прием, стоящий рядом с толкованием законов».

Шершеневич, Учебник русск. гражданск. права, т. I, изд. 11, стр. 76.

т. е. что они сходны и в других, нам еще неизвестных отношениях»³.

Милль определяет аналогию следующим образом: «Аналогичное умозаключение может быть приведено к следующей формуле: две вещи сходны в одном отношении или в большом числе отношений; известное предположение истинно в применении к одной из этих вещей, а потому оно справедливо и в применении к другой. Итак, вес аналогичного довода, заключающего об одном сходстве по другим сходствам, без всякого предшествующего доказательства связи между ними, зависит от объема обнаруженного сходства в сравнении, во-первых, с суммой обнаруженного различия и, во-вторых, с объемом неисследованной области необнаруженных свойств. Отсюда вытекает, что где сходство очень велико, а обнаруженное различие весьма мало и наше знание о предмете достаточно пространно, там доказательство аналогии может, по силе, подойти весьма близко к доказательному наведению. Из этого следует, что заключения по аналогии имеют значительный вес лишь тогда, когда случай, к которому мы направляем наше умозаключение, есть случай смежный: не по времени или по месту, а по обстоятельствам»⁴.

Это общее определение аналогии относится не только к области права, но и к другим областям науки. В области же права под аналогией понимается восполнение пробелов в той или иной отрасли законодательства. Это относится ко всем областям права. В уголовном же праве, в интересующей нас области, аналогия состоит в том, что закон, имеющий в виду какое-либо преступление, распространяется и на другое преступление, сходное по своему фактическому составу с тем, которое непосредственно предусмотрено данным законом.

Сергеевский, определяя аналогию, пишет: «Аналогия — это применение закона уголовного к случаям, в законе не указанным, но похожим на другие, указанные в законе»⁵.

Таким образом, аналогия в применении к уголовному закону, очень близко примыкая к толкованию закона, однако, с ним непосредственно не совпадает, идет дальше него.

Какие виды аналогии различаются в теории уголовного права? Теория уголовного права обычно различает два вида аналогии. Один вид аналогии заключается в том, что судья или другое лицо, толкующее закон, применяет общий дух законодательства и на основе этого общего духа законодательства выводит аналогию. Такая аналогия называется аналогией общеюридической или правовой аналогией. Совершенно другой вид представляет собой чистая аналогия, или аналогия закона, когда требуется, чтобы к данному конкретному случаю судья применил определенное установленное законом положение. Не общий дух закона, а определенное законом урегулированное твердое положение должно быть в этом втором случае взято в основу для перенесения его на другое отношение, которое, хотя прямо законом и не предусмотрено, однако, очень близко совпадает с тем отношением, которое законодатель предусмотрел.

В уголовном праве возможна аналогия трех видов: возможна аналогия статей общей части и возможна аналогия в двух видах особенной части. Аналогия статей общей части ничем не отличается от аналогии во всех других областях права (государственного права, гражданского права). Но нас интересует аналогия особенной части уголовного права. Она распадается на два вида: на аналогию наказаний и на аналогию преступлений. Аналогия наказаний имела место тогда, когда в уголовных кодексах существовали абсолютно неопределенные санкции. В таком случае судье при выборе меры наказания приходилось применять аналогию, т. е., найдя в уголовном законодательстве преступление, наиболее сходное с совершенным, но с указанием определенного наказания, наказание, которое было предусмотрено за это преступление, и применять к данному случаю⁶. Но, поскольку ни западноевропейское законодательство, ни наше не содержат сейчас абсолютно неопределенных санкций, постольку не может быть речи и об аналогии наказаний. Таким образом, остается одна интересующая нас область, это аналогия преступлений, т. е. применение аналогии к определенным составам преступлений. Вопрос об этой аналогии преступлений мы и изучаем.

В истории уголовного права аналогия была весьма и весьма широко распространена. Уже в рабовладельческом обществе мы находим в уголовном праве целый ряд законов и практических положений, которые дают широкую возможность для применения аналогии. Я приведу только некоторые из них.

В римском праве имелся специальный вид преступлений, так называемые «*crimina extraordinaria*», предоставленные оценке магистратуры, судимые и наказываемые ею, помимо обыкновенных правил. Речь здесь идет о суде империи периода IV—V веков н. э., когда в Риме судила магистратура и когда кроме обыкновенных законов применялись положения, устанавливаемые самими магистратами (консулами и проконсулами).

Но наиболее широкое распространение получила аналогия в средние века (XV и XVI вв.): памятники этого периода переполнены как в практике, так и в теории, положениями относительно широкого применения аналогии.

Так, например, Каролина (1532 г.) в статье 105 устанавливает: «Здесь следует заметить, что в тех случаях, когда в этих и нижеследующих статьях вовсе не назначено уголовного наказания за какое-либо деяние или таковое установлено с недостаточной ясностью и определенностью, судьи в каждом отдельном случае должны обращаться к высшей власти за указанием, как всего лучше поступить и как разрешить такие непредвиденные или вызывающие сомнения случаи, согласно нашему императорскому праву и смыслу настоящего нашего устава; а затем постановить решение согласно сделанным указа-

⁶ Примерами абсолютно неопределенных санкций могут служить санкции свода законов 1832 г., например «смотря по мере вины», «по преступнику» или Каролины, где прелюбодеей карается «по преданиям наших предков и нашему императорскому праву» (ст. 120). В законодательном материале досоветского периода автором использован в ряде случаев материал статьи Дубровина (Ж. М. Ю.).

³ БСЭ, т. 2, стр. 625—626, «Аналогия».

⁴ Милль, Система логики, т. II, 1873 г.

⁵ Сергеевский, Русское уголовное право, ч. общая, изд. 1911 г., стр. 350.

ниям, если не все могущие случиться преступления окажутся предусмотренными и достаточно ясно описанными в настоящем уставе»⁷.

То же самое мы находим и в Терезиане (1768 г.). «В этом кодексе общеуголовных законов большинство преступлений, обыкновенно случающихся, содержится или в точных определениях настоящего кодекса или в столь же точных ссылах на постановления других сборников действующих законов. Но если какое-либо преступное деяние, безусловно заслуживающее по своей зловерности уголовного наказания, вовсе не предусмотрено настоящим кодексом, или хотя и предусмотрено, но недостаточно ясно описано в своих признаках, то в таком случае мы предписываем, чтобы при суждении его имели в виду все обстоятельства, его сопровождающие, а именно: степень проявленной при совершении этого деяния преступной воли, вызванного им общественное негодование и размеры причиненного им вреда как обществу, так и частным лицам, и чтобы при рассмотрении таких выдающихся тяжких преступлений всякий такой случай, хотя бы и разрешался уголовным судом по аналогии с содержащимися в настоящем кодексе законоположениями, однако, считался исключительным, и поставленные по ним решения, до вступления их в силу, представлялись на утверждение в высший суд. В том же случае, когда вследствие опасности, сопряженной с повторением таких преступлений, представляется необходимость в установлении общего для всех наших областей размера наказания за них, высший суд должен представить о том на разрешение королевской власти» (104, § 1).

Таким образом, и Каролина, и Терезиана прямо устанавливают, что положения, не имеющиеся в уголовном праве, должны распространяться по аналогии.

Landsergerichtsordnung 1514 г. в § 48 устанавливает: «Впрочем, все преступления, как обложенные законом уголовными наказаниями, так и предусмотренные или недостаточно ясно описанные в этом кодексе, должны быть рассматриваемы и судимы судьями, сообразно с разумом и духом законов».

Вы видите и здесь, что закон указывает на широкое применение аналогии.

Если эти законы рисуют положение вещей в средневековой Германии, то ряд авторов показывает нам, что так же обстояло дело и во Франции, где, как пишет Гарро в «Précis du droit criminel», «главные черты старого французского законодательства были произвол и неравенство. По нашему древнему праву судьи пользовались всей широтой власти при преследовании различных видов нарушений. Закон не указывал им строго, как ныне, то наказание, которое они должны были определять: только обычай освящал большую часть наказаний, которые судьи могли назначить»⁸.

Faustin Helle в предисловии к работе Беккарна сообщает нам о таких же фактах:

«Долго до того, что установили правило, что судьи, будучи призваны постановлять определения о преступлении, не указанном ордонасами, должны применять одинаковое наказание с тем

преступлением, которое имеет больше аналогии с подлежащим рассмотрению суда деянием»⁹.

В Англии не только в середине века, но и в настоящее время кроме статутного права действует, как известно, так называемое «common law» (обычное или общее право); это право, по преимуществу выработанное судьями, основанное на судебных прецедентах, которые может отвергнуть только высшая судебная инстанция, представляет собою право казуальное и создается судьей (judge made law). Как пишет Полянский: «Общее право в значительной своей части есть продукт подлинного судебного правотворчества. Можно, не боясь преувеличения, сказать, что английские суды конкурируют с парламентом в деле создания и преобразования права: очень часто их решениями — хотя, конечно, не прямо, а косвенно, путем толкования «общих начал и принципов», — изменяются и отменяются постановления законов»¹⁰. Очень близко к описанному и положение в США. Таким образом, в Англии и в США имела и имеет место не только аналогия, но значительно более широкое правотворчество судей.

Итак, в истории западноевропейского феодального права мы находим широкое применение аналогии.

В России в XVI, XVII и XVIII вв. суд и закон широко применяют если и не аналогию, то правовые принципы, очень близко к аналогии примыкающие, на что мы находим прямое указание в целом ряде русских законодательных памятников. Так, в Судебнике Иоанна IV 1550 г. говорится:

«...а которому будет жалобнику, без Государьского ведома, управы учинити немочно: ино челолюбие его сказати царю Государю» (ст. 7).

«А наместником и волостелем, которые держат кормления и тиуном великого князя, и боярским тиуном и детей боярских тиуном, тати и душегубца и всякого человека лихого, без доклада ни продати, ни казнити, ни отпустить. А хто тати или душегубца и всякого лихого человека отпустит, или кого без доклада продаст или казнит и на том судие исцовы искы доправити вдвое, а во государеве пене вкинути его в тюрьму до царева государева указу» (ст. 71).

«А которые будут новые дела в сем судебнике неписаны, и как те дела со Государева указу и со всех бояр приговору варшатца, и те дела в сем судебнике приписувати» (ст. 91)¹¹.

То же самое устанавливается и в законодательстве Михаила Федоровича 1626 г.:

«И которых статей в поместном приказе о поместных и вотчинных делах без государева царева и великого князя Михаила Федоровича и отца его Великого государя святейшего патриарха Филарета Никитича ямляного приказа делать не мочно, те статьи они, государи, велели написать и принести к себе, государям, в доклад»¹².

Таким образом, в случае пробелов применяется дополнительное законодательство необычного порядка — система докладов.

⁹ Faustin Helle, Введение к работе Беккарна о преступлении и наказании, изд. 1854 г.,

¹⁰ Подробно см. Н. Н. Полянский, Уголовное право и уголовный суд в Англии, стр. 10—14.

¹¹ Судебник царя и великого князя Ивана Васильевича, изд. Академ. наук, СПб., 1768 г.

¹² Владимирский-Буданов, хрест., т. III, стр. 214.

⁷ См. также Бамбергское уложение (1507—1516), ст. 126, и Бранденбургское уложение, ст. 126.

⁸ Garraud, «Précis du droit criminel» 88.

Уложение Алексея Михайловича устанавливает такое же положение:

«А спорные дела, которых в приказах зачем вершити будет немочно, вносите из приказов в доклад к государю царю и великому князю Алексею Михайловичу и к его государевым боярам и окольничим и думным людям. А боярам и окольничим и думным людям сидети в палате и по государеву указу всякие дела делати и всем вместе»¹³.

Согласно указу 1649 г., «Великие государи указали: судебных и всяких розыскных дел, по которым в приказах судьям указу зачем учинити будет немочно, или которые и вершены, а на вершенья учтет кто... битъ челом и вершенья чем спорить, также и с оных о каких делах учтет кто... битъ челом, и тех из приказов дел и челобитен слушать... боярам и думным людям всем и по тем делам и по челобитным свой великих государей указ чинить по своему великих государей указу, по уложению и по новоположенным статьям... А которых дел им, боярам и думным людям, зачем без их великих государей именного указа вершити будет немочно, и по тем делам докладывать великих государей»¹⁴.

В ряде законодательных документов Петровской эпохи мы также находим указания на применение правовых институтов, близких к аналогии.

Указы 2 и 17 апреля 1722 г., где устанавливается неизбежность законов, в то же время сохраняют право сената решать дело в случаях, когда нет соответствующего закона, путем создания нового закона.

«Дело сенатское то, когда кому в коллегии такое дело случится, которое в той коллегии решить невозможно, то те дела президенту коллегии приносить и объявить генералу-прокурору, который должен представить в сенат, и иное решить в сенате, а чего невозможно решить, о том приложить свое мнение учинить предложение в доклад»¹⁵.

«Понеже ничто так к управлению государства нужно есть, как крепкое хранение прав гражданских, понеже все законы писать, когда их не хранить, или ими играть, как в карты, прибирая масть к масти, чего нигде в свете так нет, как у нас было, а отчасти еще и есть, и zelo тщатся всякие мины чинить под фортецию правды: того ради сим указом, яко печатью, все уставы и регламенты запечатываются, дабы никто не дерзал иным образом всякие дела вершить и располагать не против регламентов и не точно решить, ниже в докладе выписывать то, что уже напечатано, не отговариваясь в том ничем, ниже толкуя инаго. Буде же в тех регламентах что покажется темно или такое дело, что на оное ясного решения не положено: такие дела не вершить, ниже определять, но приносить в сенат выписки о том; где повинны сенат собрать все коллегии и об оном мыслить и толковать под присягой, однако ж не определять, но положить на пример свое мнение, объявлять нам, и когда определим и подпишем, тогда оное напечатать и приложить к регламентам, и потом в

действие по оному производить. Буде же когда отлучимся в даль, а дело нужное, то учиня, как выше писано, и подписав всем чинить, но не печатать, ниже утверждать во все по тех мест, пока от нас оный апробаван, напечатан и к регламентам присовокуплен будет»¹⁶.

Конечно, доклад царю — это не аналогия в полном смысле этого слова, но вопрос об аналогии непосредственно связан с вопросом об обратном действии закона, а доклад царю как форма решения дела без закона, существовавшего в момент совершения преступления, создавший прецедент для будущего решения подобных дел (подобно *common law* в Англии), был очень близок к аналогии.

Это широкое применение аналогии как на Западе, так и в России использовалось господствующими элементами феодального государства, использовалось непосредственно судебными работниками как в интересах господствующего класса в целом, так и в интересах отдельных лиц этого класса, в частности, самих судебных работников.

Широкое применение аналогии создавало возможность «толкования» закона в ту или другую сторону. Естественно, что молодая, идущая к власти буржуазия резко выступила против применения аналогии, которая часто использовалась вопреки ее интересам.

В уголовном праве теоретика идущей к власти буржуазии выдвинули принцип: *Nallum crimen, nulla poena sine lege*. Этот принцип наделся свой отпечаток и на вопрос о возможности и правильности применения аналогии. Это относится ко всем основным буржуазным авторам XVIII века, которые занимались вопросом применения аналогии. Мы находим резкие высказывания не только против аналогии, но и против всякого толкования закона у Монтескье, Беккариа, Фейербаха и у менее значительных авторов, как Бернер и др. В частности Фейербах, когда он работал над баварским уложением, одновременно с изданием этого уложения издал законодательный комментарий к уложению и установил недопустимость всякого рода частных или судебных комментариев и толкований закона.

Беккариа в своей работе «О преступлении и наказании» по этому поводу пишет следующее:

«Власть интерпретировать уголовные законы не может принадлежать уголовному судье, потому что он не законодатель. По поводу всякого преступления судья делает один полный силлогизм, причем большой посылок должен быть общий закон, малую посылку — данное деяние, противное или непротивное закону, а заключением — оправдание или наказание. Как только судья захочет или вынужден будет сделать больше, он уже на пути к ошибкам.

Ничего нет опасней той обыкновенной аксиомы, которая говорит, что следует руководствоваться внутренним смыслом закона; эта аксиома дает слишком большой простор неистощимому потоку различных мнений об известном законе. Все наши мысли и познания находятся во взаимной связи; чем более они сложны, тем более взаимных сообщений между ними. Всякий человек имеет свою точку зрения, которая у каждого в одно время бывает одна, в другое —

¹³ Уложение Алексея Михайловича, гл. X, ст. 2.

¹⁴ П. С. З., № 1491.

¹⁵ О должности сената, 2 апреля 1722, ст. 2, П. С. З., № 3978.

¹⁶ Указ «О хранении прав гражданских», 17 апреля 1722 г., П. С. З., № 3970.

другая. Внутренний смысл закона, следовательно, будет результатом хорошей или дурной логики судьи, хорошего или дурного состояния его пищеварения; он будет зависеть от той или другой страсти судьи, от его отношений к потерпевшему лицу, от слабости подсудимого и вообще от всех тех незначительных обстоятельств, которые так легко изменяют в непостоянном человеческом уме облик всех рассматриваемых им предметов. Затем, мы видели бы, как участь гражданина менялась бы беспрестанно, проходя через различные суды, и как жизнь несчастных делалась бы жертвой ложных суждений или минутного настроения духа его судьи, который считал бы законной интерпретацией результат непонятных и смутных представлений, проходивших в его уме. Далее, мы видели бы, что одни и те же преступления одним и тем же судом в разное время наказывались бы различно: не по неизменному и определенному голосу закона, а по сбивчивой и шаткой интерпретации. Беспорядок, который может произойти от строгого соблюдения буквы уголовного закона, никак нельзя поставить в сравнение с тем беспорядком, который происходит от интерпретации. Минутное неудобство, происшедшее от первого, вызывает, разумеется, необходимую и весьма легко исполнимую поправку в тексте закона, который был причиной ошибки; но затем строгое соблюдение буквы закона устраняет роковой произвол умышленности, порождающего необузданные и продажные толкования»¹⁷.

Монтескье считает, что «в государствах деспотических нет закона: там сам судья закон. В государствах монархических — есть законы и если они ясны, то судья руководится ими; а если нет, то он старается угадать дух их. Природа республиканского правления требует, чтобы судья не отступал от буквы закона. Там нельзя истолковать закон во вред гражданину, когда дело идет о его имуществе, его чести или его жизни»¹⁸.

Таким образом, эта группа теоретиков идущей к власти буржуазии резко выступает против применения аналогии и даже против применения толкования закона вообще.

Что касается законодательства, то целый ряд актов, относящихся не только к XVIII и XIX векам, но даже более ранним, устанавливает ограничения в области толкования закона, а тем более в области применения аналогии. Мы находим, например, хотя это и не совсем точная аналогия, соответствующие указания в Великой хартии вольностей 1213 г., где в ст. 39 мы читаем:

«Ни один свободный человек не будет арестован, или заключен в тюрьму, или лишен владения, или объявлен стоящим вне закона, или каким-либо способом обездолен, и мы не пойдем на него и не пошлем на него иначе как по законному приговору равных его (шэров) и по закону страны».

Это — наиболее древнее из известных нам законодательных выражений запрещения аналогии. Далее следует «Декларация прав человека

и гражданина», где в арт. 8 мы находим положение, что:

«Закон должен устанавливать только строго и снисходительно необходимые наказания, никто не может быть наказан иначе, как в силу закона, изданного и обнародованного до совершения проступка и законным образом примененного».

Ст. 12 конституции 1793 г. гласит: «Закон должен определять наказания только в силу строгой необходимости и сообразно преступлениям».

А по ст. 14 той же конституции 1793 г. «никакой закон, ни уголовный, ни гражданский не может иметь обратной силы».

Эти положения в дальнейшем проникают почти во все буржуазные уголовные законодательства. Так, *Code pénal* 1810 г. устанавливает: «Никакое нарушение, проступок или преступление не могут быть обложены наказаниями, которые не были определены за них законом прежде, нежели они были содеяны» (§ 4).

Германское уголовное уложение 1871 г. устанавливает: «Дейние может быть обложено каким-либо наказанием в том случае, если такое было установлено законом, изданным прежде, нежели оно было совершено» (ст. 2).

Эти положения мы находим в теоретических работах и в законодательствах более позднего периода (вторая половина XIX в.). Таких же взглядов на аналогию придерживаются Бернер, Лист, Орталон и др.

В теории дореволюционного русского права как в области государственного права, так и в области уголовного права у ряда буржуазных теоретиков мы находим резкие и твердые высказывания против применения аналогии. Таганцев, например, пишет:

«1) Предоставление суду права облагать наказанием деяние, прямо в законах не предусмотренные, заключает в себе полное смещение деятельности судебной и законодательной: если даже положения обычного права, выработанного вековой народной жизнью, не признаются ныне непосредственным источником, на котором бы мог судья основывать свой приговор, то можно ли признать таковым личное усмотрение судьи; 2) предоставление суду такого права не только приравнивает судью к законодателю, но ставит его выше последнего, дает ему над ним право контроля: в самом деле, может ли судья, пополняющий такой пробел, сказать, почему оказался пробел в законе, по оплошности, или недосмотру, или же сознательно, по воле законодателя; следовательно, пополняя пробел, сознательно сделанный законодателем, судья становится над ним, исправляя его ошибки; 3) признавая такое право суда, мы наносим страшный удар гражданской свободе и спокойствию каждого: если мы допускаем возможность, чтобы даже новый закон мог признавать деяние, не почитавшееся прежде преступным — таковым, то каким образом можно предоставить такое право судьям, от коих не всегда требуется даже юридическое образование; разве не можем мы представить себе, положим, усердного не по разуму единоличного судью, который будет облагать уголовным наказанием несоблюдение постов, надевание касок, игру на гармонике и т. п.; 4) предоставление такого права суду вовсе не требуется интересами общественного порядка и безопасности, так как законодатель, при первом указании практики на

¹⁷ Беккариа, О преступлении и наказании, пер. Соболева, 1878 г., § 4, стр. 31—33.

¹⁸ Монтескье, Дух законов, изд. Пантелеева, СПб., 1900 г., стр. 81. Высказав эту мысль, Монтескье ссылается на приведенную выше цитату из Беккариа.

подобный недостаток, всегда может пополнить допущенный пробел...»¹⁹

Таким образом, Таганцев высказывался против применения аналогии. Той же точки зрения придерживался Кистяковский, который писал:

«Судья пользуется правом толковать уголовный закон по его логическому смыслу, не выходя однако же из пределов смысла, содержащегося в букве самого закона, согласованного со смыслом и духом как частей, так и целого кодекса»²⁰.

К мнению Кистяковского и Таганцева присоединялось большинство других авторов.

В уголовном законодательстве царской России мы находим впервые принципиальное отрицание аналогии в «Манифесте об утверждении в сенате департаментов» при Екатерине II (15 декабря 1763 г.). Здесь содержится целый ряд положений, которые запрещают применение аналогии. Наконец, в Наказе комиссии о сочинении проекта нового уложения (1770 г.) Екатерина II пишет:

«Власть судебная состоит в одном исполнении законов, и то для того, чтобы сомнения не было о свободе и безопасности граждан» (гл. IX, ст. 98). «Судьи, усилие о преступлениях потому только, что они не законодатель, не могут иметь права толковать законы о наказаниях (гл. X, ст. 151). «Нет ничего опаснее, как общее сие изречение: надлежит в рассуждении брать смысл или разум закона, а не слова. Сие ничто иное значит, как сломить преграду, противящуюся стремительному людских мнений течению. Мы бы увидели судьбу гражданина применяемую переносом дела его из одного правительства в другое и жизнь его и волю, на удачу зависящую от ложного какого рассуждения или от дурного расположения его судьи. Мы бы увидели те же преступления, наказуемые различно в разные времена тем же правительством, если захотят слушаться не гласа неперемняемого законов неподвижных, но обманчивого непостоянства самопроизвольных толкований (глава X, ст. 153).

Ту же мысль развивает екатерининский «Манифест об учреждении в сенате департаментов».

«Каждый Департамент имеет принадлежность ему по расписанию дела решить... на точном разуме законов»... (пункт 4). «Если же по какому делу точного закона не будет, в таком случае должен генерал-прокурор все дело с сенаторскими мнениями и с своим рассуждением представить к нам на рассмотрение...» (пункт 5) (П. С. З., № 11989). Именной указ Екатерины II от 9 сентября 1765 г. «О докладывании сенату и ей императорскому величеству, если усмотрят коллеги в двух равных делах разные решения «где предписывается». Если которая коллегия усмотрит в двух равных делах разные сената решения, то, не чиня исполнения, докладываться о сей разности сенату и ей императорскому величеству, а Сенат имеет оныя дела, с объяснением своих решений, к ей императорскому величеству вносить...» (П. С. З., № 12469). В Учреждении для управления губерний всероссийской империи 7 ноября 1775 г. (П. С. З., № 14392), часть первая, ст. 124, сказано: «Палаты

да не решат иначе, как в силу государственных узаконений». Ст. 184 того же учреждения гласит: «Понеже всякое решение дела не иначе да учинится, как точно в силу узаконений и по словам закона...», а ст. 406, п. 9: «Судебные же места решат все дела по точной силе и словам закона, несмотря ни на чьи требования или предложения». Наконец, именным указом от 7 апреля 1788 г., данным генерал-прокурору, Екатерина Великая прямо повелевает: «Сенатской канцелярии твердо и точно держаться законами предписанного обряда при докладе присутствующим о делах; присутствующим же, выслушивая справки и выписи, основывать свои определения везде и во всех делах на изданных законах и предписанных правилах, не пренебрегая единой литеры не доложась нам, и в случае недостатка в узаконениях, по зрелому уважению государственной пользы, доносить нашему императорскому величеству».

Принципиальное отрицание аналогии содержит в себе Свод законов. «Законы должны быть исполняемы по точному и буквальному смыслу оных, без всякого изменения или распространения. Все без изъятия места, не исключая и высших правительств, во всяком случае должны утверждать определения свои на точных словах закона, не перемня в них, без доклада императорскому величеству, ни единой буквы и не допуская обманчивого непостоянства самопроизвольных толкований. Но, если бы где-либо, по различию буквального смысла узаконений, встретилось затруднение в избрании и приложении закона к рассматриваемому делу: в таком случае, по невозможности согласить буквальный смысл одного закона с таковым же другого, самая необходимость предписывает, особенно в высших местах, следовать общему духу законодательства и держаться смысла, наиболее оному соответствующего»²¹.

Наконец, в Уголовном уложении 1903 г., которое полностью до революции не действовало, находится следующее положение: «Преступлением признается деяние, воспрещенное во время его учинения законом под страхом наказания» (ст. 1).

Нужно указать на то, что для русской буржуазии отрицание аналогии, борьба против аналогии была средством борьбы против тех сторон деятельности царского суда, которые были против нее направлены, и являлась одним из основных требований либеральных групп в области уголовного права. Поскольку русская буржуазия никогда полностью не обладала властью, в том числе и судебной, вплоть до февраля 1917 г., постольку применение аналогии судами иногда противоречило интересам буржуазии. Почти все буржуазные авторы России высказываются против применения аналогии.

Однако ни законодательство, ни практика, ни теория капиталистических государств никогда полностью аналогии не отрицали. Пропагандировавшаяся и распространявшаяся долгое время у нас точка зрения, что аналогия совершенно не свойственна уголовному праву, что аналогия в буржуазном праве совершенно не имеет места, является совершенно неправильной и абсолютно

¹⁹ Таганцев, Русское уголовное право, лекции, СПб., 1902 г., т. I, стр. 189.

²⁰ Кистяковский, Элем. учебн. уголовн. права, общ. отд. 1, гл. III, стр. 234.

²¹ Ст. 65 Законов основных (т. I, ч. 1, изд. 1837 г.).

не выдерживает никакой критики²². Самое даже поверхностное знакомство с конкретными материалами показывает, что аналогия и даже непосредственные законы о применении аналогии имели и имеют место в буржуазных государствах и что вообще возражения против аналогии в теории вовсе не являются в буржуазном уголовном праве абсолютными. Напротив, большая группа авторов является сторонницей аналогии и притом очень часто безграничной аналогии.

Во Франции в период, когда издается конституция 1793 г., когда издается «Декларация прав человека и гражданина», Конвент 10 июня 1793 г. издает закон о преступлениях, непредвиденных в законе. Этот закон Конвента гласит следующее:

«Тот, кто будет изобличен в тяжком или менее тяжком преступлении, которое не предусмотрено ни уголовным кодексом, ни последующими законами, и наказуемость которого не определена в законе, чьи антиобщественность и пребывание на территории республики были бы предметом смущения и волнения, тот приговаривается к ссылке».

Таким образом, законодательство Конвента непосредственно предусматривает возможность применения аналогии.

Переходя от Конвента к современности, можно указать на то, что датский уголовный кодекс, этот один из сравнительно молодых кодексов, в первой статье устанавливает, что «наказуемы деяния, за которые в законе установлено наказание или которые полностью совпадают с подобными деяниями». Таким образом датский уголовный кодекс предоставляет возможность устанавливать наказание по аналогии.

Ст. 151 русского Уголовного уложения устанавливала следующее: «Если в законе за подлежащее рассмотрению суда преступное деяние нет определенного наказания, то суд приговаривает виновного к одному из наказаний, предназначенных за преступления, по важности и роду своему, наиболее с оным сходные».

Находим мы возможность применения аналогии и в Уставе уголовного судопроизводства. «Все судебные постановления обязаны решать дела по точному разуму существующих законов, а в случае неполноты, неясности или противоречия законов, коими судимое деяние воспрещается под страхом наказания, должны основывать решения на общем смысле законов» (ст. 12).

«Воспрещается останавливать решение дела под предлогом неполноты, неясности или противоречия законов. За нарушение сего правила виновные подвергаются ответственности как за противозаконное бездействие власти» (ст. 13).

Таким образом, и в законодательстве отдельных капиталистических стран, и в законодательстве царской России мы находим такое положение вещей, когда аналогия могла применяться.

²² Так, Пионтковский писал: «Наш уголовный кодекс, в отличие от буржуазных уголовных кодексов, допускает толкование по аналогии и диспозитивных частей уголовных законов (аналогия преступления)». Уголовное право РСФСР, ч. общая, стр. 215. Трайнин писал: «Таким образом иностранному законодательству чуждо применение уголовных законов по аналогии. Иным путем идет советское законодательство». Уголовное право, часть общая, стр. 98, 1929 г.

Особенно широко, однако, аналогия применяется в практике суда капиталистических стран и применялась в практике царского суда. Так, сенат решением 1862 г. постановил:

«Если действие обвиняемого, составляющее несомненное преступление, прямо не предусмотрено законом, то можно указать, по аналогии наиболее подходящий к данному случаю закон».

А в решении по другому делу говорится: «Наше уголовное законодательство подвергает уголовной ответственности даже и за такие деяния, которые не определены с точностью в уголовном законе, если только они имеют преступный характер, а затем и судебное преследование таких деяний не только дозволено, но и составляет обязанность обвинительной власти».

Таким образом, практика сената, руководящего органа суда старой царской России, не только допускала, но и требовала от судебных органов применения аналогии.

Среди буржуазных теоретиков мы находим целый ряд авторов, которые высказываются за применение аналогии, выставляя различные мотивы. Среди них можно назвать Иеринга, Виндинга, Кони, которые выступали за применение аналогии.

Иеринг писал: «Вполне допустимо, что подробный, объемистый каталог преступлений, составленный законодательством на основании долговременного опыта, окажется в отдельном случае неполным. С развитием цивилизации нарождаются новые преступления, не предусмотренные уголовным кодексом. Как поступить в таком случае? Должно ли правосудие — в виду злодея, угрожающего обществу опасностью, превышающую опасность всех других преступлений... признать себя обезоруженным, бессильным только потому, что писанный закон не дает ему возможности подвергнуть такого злодея соответственному его вине наказанию. Юристы отвечают: да. Для них девизом служит правило «нет наказания без закона» (*nulla poena sine lege*). Непредубежденное правосознание народа требует и в этом случае наказания, и я, с своей стороны, присоединяюсь вполне к этому требованию. Вышеприведенное правило, присваивающее себе характер абсолютного требования справедливости, в действительности имеет лишь условное значение гарантии против произвола, и такая задача ее разрешается им.

Но высшая цель права заключается не в исключении возможности формального произвола, а в осуществлении материальной справедливости, и поскольку это правило противоречит такому осуществлению, оно не имеет надлежащего основания»²³.

Виндинг указывал на то, что уголовный закон не создает новой нормы, что норма существует до издания закона; закон только берет под охрану норму; и таким образом могут быть нарушены нормы неписанного права²⁴.

Кони в своем известном выступлении по таганрогскому делу говорит следующее: «Современная жизнь представляет столько особенностей и новых, подчас безотрадных, явлений, что закон всегда будет отставать от «последнего слова» в проявлениях преступной воли. На наших глазах родился и возрос шантаж, неведо-

²³ Цель в праве, русск. перевод, т. I, СПб, 1881, стр. 311-312.

²⁴ Binding, Handbuch, I, 28.

мый прежде, как определенное преступление, наша уголовная хроника содержит такие изощрения разврата по отношению к малолетним, которые не были предусмотрены нашим Уложением. Значит ли это, что бесовский развратитель детей или шантажист, устанавливающий новый современный вид рабства для своей жертвы, должны оставаться безнаказанными? Конечно, нет. И в Уложении найдется и находится закон, который по своим основаниям, по своей цели, по общим свойствам описываемого в нем преступного деяния — одним словом, по своему разуму — обнимает собой еще прямо не закладываемые, но несомненно преступные действия»²⁵.

Таким образом, Кони, который являлся одним из самых авторитетных судебных работников царской России, высказался за применение аналогии.

Находим мы в буржуазной теории уголовного права и авторов, которые высказываются за чрезвычайно широкое применение аналогии. Так например, Дорадо, Чубинский высказываются за безграничное применение аналогии, а так называемая «школа свободного права» конца XIX века высказывается за право судьи восполнять пробелы законодательства не только путем аналогии, а так же свободно, как это сделал бы законодатель. К этой школе принадлежат Кантаревиц, Эрлих, Жени и др.

Наиболее горячих сторонников аналогии в буржуазном законодательстве и «теории» мы находим в фашистском лагере.

Реакционные группы буржуазии, в частности германской, широко пропагандировали применение аналогии в буржуазном уголовном праве и ранее. Так например, Миттельштедт, на которого так часто ссылаются фашистские авторы, зовущие «назад к Миттельштедту», и который являлся одним из наиболее реакционных германских криминалистов, писал в 70-х годах прошлого столетия следующее:

«Так как со злодеев социал-демократов снята теперь смиренная рубашка (Zwangsjacke) драконовских исключительных законов, то действующее право должно притти на помощь для желательного обуздания их. Но так как наше уголовное уложение не приурочено специально к тому, чтобы сложить оружие против социал-демократии, то нужно превратить его в это оружие путем тонкого и изысканного толкования действующих норм, то распространения значения этих норм, то ограничивая их. Пока мы, защитники существующего строя, еще имеем в своих руках судебную власть, мы должны постараться, прежде чем всхлынет социальная революция, использовать эту власть в борьбе с нашим смертельным врагом. Так думают и чувствуют самые сознательные и честные умы среди немецкого судебного сословия, и за ними волей-неволей следуют и все остальные».

Таким образом, Миттельштедт еще задолго до прихода к власти фашистов пропагандировал ту идею, которую сейчас широко приняло германское законодательство и которую в последние годы проводил в Германии Фрайслер.

Фрайслер писал, что «исходя из правосознания народа, нужно допустить и аналогию. Аналогия допустима в тех случаях, когда совершаются вредные действия, не предусмотренные зако-

ном», и предлагал включить в законодательство следующую статью:

«Кто заслужил наказание, должен быть наказан. Вопрос о том, заслуживает ли поведение лица, стоящего перед судом, наказания, зависит от того, насколько воля данного лица внешним образом находилась в противоречии с тем, что народ требует от каждого порядочного сына отечества».

Таким образом, германские фашисты в области уголовного законодательства с приходом к власти сразу же выдвинули программу применения аналогии. Через некоторый промежуток времени, 26 июня 1935 г. была издана новелла в отношении Strafgesetzbuch и Strafprozess, новелла, которая устанавливала введение применения аналогии. В StPo были введены новые §§ 267a и 170a, гласившие, что:

«Если в результате судебного следствия выявится, что обвиняемый совершил действие, которое здоровое народное воззрение считает заслуживающим наказания, но которое законом не предусмотрено в качестве наказуемого, то суд обязан поставить вопрос, не охватывается ли это действие основной идеей какого-либо уголовного закона и нельзя ли путем соответствующего применения этого закона содействовать торжеству справедливости» (§ 267¹).

§ 170 устанавливает то же самое положение в отношении органов следствия.

«Если какое-либо действие, которое здоровым народным воззрением считается заслуживающим наказания, не предусмотрено законом в качестве наказуемого, то государственная прокуратура обязана поставить вопрос, не охватывается ли это действие основной идеей какого-либо уголовного закона и нельзя ли путем соответствующего применения этого закона содействовать торжеству справедливости».

Затем в Strafgesetzbuch введен § 2 (закон об изменении уголовного кодекса, 28 июня 1935 г.), первая статья которого гласит: «Правотворчество путем соответствующего применения уголовных законов» § 2 «Подвергается наказанию тот, кто совершил деяние, признаваемое законом наказуемым или заслуживающим наказания согласно основной идее какого-нибудь уголовного закона и здравому чувству народа. Если к деянию не применим непосредственно какой-нибудь уголовный закон, то деяние карается на основании того закона, основная идея которого наиболее применима к деянию».

Таким образом, фашистское уголовное законодательство в Германии встало на точку зрения широкого применения аналогии и притом аналогии по «духу закона», в соответствии с «здоровым чувством народа».

Это широкое применение аналогии в законодательстве фашистских государств является проявлением абсолютного беззакония, является выражением общей тенденции уголовного законодательства фашизма. Тов. Димитров на VII конгрессе Коминтерна говорил:

«Самая реакционная разновидность фашизма — это фашизм германского типа. Он нагло именует себя национал-социализмом, не имея ничего общего с социализмом. Титлеровский фашизм — это не только буржуазный национализм. Это звериный шовинизм. Это правительственная система политического бандитизма, система провокаций и пыток в отношении рабочего класса и революционных элементов крестьянства, мел-

²⁵ Кони, Судебные речи, изд. II, стр. 620 (Дело о злоупотреблениях в тагаирогской таможне).

кой буржуазии и интеллигенции. Это средневековое варварство и зверство. Это необузданная агрессия в отношении других народов и стран».

Наконец, именно к широкому применению аналогии в фашистском уголовном законодательстве относится положение т. Димитрова, высказанное в ответе господину Риббентропу. Димитров здесь пишет, что «Фашизм является отрицанием какого бы то ни было правового порядка. Фашизм — это по-существу произвол»²⁶. Аналогия выявляется в фашистском уголовном законодательстве одним из методов фактического аннулирования всякого права в фашистском государстве.

Таким образом, нельзя утверждать, что буржуазное уголовное право вообще принципиально якобы всегда против применения аналогии. Напротив, мы отмечаем, что если с одной стороны имелись и имеются тенденции отрицания аналогии, запрещения аналогии, то, с другой стороны, целый ряд авторов и целый ряд законов, практическая деятельность суда и уголовного законодательства в буржуазных государствах решают вопрос в другом направлении, допуская аналогию, идя в этом направлении иногда настолько далеко, что рекомендуют и допускают, чтобы судья имел такие же законодательные функции, как и сам законодатель.

В нашем уголовном законодательстве, как известно, статья об аналогии впервые появилась в УК 1922 г. (ст. 16). Затем положение об аналогии мы находим в «Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик», где устанавливается:

«Судебные органы не вправе отказывать в принятии к своему производству или прекратить уголовное преследование в отношении общественно-опасного деяния на том основании, что в уголовном законе не указано признаков этого деяния, а также под предлогом неполноты, неясности или противоречия законов» (ст. 5). И, наконец, в действующем УК РСФСР устанавливается:

«Если то или иное общественно-опасное действие прямо не предусмотрено настоящим кодексом, то основание и пределы ответственности за него определяются применительно к тем статьям кодекса, которые предусматривают наиболее сходные по роду преступления» (ст. 16).

Большинство советских авторов, которым приходилось заниматься вопросом аналогии, объясняли необходимость ее применения тем, что законодатель в уголовном кодексе не может и не охватывает всех преступлений. Так например, Курский говоря следующее (Бюллетень III сессии ВЦИК 9-го созыва):

«Ни один уголовный кодекс не в состоянии охватить всего многообразия преступных деяний, которые фактически в жизни имеются, и если мы хотим действительно создать кодекс, который будет бороться с опасными для строя явлениями, мы должны иметь статьи, которые дают возможность судье действовать по аналогии»²⁷.

И т. Вышинский в 1937 г. подтверждает, что «на применение аналогии нас толкает, если

можно так выразиться, нужда, объясняющаяся тем, что нельзя создать такого уголовного кодекса, в котором были бы предусмотрены все случаи возможных преступлений»²⁸.

Вредительская контрреволюционная группка Пашуканиса, Крыленко и других протаскивала в «теории» и практике вредительскую «теорию», что аналогия является заменой закона, что аналогия должна применяться вместо закона. Эта «точка зрения» имела непосредственную и прямую задачу — создания такого положения вещей, когда советский закон был бы дискредитирован, когда было бы подорвано доверие к нему и когда в советском суде вместо революционной социалистической законности господствовало бы усмотрение каждого отдельного судебного работника, что с неизбежностью должно было породить прорывы в революционной законности. Широкое, безграничное применение аналогии в практической деятельности должно было бы принести явно вредительские результаты. Свое наиболее «полное завершение» эти вредительские «теоретические» нашли в проекте уголовного кодекса 1930 г., где устанавливались следующие положения.

«Проект нового УК резко отличается от всех существующих уголовных кодексов и по своему методологическому построению с отказом от традиционного буржуазного деления УК на общую и особенную части. В новом проекте УК нет не только особенной части УК, в нем нет и так называемой общей части, в которой обычно в наиболее абстрактных и сложных юридических формулах всячески затемняется и затушевывается все конкретное, имеющее как раз перво-степенное значение».

«Это построение уголовного кодекса, являясь исключительным новшеством, позволяет нам называть его «кодексом без особенной части» и без дозировки, и именно в этом мы усматриваем одну из его основных положительных черт».

В отношении аналогии проект устанавливал следующее положение в ст. 7:

«Исходя из того, что реальная опасность совершенного действия является первым и основным моментом, определяющим необходимость применения мер уголовной репрессии, Уголовный кодекс РСФСР устанавливает лишь примерный перечень особо опасных действий, а также примерный перечень менее опасных действий. В связи с выявлением новых форм классовой борьбы и появлением на этой почве новых видов преступлений, суд может признать общественно-опасным действие, прямо не предусмотренное перечнем преступлений. В этих случаях суд обязан определить, к какой группе преступлений должно быть отнесено данное действие, и соответственно применить меры или классовой подавления, или принудительно-воспитательного воздействия».

Таким образом, получился бы кодекс без особенной части, с примерным перечнем преступлений как особо опасных, так и менее опасных, без твердого обязательного состава преступления. Все это в переводе на практический язык означало, что закона нет, что закон уничтожен. Аналогия является безграничной. А что понимать под преступлением и какое применять наказание — всецело зависело бы от судьи.

²⁶ Димитров, Ответ господину Риббентропу, «Правда», 8 января 1936 г. № 8 (6614).

²⁷ Бюллетень № 4, стр. 75.

²⁸ Вышинский, К положению на фронте правовой теории, 1937 г., стр. 32.

В основу разрешения вопроса об аналогии сейчас должны быть положены принципы Сталинской Конституции, причем к данному вопросу непосредственно относятся ряд статей Конституции — ст. 32, устанавливающая, что «законодательная власть СССР осуществляется исключительно Верховным Советом СССР», и ст. 49, гласящая, что «Президиум Верховного Совета дает толкование действующих законов СССР». Значит, законы может издавать только Верховный Совет СССР, а толковать их может только Президиум Верховного Совета. Отсюда естественно нужно сделать вывод и в отношении аналогии, тем более, что вопрос об аналогии непосредственно связан с вопросом о стабильности закона.

Товарищ Сталин в докладе на Чрезвычайном VIII всесоюзном съезде говорил:

«Надо, наконец, покончить с тем положением, когда законодательствует не один какой-нибудь орган, а целый ряд органов. Такое положение противоречит принципу стабильности законов. А стабильность законов нам нужна теперь более, чем когда бы то ни было»²⁹.

Кто же имеет право устанавливать новые составы преступлений? Верховный суд, Прокуратура или Верховный Совет СССР? Разумеется, что Верховный суд не имеет права рассматривать аналогию как способ для создания нового состава преступления в «судебном» порядке. Очевидно, такая практика неправомерна. Суд не может циркулярами, распоряжениями и постановлениями, базирующимися на аналогии, создавать новые составы преступлений не только вопреки воле законодателя, но и в дополнение к ней. Ст. 112 Конституции устанавливает, что «суды независимы и подчиняются только закону», но никакие решения Верховного суда законы не заменяют и не могут заменить, а значит и новых обязательных составов преступлений создавать не могут и не должны.

Аналогия должна применяться судами только по отдельным конкретным делам, не создавая прецедента и не создавая таким образом нового состава преступлений.

Высшие судебные органы, выявившие на основе судебной практики, в частности в результате анализа применения судами первой инстанции аналогии, необходимость создания новой нормы или усиления ответственности за какое-нибудь преступление, должны делать это не сами, а через соответствующие законодательные органы.

Для дальнейшего рассмотрения вопроса мы считаем раньше всего необходимым установить положение, что без аналогии наше уголовное законодательство и наша практика обойтись не могут, что аналогия является обязательным и необходимым элементом советского уголовного права. Тов. Вышинский пишет по этому вопросу следующее:

«Без аналогии мы строить нашу судебную практику не можем»³⁰.

«Аналогия необходима и неизбежна»³¹.

Аналогия должна применяться в соответствии с законом. Тов. Вышинский пишет:

«Мы должны применять аналогию в рамках наших законов, на основе наших законов, применительно к нашим законам, а не «без законов»³².

Это означает, что при каждой квалификации преступлений по аналогии можно допускать ее применение только тогда, когда в Уголовном кодексе имеется статья, которая предусматривает преступление, близкое к совершенному преступлению. Между тем, вредители в практике и теории уголовного права предлагали поступать вопреки закону: например, Крыленко предлагал применять аналогию без законов, на основе революционной законности, а Эстрин писал, что основным недостатком действующего уголовного права в вопросе об аналогии является необходимость подыскивания подходящих статей.

Мы должны установить, что применение аналогии может иметь место только тогда, если законодатель, хотя прямо и не предусмотрел данное преступление, однако, предусмотрел близкое к нему преступление. В этом случае аналогию можно применять. Поэтому совершенно ясным является положение о том, что недопустимо путем аналогии создание новых составов преступлений. Аналогия может применяться только по закону, но сама аналогия нового общеобязательного состава преступления создавать не может и не должна.

Для применения аналогии ранее всего требуется, чтобы действие, за которое суд хочет применить меру наказания, было преступлением в материальном понимании этого слова в советском уголовном праве. Еще в 1925 г. в разъяснении Пленума Верховного Суда было указано, что «ст. 10 (16) может применяться судом лишь при совершении деяния, признаваемого судом социально-опасным»³³.

Это же положение подтверждает уголовно-судебная коллегия В. С. СССР в 1937 г., устанавливая, что «суды часто забывают, что для применения уголовного закона по аналогии необходимо два условия: 1) чтобы действие, которое квалифицируется по аналогии, было признано общественно-опасным...»³⁴.

Одной из основных ошибок судебной практики является применение аналогии к действиям, которые вообще не являются преступлениями.

Вторым обязательным требованием для применения аналогии является требование, чтобы преступление, по отношению к которому суд хочет применить аналогию, не было прямо предусмотрено в Уголовном кодексе. Суды не имеют права аналогией заменять имеющиеся и действующие статьи уголовного закона, прямо предусматривающие совершенное преступление.

Аналогия не может ни в коем случае применяться тогда, когда имеется прямо предусматривающая данное преступление статья Уголовного кодекса. Аналогия применима только в том случае, если прямо предусматривающей данное пре-

²⁹ Сталин, Доклад на Чрезвычайном VIII всесоюзном съезде советов, Партиздат, 1936 г., стр. 41.

³⁰ Вышинский, К положению на фронте правовой теории, стр. 25.

³¹ Там же, стр. 32

³² Там же, стр. 31.

³³ Разъяснен. пленума В. С. от 23 февраля 1925 г., пр. № 3 и 5.

³⁴ См. С. Ю., 1937 г., № 16, решение по делу Батманова.

ступление статьи 7 законодательстве нет. Это подтверждается как разъяснением Верховного суда от 23 февраля 1925 г., так и решением УК ВС СССР 1937 г., где указывается, что для того, чтобы применить уголовный закон по аналогии, необходимо, чтобы оно (действие) не было прямо предусмотрено в Уголовном кодексе».

Между тем, это положение не только часто нарушается низовыми судебными органами, но и в ряде постановлений ВС РСФСР имеется предложение применять аналогию в случаях, когда действие прямо предусмотрено статьями УК и применение аналогии является явно неправильным. Так, Президиум Верховного Суда РСФСР постановляет, что: 1) «Суды должны также усилить репрессию против хулиганства, применяя к злостным хулиганам лишение свободы. Как бандиты, должны караться те особо опасные хулиганы, которые совершают хотя бы одиночные нападения, но связанные с убийством или вооруженным сопротивлением органам власти (насилие, ранение и т. п.) с квалификацией этих преступлений по ст. ст. 16 и 59³ УК» (постановление Президиума Верховного суда РСФСР 17 марта 1935 г., пр. № 14).

2) Кражи личного домашнего имущества у находящихся на полевых работах колхозников, совершаемые систематически организованными группами или классово-враждебными элементами, могут быть квалифицированы по аналогии со ст. 59³ со всеми вытекающими последствиями в отношении репрессии (постановление президиума В. С. РСФСР 3-4 августа 1933 г., пр. № 43).

3) «Грабеж, а тем более групповой с применением насилия должен квалифицироваться по ст. 59³ УК независимо от того, были ли обвиняемые вооружены или нет (постановление президиума В. С. РСФСР 13-14 февраля 1936 г., пр. № 8).

Наличие в Уголовном кодексе специальных статей об убийстве (136), сопротивлении власти, в том числе и сопряженном с насилием (ст. 73), о краже (ст. 162), о грабеже (ст. 165), лишает применение в перечисленных выше случаях аналогии какого бы то ни было основания. Усиление репрессии за эти преступления, чего, очевидно, добивается В. С. РСФСР, должно было и могло быть частично достигнуто в рамках прежней квалификации, а при необходимости усиления репрессии за рамки санкции статьи должно быть проведено в законодательном порядке, а не решением судебных органов.

Должно быть совершенно четко установлено, что нельзя аналогией изменять закон вопреки прямо выраженной воле законодателя.

Тогда, когда законодатель устанавливает наказуемость какого-либо деяния лишь при наличии каких-либо ограничительных условий, судебные органы не имеют права вопреки его воле расширять наказуемость на случаи, не содержащие этих ограничительных условий.

Еще в 1926 г. Верховный суд РСФСР по делу Лысова постановил: «ст. УК, предусматривающая лишь умышленное совершение какого-либо деяния, не может быть применена через 10 (16) ст. УК к случаям неосторожного совершения того же деяния»³⁵.

Однако в 1934 г. Верховный суд РСФСР сам нарушает это с нашей точки зрения совершенно правильное положение, он постановляет: «Неосторожное обращение с огнем, повлекшее за собой уничтожение колхозного имущества, является действием социально-опасным, подлежащим квалификации по ст. 16 и 79 УК». Между тем, ст. 79, как известно, предусматривает только «умышленное истребление или повреждение имущества...» и на неосторожные поступки никак распространяться не может. Недопустимым является также расширение судами ответственности путем включения аналогией дополнительных объектов вопреки прямому указанию законодателя не ограничивать объект данной статьи. Так, постановлением 50 пленума Верховного суда СССР устанавливается, что «кражу молодняка крупного рогатого и мелкого скота, принадлежащего колхозникам и трудящимся единоличникам, надлежит квалифицировать по ст. ст. 16 и 166 УК». Между тем, ст. 166 имеет ограниченный объект: «лошадей или другой крупный скот»³⁶.

Такие случаи означают фактически создание новых составов или усиление репрессии за действие УК предусмотренное, но с более мягкой репрессией.

Проект уголовного кодекса, сохраняя в тексте своем статью об аналогии, устанавливает при определении преступления следующее положение:

«Преступным признается предусмотренное настоящим кодексом действие или бездействие, направленное против социалистического государства, препятствующее социалистическому строительству, дезорганизующее социалистический правопорядок или нарушающее неприкосновенность личности или права граждан».

Таким образом, в проекте уголовного кодекса (ст. 5) вводится в текст слова «предусмотренное настоящим кодексом», однако эти слова ни в какой мере не означают исключения аналогии из кодекса, но они означают, что аналогия применима только в рамках уголовного кодекса, в соответствии с теми твердыми составами преступлений, которые даются в особенной части кодекса.

Задача укрепления стабильности закона на базе Сталинской Конституции, задача такого разрешения вопросов уголовного права, которая создала бы возможность для судебных органов работать строго в соответствии с теми составами преступлений и наказаний, которые предусмотрены уголовным законом, — вот те задачи, на основе решения которых мы должны решать вопрос об аналогии. Считая аналогией абсолютно необходимой, мы ни в коем случае не можем ее исключить из уголовного кодекса, потому что она является полезным орудием борьбы, является необходимым элементом уголовного права, без которого мы обойтись не можем. В то же время, применяя аналогию, суд должен действовать по закону, в соответствии с законом, обязательным для всех, в том числе и для судебных органов.

³⁵ В. С. РСФСР 2961 26 г., Лысов, Сбор. 26 г., ч. II, стр. 4.

³⁶ Постановление 50 пленума В. С. СССР 1935 г. (см. УК в издании 1937 г., стр. 193).

К вопросу о принципах действия советского социалистического уголовного закона в пространстве

Борьба с контрреволюционным вредительством «школки» Пашуканиса потребовала коренного пересмотра программ курса уголовного права, читаемого в юридических вузах и школах. Изданная в 1937 г. новая программа курса общей части для юридических институтов очистила курс уголовного права от влияния контрреволюционной «школки» Пашуканиса и пересмотрела его структуру с целью отвести должное место всестороннему изучению советского социалистического уголовного закона (темы XIV—XVII) и марксистскому учению о преступлении и уголовной ответственности (темы XVIII—XXIII). Однако в программе имеются недочеты, выявление, обсуждение и исправление которых совершенно необходимо.

Язык учебной программы, ее формулировки, должны быть предельно ясны и точны. Тут дело не в красотах стиля, а в том, что неполные, неясные или путанные формулировки влекут за собой путаницу в проработке материала, а иногда и просто неправильный подход к нему. Даже при беглом просмотре программы курса уголовного права невольно привлекает к себе внимание ряд подобных дефектов. Прежде чем остановиться в этой связи на вопросе, которому посвящена статья, мы приведем несколько других примеров. В теме IV авторы почему-то отнесли уголовное законодательство Парижской коммуны в раздел, трактующий о классической школе уголовного права. В теме VII подробно указываются уголовно-правовые законодательные акты царской России до проектов включительно (например, проект Уголовного уложения 1812 г.), но не указан Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, 1864 г. В этой же теме (п. 7) допущена непростительно неряшливая формулировка «Уголовное уложение 1903 г. Классовое содержание». Очевидно, авторы желали сказать: «Уголовное уложение 1903 г. и его классовое содержание». Тема X в заголовке трактует не об уголовном праве, как другие темы, а об уголовной политике. Темы VIII—XI изложены чрезмерно лаконично и в противоположность темам XII и XIII не содержат указаний на ряд важнейших уголовно-правовых актов (например, постановление правительства от 26 марта 1928 г.). В теме XX, трактующей об объективных и субъективных признаках состава преступления, не упоминается ни о средствах и способах совершения преступления, ни о цели и мотивах преступной деятельности. Остается неясным, означает ли умолчание о цели и мотиве деятельности, что цель и мотив входят в умысел, или это означает, что они занимают свое особое место в субъективной стороне состава преступления или что они вообще не имеют отношения к субъективной стороне состава преступления. Подобная неясность программы ведет к тому, что эти вопросы и связь между ними выпадают из поля зрения студентов.¹

¹ О мотиве преступления программа говорит только в теме XXVI «Применение наказания».

Подобную же неясность имеет программа и в вопросе о принципах действия уголовного закона в пространстве. Тема XVI программы содержит следующие указания по этому вопросу. «2. Действие уголовного закона в пространстве. Принципы применения уголовных кодексов союзных республик² по преступлениям, совершенным: а) вне пределов СССР, б) в пределах другой союзной республики. Территориальный, национальный, реальный, космополитический принципы действия уголовного закона в буржуазном уголовном праве. Ответственность иностранцев по советскому уголовному праву...»

Как видим, программа четко и категорически приписывает территориальный и др. принципы буржуазному уголовному праву. В отношении же советского права программа говорит эзоповым языком и ограничивается лишь туманной ссылкой на некие принципы, содержания которых она не раскрывает, а дает классификацию преступлений по признаку их совершения («... а) вне пределов СССР, б) в пределах другой союзной республики»). Что преступления, по методическим соображениям, при изучении вопроса могут быть разбиты на рубрики, перечисленные в программе (с добавлением третьей, имеющей в виду действие уголовного закона в отношении преступлений, совершенных не в другой, а в данной союзной республике), возражать не приходится, однако, такая классификация оставляет открытым вопрос о принципах действия советского уголовного закона в пределах этих групп. Рассмотрим же, каковы принципы действия советского социалистического уголовного закона в пространстве.

Советская республика с первого дня своего существования безоговорочно проводила принцип безусловного действия на советской территории советских законов и никогда и ни при каких условиях не делала из этого территориального принципа исключений иных, кроме обычно принятых в международном праве (например, для дипломатических представителей)³. О значении этого момента для советского социалистического государства нет нужды распространяться. В прямом соответствии с этим принципом, общим для

что, конечно, недостаточно. В отношении литературы, указанной в курсе, имеются недопустимые опечатки: статья Ленина «О диктатуре пролетариата» указана в XV томе, тогда как она находится в XXV; журнал «Юридический вестник» со статьей Сергеевского датирован 1889 г., тогда как следовало бы указать 1879 г., и т. д.

² Программа не указывает в этом вопросе, что помимо республиканских уголовных кодексов имеется и общесоюзное уголовное законодательство.

³ См., например, заявление В. И. Ленина на заседании ВЦИК 15 июля 1918 г., в связи с требованием германского правительства о вводе в Москву батальона для охраны посольства после убийства Мирбаха (Ленин, т. XXIII, стр. 141 и сл.).

всего законодательства, уже «Руководящие начала по уголовному праву» в 1919 г. твердо заявляли, что «уголовное право РСФСР действует на всем пространстве Республики как в отношении ее граждан, так и иностранцев, совершивших на ее территории преступление...»⁴. Предшествующие первому Уголовному кодексу РСФСР (1922 г.) проекты УК — общесоюзного уголовного отдела НКЮ РСФСР (1920 г.) и Института советского права (1921 г.) в полной мере проводили тот же принцип, причем лишь последний, учитывая растущие международные связи советской республики, впервые ввел ограничение этого принципа в отношении иностранцев, пользующихся правом экстерриториальности. Само собою разумеется, что этому предшествовали дипломатические соглашения, заключающиеся на этот счет. Именно в таком виде, т. е. с ограничением в отношении лиц, пользующихся правом экстерриториальности, территориальный принцип действия уголовного закона вошел в УК 1922 г. (ст. 1) и затем в «Основные начала уголовного законодательства» 1924 г., ст. 1 которых гласит: «Все лица, находящиеся на территории Союза ССР, кроме пользующихся экстерриториальностью иностранных граждан, подлежат за совершенные ими на территории Союза ССР преступления ответственности по уголовным законам места совершения преступления»⁵.

Кодексы союзных республик воспроизводят территориальный принцип ответственности, изложенный в ст. 1 Основных начал (см. ст. 2, 3 и 4 УК РСФСР ред. 1926 г., ст. 2, 3 и 4-а Таджикской республики ред. 1935 г. и соответствующие статьи УК других союзных республик). Вполне понятно, что ныне разрабатываемый проект единого общесоюзного Уголовного кодекса должен полностью сохранить территориальный принцип действия советского уголовного законодательства, с той оговоркой, что вопрос об уголовной ответственности иностранцев, пользующихся правом экстерриториальности, решается дипломатическим путем. Иное решение вопроса о принципах действия уголовного закона в пределах СССР суверенное советское социалистическое государство допустить не может.

Таким образом, вопрос об ответственности за преступления, совершенные в пределах Советского Союза, «решается принципом территориальным, в силу которого действие уголовного закона соответствующей союзной республики распространяется на все преступления, совершенные на территории данной республики, а

действие общесоюзного уголовного законодательства — на территорию всего Советского Союза»⁶. Значение только что изложенного принципа огромно. Оно определяется самим фактом существования на одной шестой части земного шара социалистического государства, диктатуры рабочего класса, построенной среди капиталистического окружения социалистическое общество, оно вытекает из необходимости борьбы со всякими посягательствами на установленный внутри страны социалистический правопорядок, кем бы они ни были совершены.

Социалистическое уголовное право не знает, подобно буржуазному праву, действия уголовного закона по национальному принципу. СССР представляет собою построенный на полном равноправии братский союз всех населяющих его национальностей. Какое бы то ни было прямое или косвенное ограничение прав или, наоборот, установление прямых или косвенных преимуществ граждан в зависимости от их национальной принадлежности в СССР является уголовным преступлением (ст. 123 Конституции). Но советское уголовное право знает принцип ответственности в силу гражданства, и этот принцип заключается в том, что уголовный закон советского государства распространяется на действия граждан Советского Союза, где бы они за пределами его ни совершили действий, рассматриваемых как преступление по советскому закону.

УК 1922 г. в статье 2 объявил действие этого принципа в словах: «Действие сего кодекса распространяется на граждан РСФСР и в том случае, когда преступные деяния совершены ими за пределами республики». Основные начала (ст. 1), а вслед за ними и УК РСФСР 1926 г. (ст. 3) сохранили этот принцип. В части второй ст. 1 Основных начал говорится: «Граждане Союза ССР подлежат... ответственности за совершенные ими за границей преступления, в случае их задержания на территории Союза ССР, по законам места задержания или предания суду или следствию».

Таким образом, на действия гражданина Советского Союза, где бы они ни были совершены, распространяется действие советских уголовных законов. Лишь на втором плане стоит вопрос о том, как будет эта ответственность реализована (при добровольной явке или вследствие выдачи), и лишь в этот последний момент вступает в силу указание Основных начал об ответственности по Уголовному кодексу места задержания или предания суду или следствию. Последний момент вообще теряет свое значение со введением общесоюзного Уголовного кодекса.

Совершенно очевидно, что поскольку изложенные нами принципы не распространяют действие советского уголовного закона на иностранцев, совершивших преступления за границей, последние из них по советским законам не ответственны. Ясно, что и речи не может быть об ответственности иностранных граждан по советским законам за все «преступления», совершенные ими вне пределов Советского Союза, — у нас

⁴ Ст. 27 Руководящих начал. Последние не оговаривали никаких исключений из действия этого принципа. Следует иметь в виду, что «Руководящие начала» были без изменения приняты и Украинской республикой (см. Мат. НКЮ, вып. XI—XII, стр. 77).

⁵ Понятие территории в советском праве расшифровывается уже в декретах 17 января и 24 мая 1921 г. Это не только земельное пространство, принадлежащее Советскому Союзу, но и внутренние воды и воздушное пространство над ними, военно-морские суда даже в территориальных водах другого государства, гражданские суда в открытом море, а также водная поверхность открытого моря на 12 морских миль от линии отлива.

⁶ Вопрос о коллизии закона общесоюзного и закона республиканского разрешается ст. 20 Конституции СССР.

есть иные меры, которыми мы можем оградить себя от уголовников («преступникам» же, преследуемым за защиту интересов трудящихся, или научную деятельность, или национально-освободительную борьбу, Советская Конституция предоставляет право убежища (ст. 129). Такими мерами являются: отказ в визе на въезд, высылка и выдача. Однако есть ряд преступлений, которые могут быть совершены иностранными гражданами за границей и которые посягают на существенные интересы Советского Союза. Речь идет о преступлениях, направленных против основ государственного строя и военной мощи Советского Союза, а также — в силу международной солидарности интересов трудящихся, — против государственного строя и всенной мощи всякого другого государства трудящихся.

Подобную ответственность иностранцев, — ответственность, известную в международном уголовном праве по так называемому принципу реального подчинения, — предусматривал УК 1932 г. Ст. 3 этого кодекса распространяла действие его «на пребывающих в РСФСР иностранцев, совершивших вне пределов республики преступления против основ государственного строя и военной мощи РСФСР»⁷. Основные начала, и разработанные на основе их уголовные кодексы союзных республик подобного правила не содержат.

Таковы принципы действия советского уголовного закона в пространстве, т. е. по месту, где преступление совершено, и лицам, его совершившим.

В буржуазной теории насчитывают от четырех принципов действия уголовного закона до семи и более⁸. Упомянув о буржуазной теории, мы не можем не сказать о так называемом космополитическом принципе, иначе — принципе «всемирного правосудия», который, по мысли буржуазных криминалистов, как кит мелких рыбешек, поглощает все остальные принципы. Суть его такова: культурный строй в мире один, едины и его правовые основы, следовательно, каждое культурное (сиречь — империалистическое) государство обязано поддерживать этот порядок путем уголовного «правосудия», где бы, кем бы и какое бы «преступление» ни было совершено. Некоторые авторы при этом говорят о «единой культуре» и о «культурных» и «некультурных» государствах, разумея под последними колониальные и полуколониальные страны (Пусторослев), которым при этом навязывается право империалистических держав, а некоторые — о «правовом государстве» (Таганцев), но суть от этого, конечно, не меняется. Классовое существо этой теории состоит в попытке объединения всего аппарата буржуазной юстиции для борьбы с растущей в период империализма

уголовной преступностью и, — что еще важнее, — для борьбы с переросшей национальные рамки классовой борьбой пролетариата и национально-освободительной борьбой угнетенных народов. Но несостоятельность даже теоретических рассуждений о «едином праве» и «всемирном правосудии» ясна и для буржуазных криминалистов, поэтому космополитический принцип позднее заменяется принципом «универсальным», отнюдь не тождественным по содержанию с принципом космополитическим. При универсальном принципе действие уголовного закона распространяется «на деяния, угрожающие интересам общекультурного порядка», в силу международного соглашения. Как видим, здесь дело идет, собственно, не о распространении действия имеющегося в наличии уголовного закона, а о введении в уголовное законодательство отдельных стран новых уголовно-наказуемых составов в силу международного соглашения об уголовном преследовании тех или иных действий. Как говорил в одной из своих блестящих речей на пленуме Лиги наций т. Литвинов, мы не являемся принципиальными противниками универсализма, вопрос лишь в том, какова природа этого универсализма, на какие цели он направлен⁹. Универсализм, направленный на объединение борьбы с преступлениями, опасными для дела мира, для трудящихся Советского Союза и трудящихся других стран, — такой универсализм не противоречит основам советской уголовной политики, он приемлем для нас, и более того, он является одним из методов советской политики мира (достаточно указать на деятельность Советского Союза в Лиге наций, на участие в ряде международных соглашений и т. д.). Именно поэтому Советский Союз принимал деятельное участие в конференции по борьбе с терроризмом и присоединился к проекту конвенции по этому вопросу Лиги наций.

СССР неоднократно подписывал международные конвенции, дополняя свое уголовное законодательство соответствующими новеллами по ряду вопросов, имеющих международно-правовое значение¹⁰. Таково, например, постановление правительства от 5 марта 1926 г. «О дополнении УК союзных республик статьями, вытекающими из Брюссельских конвенций от 23 сентября 1910 г. о столкновении судов и оказании помощи и спасания на море и Парижской конвенции 14 марта 1884 г. об охране подводных кабелей».

Советское уголовное право, как мы это только что видели, знает включение в уголовное законодательство, в связи с подписанием международных соглашений, новых составов преступле-

⁷ Особенно широко проектировал ответственность иностранцев проект УК Общекоординационного отдела НКЮ, устанавливая таковую по советскому УК, «если ими учинено за пределами Республики деяние, опасное для существующих в РСФСР общественных отношений» (ст. 1).

⁸ См., например, П. Люблинский, Техника, толкование и казуистика уголовного кодекса, стр. 96 и сл. Также Пусторослев, Русск. угол. право, 1912 г., стр. 100.

⁹ Литвинов М., Коллективный отпор агрессии, коллективная защита мира. «Правда» от 22 сентября 1937 г.

¹⁰ Само собою разумеется, что упоминание о преступлении в международной конвенции и даже заключение специальной конвенции по поводу того или иного преступления не превращает это преступление в интернациональный деликт (каковым, например, является терроризм). В вопросе о соотношении международных конвенций и международных деликтов мы разделим выводы проф. А. Трайнина, изложенные в его работе «Защита мира и уголовный закон» (см. в частности стр. 92, 98, 100).

ний, однако, это не делает так называемый «универсальный принцип» принципом теории советского уголовного права, так как решение вопроса о том, является ли данное действие социально-опасным и требует ли оно уголовно-правовой борьбы с ним (а из этого вытекает, в частности, и подписание соответствующей конвенции), определяется основными задачами советского уголовного права — охраной государства рабочих и крестьян и установленного в нем правопорядка, вопрос же о распространении действия принятого на этой основе закона решается теми принципами, о которых мы говорили выше.

АССКИЙ

Нужно дать хорошие учебники

Вопрос о повышении квалификации работников советов весьма актуален. Все учебные заведения, готовящие работников советов (вузы, школы, курсы), необходимо поставить в нормальные условия работы. Они должны быть обеспечены, помимо преподавательского персонала, хорошими планами работы, хорошими программами и хорошими учебниками. Всем этим должны заниматься соответствующие центральные учреждения и их аппараты на местах. Особенно ощущается нужда в хороших учебниках в учебных заведениях, готовящих специалистов по вопросам советского строительства. На местах иногда создают фантастические учебные планы; например, в Чернигове на 3-месячных областных курсах для председателей сельских советов был составлен план занятий на расчета 1367 часов, т. е. 15 часов работы ежедневно. На этих курсах нужно было проработать 12 дисциплин, среди которых были и арифметика, и география, и украинский язык, и зоотехника, и основы советского права и т. д. Результат работы этих курсов оказался весьма печальным. Наши «ученые» в рассматриваемой области дали немало вредительских концепций, но они не дали ни одного хорошего учебника.

Работой института госправа Академии наук, который в первую голову ответственен за это дело, долгое время «руководил» враг народа Пашуканис, который отрицал особое качество советского права, как права социалистического. Он проповедывал «меновую» концепцию, исключавшую классовый характер права и возводившую буржуазное право как опосредствование рыночных товарообменных отношений в степень универсальной формы права, регулирующей и нашу социалистическую систему. Под влиянием этих «концепций» некоторые ученики его «школки» утверждали, что буржуазное право «является орудием строительства социализма» (В. Комаров), пытались провести kautskianский взгляд, по которому диктатура пролетариата противопоставлялась пролетарской демократии. Враг народа Берман с одобрения Пашуканиса пытался прививать взгляды «отмирания государства», начиная с раннего утра на другой день после Великой социалистической революции. Зиновьевский последний Доценко в 1936 г. протачивал в своем учебнике рутинскую «теорию» отрыва политики ограничения капиталистических элементов от политики их вытеснения. Некоторые учи-

Итак, принципами действия советского уголовного закона в пространстве мы называем правила, в силу которых советские уголовные законы распространяют свое действие на лиц, совершающих преступления по советскому закону, или, иначе, правила, определяющие собою объем действия (по месту и лицам) советского уголовного закона: советское уголовное право знает три таких принципа или правила: территориальный, гражданства и реальный (реального подчинения), содержание их мы изложили выше. Об этом необходимо особо и недвусмысленно сказать в программе по курсу общей части уголовного права.

ли, что на колхозников не распространяется наше трудовое право (З. Гришин), а один «ученый» пытался утверждать, что «после второй стадии коммунизма наступит анархизм». Были и такие «государствоведы», которые писали, что Грузинская, Армянская и Азербайджанская союзные республики входили в ЗСФСР как АССР¹. Вся эта чепуха либо показывала неграмотность «ученого», либо преследовала цель вредительства в советском строительстве. «Руководство» Института государственного права до того увлеклось этими антимарксистскими, антиленинскими теориями о государстве и праве, что перестало даже считать научной работой составление популярно изложенного учебника для работников сельсоветов и риков, в котором бы простыми словами было изложено учение Маркса и Ленина о государстве и праве, в котором ясно было бы сказано, что может и должен делать совет и чего он делать не имеет права.

Пашуканис давал установку: «Писать учебники — не научная работа, нам этим делом не следует заниматься». Орудовавшие в этом участие работы враги народа: Пашуканис, Берман, Челюпов считали, что их бред о немедленном «отмирании государства», засорение мозгов антимарксистскими, антиленинскими «теориями» о буржуазном характере советского права и т. п. — что все это является научной работой (за это они даже присуждали ученые степени). Пашуканис так и говорил, что «признание отмирания советского права является оселком, на котором мы будем испытывать марксиста-ленинца».

Работы, в которых давался анализ практической деятельности советов, где говорилось о правах и обязанностях сельсовета, горсовета, исполкома, в которых определялся характер их работы, — такие работы считались не научными работами, а работами «практическими». Такие работы Пашуканис и Ко считали достойными пренебрежения. Ряд учебников, выпущенных в то время, был засорен антисоветскими установками. Их насковоз буржуазные «теории» были гражданскими нашей действительности. Почти все написанное по вопросам государства и права приходится признать негодным, вредным. Некоторые «юристы», единомышленники Пашуканиса (Уддревич,

¹ Газета «Красная Звезда», 30 декабря 1937 г. Статья «15 лет СССР».

Резунов, Либерман и др.) широко проводили вредительские установки.

Не чем иным, как прямым вредительством в одних случаях, беспечностью, политической близорукостью, постановкой науки на рельсы схоластики, отрывом теории от практики — в других случаях, можно объяснить тот факт, что некоторые работники на правовом фронте проводили эти враждебные нам «теории». Той же беспечностью и политической слепотой можно объяснить то, что учебники старой буржуазной профессуры продолжают до сих пор «украшать» полки наших библиотек, наполняя головы читателей реакционными установками. Чего, например, стоят учебники проф. Гурвича, который считает, что у нас нет «стройной, выдержанной системы» в области государства и права. По вопросу о праве, его сущности и происхождении Гурвич считал «вредным самообольщением» сказать, что вопрос о существе и происхождении права уже разрешен в марксистской литературе». Это — типичное каутскианское угодничество фашизму, это клевета на марксизм, на ленинизм. Маркс и Энгельс, Ленин и Сталин уже давно указали и указывают, что право есть возведенная в закон воля господствующего класса. Для Гурвича же этот вопрос не разрешен.

Контрреволюционный троцкизм, зиновьевщина проповедуются Гурвичем в его работе «Основы советской конституции». Там он говорит, что диктатура пролетариата включает в себя прежде всего диктатуру над пролетариатом и что диктатура пролетариата выражает наибольший нажим на остальные группы населения, которыми будто бы этот «нажим ощущается наиболее болезненно». Вместе с тем Гурвич там же протаскивает троцкистскую клевету, что «партия осуществляет диктатуру пролетариата».

Характерно, что для буржуазии диктатура пролетариата (по Гурвичу) гораздо лучше, чем для «отсталых слоев населения».

В отношении «буржуа, паразитов... пролетарская диктатура не придерживается... какой-либо особой тактики. Для существования их не имеется ни смысла, ни возможности. Поэтому часть из них, наиболее вредная или же просто бесполезная, задохнется в атмосфере советского государства, другая часть — жизнеспособная в новых условиях — восстанет, переработается другими группами». Комментарии к этому бухаринскому выводу не требуются.

По вопросу о сломе старой буржуазной государственной машины Гурвич говорит: «Пролетариат первым революционным долгом разбивает, ломает старое государство. Для этого, конечно, нет необходимости крушить, дробить сразу, — достаточно вынуть два-три винтика, попортить два-три рычажка, — и обесиленный враг сдастся на милость победителя». Это контрреволюционное утверждение в следующем издании, после того, как критикой было обращено на него внимание, Гурвич «поправил». Вот, что у него получилось в исправленном виде (8-е издание): «Пролетариат первым революционным делом разламывает старое государство. Тут, конечно, нельзя крушить, дробить сразу. Нужно ударять по тем винтам и рычагам, которые играют в государстве ответственную роль». По существу получилось то же: буржуазная подтасовка, искажение Ленина и Маркса в угоду буржуазии.

В работе «Принципы автономизма и федерализма в советской системе» Гурвич пишет: «Между

нациями Советского Союза — безразлично, возмем ли мы их в масштабе РСФСР или ЗСФСР или СССР, — нет еще фактического равенства». Это неравенство Гурвич видит прежде всего в том, что чем более культурна страна, тем меньше она зависит от центрального федерализма, и, наоборот, чем менее культурна нация, тем больше она зависима от этого центра, который снимает «с неокрепших плеч нации непосильную для нее обузу, освобождая ее от риска и катастроф». Без особых пояснений видна антисоветская суть подобного рода рассуждений.

Товарищ Сталин в своем докладе на Чрезвычайном VIII всесоюзном съезде советов дал исчерпывающее разъяснение на этот счет, указав, что перевод автономных республик в разряд союзных республик происходит по трем признакам:

- 1) республика должна быть окраинной,
- 2) национальность, давшая советской республике свое имя, должна представлять в республике более или менее компактное большинство и
- 3) республика эта должна быть не очень маленькой в смысле количества ее населения («не меньше, а больше хотя бы миллиона»).

В статье «Учение о государстве» (сборник «Сов. гос. устройство», 1933 г., стр. 24) при ближайшем участии Гурвича как редактора проводится теория отмирания пролетарского государства в бухаринском духе. Во всех работах этого «профессора» рассеяны вывихнутые, буржуазные мысли.

И вот такие книжки и учебники еще гуляют по свету!

Продолжают выдаваться в библиотеках и, конечно, используются в работах учебники по административному праву таких авторов, как Елистратов, Кобалевский, Ентихий и ряд других. Эти «советские» теоретики целиком смыкаются с врагом народа Пашуканисом. У Кобалевского, например, право вытекает из гражданского оборота, который «окрашивается публично-правовыми элементами». По Кобалевскому выходит, что мы в Октябрьской революции не разбили государственную машину, а только «реконструировали» ее «и, в соответствии с принципами советского государственного устройства, построили на сочетании начал централизации и децентрализации» (учебник «Сов. адм. право», 1929, стр. 187). И это в то время, когда мы имеем определенное указание Ленина, что «только благодаря советской организации государства революция пролетариата могла сразу разбить и разрушить до основания старый, буржуазный государственный аппарат, а без этого невозможен был бы приступ к социалистическому строительству»². В учебнике Кобалевского всюду проводится противопоставление личности государству. «Деятельность администрации по охране общественного порядка и спокойствия характеризуется тем, что она не преследует оказания положительной услуги конкретным лицам, а сводится в основном к ограничению естественной свободы индивида» (стр. 187). У Кобалевского выходит, что в деле управления нет места для какой-либо воспитательной работы, основное у него — «ограничивать естественную свободу». Конечно, это верно, но только в буржуазном государстве, где эксплуататоры пользуются всеми правами, а эксплуатируемые лишены всех прав, но несут

² Ленин, соч. т. XXIV, стр. 93.

все обязанности, где все основано на лозунге «тащить и не пущать». К нашему социалистическому государству рабочих и крестьян, где вся власть принадлежит трудящимся города и деревни, такая мерка не подходит. Основной деятельностью советского государства в этом отношении является забота о человеке, о его правах, о его развитии, о его благополучии.

То же проводится в другом учебнике административного права, написанном Елистратовым. Он чисто по-пашуканисовски (или Пашуканис по-елистратовски) говорит, что «по мере того, как освобождается стихия, теряет свое значение правовое регулирование и само право». Пашуканис говорил «о выветривании» правовых норм, что по существу является одним и тем же.

В учебнике Евтихьева откровенно говорится, что между буржуазным правом и советским правом разницы нет, что свобода личности граждан в советском государстве охраняется законами «не в меньшей мере, чем в буржуазных странах», но «подобно тому, как в праве буржуазном всякое неуставленное законом вмешательство в свободу личности и имущества является возбраняемым, так равно возбраняет его и советское право, но по сравнению с буржуазным правом оно расширяет случаи такого вмешательства». В нашем праве он видит «начала полицейского государства, поглощавшего права личности». Общественные интересы он подчиняет классовым. Ему совсем не нравятся органы ОГПУ, на которые, «к сожалению», не распространяется гарантия личной неприкосновенности. Весь учебник проникнут теми же буржуазными установками, какие мы имеем в учебниках Елистратова и Кобалевского.

Не лучше обстоит дело и с работами Архипова. В 1919 г. Ленин говорил, что «декреты, это — инструкции, зовущие к массовому практическому делу», причем указывал, что «мы не будем смотреть на них (на декреты. — А.), как на абсолютные постановления, которые надо во что бы то ни стало, тотчас же, сразу провести»³. Архипов, со своей точки зрения, сейчас же «определил»: «В законе тов. Ленин прежде всего отмечает не его нормативную, деонтологическую (т. е. обязывающую), а его техническую сторону». И затем со свойственной ему развязностью заканчивает: «Иначе и быть не могло: в государстве, стремящемся быть организованным на подобие хорошей почты, закон должен быть прежде всего хорошей технической и экономической инструкцией» (Архипов, «Закон в советском государстве», стр. 55). Таким образом, Архипов превратил закон, «зовущий к массовому практическому делу», в «техническую инструкцию», а указание Ленина на то, что мы не смотрим на декреты, как на абсолютные постановления, которые нужно «тотчас же сразу провести», Архипов толкует как указание на необязательность проведения их совсем. Только враг советской власти может дать такое «толкование».

Эта тенденция дать «разъяснение» о сущности наших советских законов с буржуазной точки зрения сквозит и в работах Турбуниера, Дурденевского, Котляревского, Шреттера.

В работах Евтихьева, Кобалевского и др. советский гражданин противопоставляется его социалистическому государству как антагонистический субъект и объект права. Эти юристы никак не могут освободиться от «старого Адама» и всеми силами стараются протащить его в нашу советскую действительность. Кобалевский, например, прямо перетаскивает буржуазные установки на нашу почву, превращая отношения между органами власти и гражданами в отношения правовые со всеми теми элементами, какие свойственны юридическим отношениям публичного права. Соскочил на этот путь и Архипов, который, защищая свои взгляды на ослабление нашего права, утверждает, что «все это наметилось в процессе эволюции государства буржуазного, но, противореча его исходным принципам, нашло ясное выражение лишь в государстве советском».

Один «ученый» — Карадже-Искров в фашистском журнале (Германия) «Ежегодник публичного права» в 1936 г. писал об «административном произволе» в советском государстве.

Характерно, что Карадже-Искров для своих «ученых» работ не нашел ничего лучшего, как фашистский, гитлеровский журнал. Как известно, фашизм, мобилизуя все силы и средства для подготовки диверсий и войны против СССР при активной помощи своей агентуры в лице троцкистов и бухаринцев, в этих же целях использует и германский «академический» правовой журнал «Ежегодник публичного права». Отсюда очень понятно, почему в этом журнале Карадже-Искров нашел любезный прием. 115 страниц убогистого шрифта, любезно предоставленных ему фашистским журналом, Карадже-Искров посвящает клевете на советское административное право.

Он повествует о том, что будто бы личность в Советском Союзе является «лишь средством для достижения государственных целей». Осуществление судебного и прокурорского надзора, с его точки зрения, приводит к вторжению органа управления в «судебную деятельность», что означает «распашивание» законности. Он утверждает, что «право свободы в СССР играет меньшую роль, чем в Западной Европе». Определив таким образом советское управление как административный произвол, он клеветает на советских граждан, у которых будто бы только обязанности, но нет прав, сравнивает наши профсоюзы с фашистскими, принудительно обобщественными (vergesellschafteten), клеветает на партию и т. д. Подобные «откровения» Карадже-Искров протаскивал в брошюре «Новейшая эволюция административного права», изданной еще в 1927 г.

Все эти книги все еще служат учебниками. Они свободно выдаются нашими библиотеками. Авторы этих «учебников» зачастую преподают в наших вузах, готовят советских работников. Книги и статьи этих «юристов» являются пособиями в учебе. Ни один из этих авторов не выступил с критикой своих работ; но зато они написали хвалебные рецензии друг о друге. Так, Турбуниер восхваляет Елистратова, утверждая, что последний «дает правильный классовый подход к институтам советского права». Архипов считал учебник Кобалевского «редкой по эрудиции книгой». О книге Евтихьева говорили, что она является «в общем ценным вкладом» и т. д.

³ Ленин, соч., т. XXIV, с. 166—167.

При составлении своих учебников по административному праву вышеуказанные авторы руководствовались идеологией представителей догматического административного права французской юриспруденции (Гастон Жез, Анри Бартеlemi и особенно Морис Ориу) и юриспруденции германской (Отто Майер, Флейнер, Еллинек), которые, как известно, дают «чистую теорию», отрывающуюся от жизни, отличаются игрой формального юридического мышления. Кроме того они не были свободны от влияния взглядов представителей социологического подхода к изучению внутреннего государственного управления, например, Лоренц фон Штейн, который, перемешивая историзм с метафизикой, приходит к выводу, что государство — высшая форма личности. глава государства — государственное «Я». «Социальное управление» ослабляет классовые антагонизмы и смягчает остроту классовой борьбы. Государство по Штейну представляется в виде надклассового инструмента. Смещение этих влияний нашло свое выражение в том, что содержание указанных выше учебников оказалось оторванной от жизни «игрой формального мышления» и что в них гражданам противопоставляется государство. Последнее явилось несомненным влиянием взглядов одного из наиболее ярких представителей идеалистического, реакционного направления в вопросах права, профессора бордоского университета Леона Дюги, который снял покрывало с буржуазного права, показал, что оно является выражением воли господствующего класса — «главы государства и членов парламента», и что «правлящие всегда были, есть и будут наиболее сильные фактически» (Дюги, Конституционное право, 1908 г., стр. 49).

На такой базе в юридических вузах до 1929 г. существовал предмет — государственное и административное право. В таком виде преподавание этих дисциплин не могло продолжаться. Советское административное право должно было быть создано заново. Нужно было написать совершенно новые учебники, которые бы явились выражением нашей советской действительности.

Но враг народа Пашуканис дал установку на ликвидацию административного права. Учебники же с буржуазным содержанием стались нетронутыми (т. е. из ванны выбросили ребенка, а помой оставили). Причины ликвидации этой дисциплины вытекали из отрицания Пашуканисом советского права вообще; это ярко выражено в статье Пашуканиса «Экономика и правовое регулирование», в которой он писал, что «законодательные и административные акты, превращаясь в оперативные задания, сохраняют лишь очень слабую примесь элементов юридических, т. е. формальных». После этого последователи Пашуканиса (Исауитов, Резумов и др.) признали, что «действительно наши законодательные акты и акты управления являются оперативно-техническими заданиями», в которых уже «выветриваются» правовые формы. В предисловии к программе «Учение о советском государстве» (1930 г.) в этом духе дал установку разоблаченный органами НКВД враг народа Челяпов. Являясь типичным выразителем буржуазной школы, Челяпов свои вредные установки на ликвидацию административного права прикрывал «принципом единства классовой природы органов центральной и местной власти». Отличаясь многословием по любому поводу, он

свою цель избавиться от административного права обосновывал такой, казалось бы, невинной формулой: «Оно является организацией рабочего класса, и потому необходимо построить единую науку о советском государстве». Отсюда следовал вывод: ликвидировать административное право. Особенно ратовал за ликвидацию этого предмета Берцинский, который свою борьбу пашуканисовской аргументацией против административного права даже «увековечил» в Малой советской энциклопедии.

Теперь этот вопрос ясен: административное право должно быть введено как обязательная дисциплина в правовых вузах.

Между прочим, пашуканисовское утверждение о том, что по мере роста планового начала «выветривается» правовая форма, — повторялось хозяйственниками, криминалистами, аграрниками, трудовиками и т. д. В учебниках по этим дисциплинам имеется сколько угодно установок такого порядка.

Все это говорит о необходимости глубокого пересмотра всех учебников по правовым вопросам.

Практики не должны отмахиваться от теории. Это будет противоречить всему духу ленинизма. «Теория есть опыт рабочего движения всех стран, взятый в его общем зиде», говорит товарищ Сталин. Но теоретикам «до бесчувствия» (и это правовикам надо особенно помнить) нужно твердо усвоить, что «теория становится беспредметной, если она не связывается с революционной практикой, точно так же, как и практика становится слепой, если она не освещает себе дорогу революционной теорией»⁵.

Только под влиянием политической беспечности и слепоты можно было допускать отрыв теории от практики и в то время, когда мы имеем социалистическую экономику, утверждать, что советское право — право буржуазное. Только политической беспечностью можно объяснить то, что наши библиотеки и вузы имеют у себя книги о советском государстве и праве с буржуазными установками и не имеют их критики. Врагу народа Пашуканису нужна была эта «мутная» обстановка, чтобы в ней можно было легче ловить простактов на правовом фронте. И это ему при известных условиях удавалось. Одним из последствий этого и явилось то, что наши учебные заведения для работников советов, исполкомов, нарсудей и др. не обеспечены ни учебными планами, ни программами, ни учебниками.

Враги народа, окопавшиеся на некоторых участках теоретического фронта, не допускали к этому фронту новые молодые силы, всемерно глушили их, превращали этот участок науки в участок своей монополии. Эта «теория» не допускать к «своему» участку работы, отгораживаться от мира сидит иногда у некоторых старых «ученых» и приводит к отрыву их научной работы от окружающей действительности и от окружающих их людей. Товарищ Сталин на приеме в Кремле работников высшей школы 17 мая 1938 г. сказал, что нам нужна та наука, «которая не отгораживается от народа, не держит себя вдали от народа, а готова служить народу, готова передать народу все завоевания науки, которая обслуживает народ не по

⁵ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10, с. 13.

принуждению, а добровольно, с охотой». Товарищ Сталин говорил о науке, «которая не дает своим старым и признанным руководителям самовольно замыкаться в скорлупу жрецов науки, в скорлупу монополистов науки, которая понимает смысл, значение, всемогущество союза старых работников науки с молодыми работниками науки, которая добровольно и охотно открывает все двери науки молодым силам нашей страны и дает им возможность завоевать вершины науки, которая признает, что будущее принадлежит молодежи от науки».

Указывая на Ленина как на образец мужа науки, смело ведущего борьбу против устаревшей науки и прокладывающего дорогу для новой науки, товарищ Сталин говорил, «что новые пути науки и техники прокладывают иногда не общезвестные в науке люди, а совершенно неизвестные в научном мире люди, простые люди, практики, новаторы дела, которые своей практической работой, опытом опровергают старые представления о нормах выработки в промышленности, как это сделал Стаханов, опрокидывают старые представления об Арктике, как это сделал Папанин и т. д.

Эти мудрые указания товарища Сталина должны стать законом в повседневной работе всех научных работников нашей страны.

Товарищ Молотов на первом Всесоюзном совещании работников высшей школы 15 мая 1938 г. обратил внимание на то, что «среди всех недостатков высшей школы главным в настоящее время является недостаток хороших учебников», при этом товарищ Молотов особенно подчеркнул, что этот вопрос нужно поставить «не наряду с прочими, а в качестве вопроса первоочередной важности». Это указание руководителя правительства несомненно задает участок правового фронта в первую голову. Если на других участках научного фронта мы имеем недостаток хороших учебников, то на правовом фронте мы имеем совершенно пустое место. Нет учебников по государству, по общей теории права, по административному праву, по гражданскому праву и т. д. А то, что имеется на этот счет, — никуда не годится и должно быть запрещено к употреблению.

Товарищ Молотов указал на ряд учебников, к изданию которых должно быть приступлено немедленно. В числе этих учебников в первую очередь товарищ Молотов называет учебник на такую тему, как Сталинская Конституция. Несомненно, что этой теме должно быть уделено в первую голову все внимание научных работников, работающих в этой области, так как у нас нет учебника на эту тему.

Нет необходимости доказывать, что студенты вузов нуждаются в учебниках. Товарищ Молотов говорит, что «не найдется таких вузов, которые были бы по-настоящему обеспечены хорошими учебниками. Студенты жаждут получить хороший советский учебник. Они ждали его. Такой учебник облегчит и всю работу профессуры вузов. Без соответствующих учебников даже хорошее преподавание частично обесценивается, а с этим нельзя мириться».

Все это говорит о том, что вопрос о работе учебных заведений для работников советов, наркомов и др. является одним из актуальнейших вопросов дня. Им нужно заняться в срочном порядке. Соответствующие организации (Институт права Академии наук в первую очередь) дол-

жны пересмотреть всю имеющуюся на этот счет литературу, отобрать из нее все здоровое, раскритиковать вредные учебники, изъять все учебники, написанные Пашуканисом, Берманом, Доценко и их единомышленниками, и показать, что может быть использовано в работе, а тем временем написать новые планы, программы и учебники.

Конечно, написать учебник не так уж просто. «Чтобы по-настоящему обеспечить издание хороших учебников,— говорит товарищ Молотов,— надо проделать очень большую работу. Надо прежде всего умело собрать необходимые для этого научно-преподавательские силы. Надо много, настойчиво и серьезно поработать над их организацией по соответствующим отраслям. Осуществить правильное руководство этим делом значит — провести действительно серьезную и очень умную работу». Но это будет организационная сторона дела. Само написание учебника требует также не менее умной работы. Учебник должен отвечать современным требованиям. «Он должен быть на уровне современной науки и вполне доступен учащимся по своему языку. Он должен дать необходимый объем знаний и вместе с тем подготавливать учащегося к его будущей практической деятельности. Он должен широко использовать прежние наши учебники и иностранные учебники, где очень много ценного для учебы, и вместе с тем он должен в необходимой мере отвечать задачам идейно-политического воспитания молодежи»⁶. Особенно трудно написать учебник по вопросу государства и права. Трудность этого дела заключается в том, что самый вопрос о государстве и праве не разработан (все разработки оказались вредительскими). Создавая учебник о государстве и праве, нужно разрабатывать и принципиальную постановку этих вопросов.

Наряду с этим нужно решительно раскритиковать написанные до сих пор учебники и учебные пособия, в которых зачастую под разными «предлогами» приютились антисоветские установки. Ясно, что пока мы не дадим новых учебников, нам придется пользоваться наиболее подходящими старыми учебниками, иногда «даже теми, которые нас уже далеко не удовлетворяют» (Молотов).

Все это составляет очень большую и сложную задачу. Но эту задачу нужно разрешить самым срочным образом.

В настоящее время институт права Академии наук взял решительный курс на создание учебника по вопросам советского государственного права. Новое руководство института обеспечивает все условия для осуществления этого большого и полезного дела.

По плану своих работ на текущий год Институт права уделяет основное внимание созданию учебного пособия по социалистическому государственному праву.

Это учебное пособие по плану разделяется на следующие главы: предмет и метод социалистического государственного права; история советской конституции; общественное устройство СССР; советское союзное государство; высшие органы государственной власти СССР, союзных и автономных республик; органы государствен-

⁶ Молотов, речь на Всесоюзном совещании работников высшей школы 15 мая 1938 г.

ного управления СССР союзных и автономных республик; местные органы власти; суд и прокуратура; основные права и обязанности граждан; избирательная система СССР; советское бюджетное право.

В плане института имеется такая тема, как «Советское административное право». Это также является необходимой работой.

В целях охвата всех отраслей права Институт права реорганизует свою работу. В нем, согласно постановлению президиума Академии Наук от 29 марта 1938 г., организовано пять секций: общей теории права, государственного права, международного права, уголовного права, граждан-

ского и трудового права и секция судебного права. В связи с этим и институт переименован в Институт права. По всем отраслям права в первую очередь будут написаны учебники и учебные пособия.

Потребность в скорейшем издании перечисленных учебных пособий давно назрела, и их выпуск ожидается с огромным интересом. Хотя эти пособия рассчитаны на наши правовые вузы, но, несомненно, что они с успехом смогут быть использованы и на разного рода курсах и кружках, в школах по переквалификации и повышению квалификации кадров работников юстиции — суда и прокуратуры.

В. ТАДЕВОСЯН

О жалобах трудящихся и о юридической помощи населению¹

(Заметки из практики)

Из далеких краев и республик в Москву приезжают с жалобами и заявлениями граждане, многие из которых не очень легко достают средства на поездку. Но из первых же слов жалобщиков нередко становится ясным то, что затраты сил и средств на поездку в Москву были произведены зря. Становится это ясным и самим жалобщикам после объяснения им того, что жалобы их с успехом могли и должны были быть разрешены на месте. Нередко бывает так, что жалобщик посылает свое заявление по почте в Москву, в разные центральные органы и учреждения, затем и сам приезжает, не дождавшись ответа. Узнав в Москве, что жалоба его отправлена в областные и районные органы прокуратуры или других учреждений, он возвращается в свой областной или районный центр, вместо того чтобы с самого начала подать туда жалобу. С жалобами и заявлениями, подаваемыми в центральные органы власти по почте, происходит такое же движение, весьма удлинняющее сроки рассмотрения жалоб трудящихся, создающее волокиту и ненужную затрату энергии и средств и бесцельно загружающее центральные органы огромным потоком бумаг, заставляющее их заниматься вредной текучкой.

Отчего это происходит? Происходит это оттого, прежде всего, что громадная потребность населения нашей страны в юридической помощи, потребность людей (правосознание которых за последние годы весьма выросло) в разъяснении им их прав или порядка обращения в различные государственные учреждения за разрешением своих вопросов и ходатайств, не находит должного удовлетворения, а местами и вовсе не удовлетворяется. В ряде районов нашего Союза вовсе нет юридических консультаций, а там, где есть эти консультации, сплошь и рядом оказывают ими юридической помощи населению построен на началах, весьма напоминающих организацию коммерческого предприятия. В погоне за высокими заработками некоторые члены коллегий защитников, прикрываясь так называемыми «коллективами», не имеющими ничего общего с действительными коллективами,

обязанными общими усилиями наилучше поставить дело оказания юридической помощи населению в данном городе, районе, заботится скорее о том, как бы выколачивать больше денег, как бы получать больше доходных клиентов, не допуская к этому выгодному «предприятию» с легкими и высокими заработками новых людей и т. п.

От недопустимо пренебрежительного отношения к делу организации работы советской адвокатуры, от явно вредительской системы оплаты труда, которая была насажена в этой организации при старом руководстве НКЮ СССР, до сих пор еще чувствительно страдают интересы населения, которое не получает правильно поставленной юридической помощи.

Правильно поставленная работа по оказанию юридической помощи гражданам во многом могла бы не только лицам, нуждающимся в этой помощи, но государственным органам, к которым граждане обращаются. Юридическая консультация, правильно направляя жалобщика в то или иное учреждение, избавила бы его от многих лишних поездок или хождений по инстанциям, от лишних затрат сил и средств.

Кроме того, и это особенно важно, при правильно организованной юридической помощи гражданам, органы прокуратуры, суда, советского контроля, а также органы печати и другие организации не были бы завалены огромным количеством заявлений, очень часто явно неосновательных, не содержащих в себе указаний на нарушения закона, чисто консультационных. Если бы юридической помощью была охвачена вся страна, если бы «коллективы» членов коллегий защитников организовывали свои консультации повсюду и действительно широко оказывали бы юридическую помощь рабочим на предприятиях, в совхозах, колхозникам в деревнях и селах, всем гражданам страны в учреждениях, в редакциях газет, в клубах и т. д., то многие

¹ В порядке обсуждения — Ред.

граждане не тратили бы столько сил и энергии на получение совета по своему делу, на хождение по судам, по налоговым органам и другим учреждениям по явно неосновательным претензиям и т. п.

Работа в нынешних «коллективах» защитников и оплата труда в них поставлены таким образом, что они не содействуют правильной организации столь большой государственной работы, какой является юридическая помощь населению. Никто теперь не заботится в этих «коллективах» и в их вышестоящих органах о том, чтобы как следует поставить оказание бесплатной юридической помощи гражданам на фабриках, заводах, в совхозах, колхозах.

А так как и профсоюзные юридические консультации работают из рук вон плохо, то, естественно, гражданам остается ходить за бесплатным юридическим советом в суд, милицию и особенно в органы прокуратуры. Немало также случаев обращения граждан к подпольным адвокатам и всяким безграмотным шарлатанам, использующим юридическую неграмотность обращающихся к ним лиц.

Оплату труда членов коллегий защитников необходимо срочно упорядочить.

Нельзя дальше терпеть такое положение, когда одни члены коллектива зарабатывают 3—5 тыс. рублей в месяц, а другим нехватает клиентов, чтобы выработать сумму, равную десятой доле заработка первых. Нельзя допускать и того, чтобы адвокаты, работающие в коллективах отнюдь не больше, чем другие квалифицированные работники юстиции, получали за свой труд в три-четыре раза больше, чем получают за более ответственную и сложную работу судьи, прокуроры, следователи. Вредители, орудовавшие в органах юстиции, допустив такой разрыв в оплате труда работников коллективов защитников и судебно-прокурорских органов, несомненно преследовали цель вызвать недовольство работников суда и прокуратуры, ослабить кадры, ухудшить качество работы и сделать юридическую помощь доступной далеко не всем нуждающимся в ней.

Оплата труда членов коллегий защитников, работающих в коллективах, может и должна быть организована так, чтобы суммы за юридическую помощь клиенты вносили в кассу коллектива согласно установленной таксе и в размере, определяемом каждый раз не самим членом коллектива, а заведующим или уполномоченным коллектива. Оплата труда членов коллектива из сумм этих поступлений должна быть установлена дифференцированно, исходя из выработки каждого работника и качества его работы, однако, с запрещением неограниченной сделки в этом деле, с установлением максимального предела выплачиваемого каждому из них заработка и в то же время с обеспечением минимального размера заработка каждому члену коллектива, которого коллектив обязан обеспечить соответствием и работой. Такая система оплаты труда пресечет недобросовестную погоню за выработкой, и, что главное, дав равномерную нагрузку всем членам коллектива в их многообразной и разнохарактерной работе по оказанию юридической помощи населению, повысит качество работы членов коллегий защитников, сделает их работу действительно коллективной.

Немалое значение в деле оказания юридической помощи трудящимся имело бы и издание популярных книжек о наших законах. В этой области делается у нас очень мало. Но что удивительно, это то, что до сих пор нет ни одной популярной книжки, в которой бы каждый гражданин мог найти необходимую справку о том, куда ему обратиться со своим заявлением и жалобой.

Такая книжка крайне необходима, она должна быть издана в больших тиражах и широко распространена, она должна находиться во всех сельских советах или избах-читальнях, колхозах, совхозах, рабочих клубах и других общественных учреждениях, чтобы ею могли без труда пользоваться все граждане, желающие написать заявление или жалобу по интересующему их вопросу.

Наличие такой книги избавило бы многих от необходимости ходить к юристу за советом, оно дало бы возможность правильно направлять жалобы и заявления в то именно учреждение, куда они должны быть поданы согласно закону; наконец, такая книжка научила бы многих граждан писать правильно заявление. Нельзя ведь упускать из виду, что многие не умеют писать заявление, полагая передко, что закон обязывает при составлении жалобы соблюдать определенную форму, известную лишь юристам. Потому именно многие вполне грамотные люди сами не решаются писать простое заявление или жалобу и прибегают к помощи юриста.

Многие же граждане, также не зная, как надо писать жалобу, заполняют десятки страниц своих заявлений совершенно лишними повествованиями, подробнейшими биографическими сведениями о всех своих родственниках и т. п., а в деле пишут всего несколько слов. В результате этого происходит ненужная трата сил и времени как у написавших такие заявления, так и особенно у должностных лиц, рассматривающих жалобы.

Популярная книжка о том, куда и как писать и подать заявление или жалобу, крайне необходима нам сейчас. Книжка эта должна содержать в себе справочные сведения о том, куда граждане должны подавать свои жалобы и заявления по всем вопросам — в точном соответствии с законами и кодексами Союза ССР и союзных республик; кроме того, книжка должна содержать типовые формы заявлений и жалоб по различным вопросам, она должна дать несколько примеров того, как надо составлять жалобу и заявление.

Для надлежащей организации юридической помощи гражданам СССР Наркомюсту необходимо разработать и провести ряд других мероприятий. Надо этому делу уделить серьезное внимание, так как с изданием Сталинской Конституции правосознание граждан СССР сильно выросло, а это, в свою очередь, привело к тому, что граждане стали требовательнее к делу исполнения советских законов, стали больше чем раньше замечать и требовать устранения нарушений закона с чьей бы то ни было стороны. Поэтому граждане СССР стали больше ощущать потребность в юридической помощи. И эту помощь мы обязаны хорошо организовать.

СУДЕБНО - НАДЗОРНАЯ ПРАКТИКА ПРОКУРАТУРЫ СОЮЗА

СУД НЕ ВПРАВЕ ОГРАНИЧИВАТЬ ПРАВА МАТЕРИ ПО РАСХОДОВАНИЮ СРЕДСТВ, ПОЛУЧАЕМЫХ НА СОДЕРЖАНИЕ РЕБЕНКА

В связи с изданием постановления ЦИК и СНК СССР от 27 июня 1936 г. гр-ка В. предъявила иск об увеличении алиментов, взыскиваемых на содержание ее дочери Марины с отца ребенка гр. Д.

Народный суд 2 уч. г. Ленинграда решением от 14 июля 1936 г., установив, что средний заработок гр. Д. к моменту предъявления иска составляет 4817 руб. в месяц, присудил с него алименты в размере 1000 руб.

Кассационная коллегия Ленинградского облсуда, исходя главным образом из той мысли, что эта сумма слишком велика и что гр. В. может удовлетворить нужды ребенка, в том числе и музыкальные ее запросы (7-летняя Марина обладает выдающимися музыкальными способностями), ограничившись меньшей суммой, снизила присужденную сумму до 500 руб. в месяц.

На это решение и определение суда прокуратура области внесла протест в президиум облсуда. Президиум облсуда протест прокуратуры отклонил.

По протесту Прокуратуры РСФСР дело это рассматривалось 29 ноября 1937 г. ГKK Верхсуда РСФСР.

ГKK Верхсуда оказала народному и областному судам на их ошибку, заключающуюся в том, что они нарушили закон 27 июня 1936 г., который не допускает никаких отклонений от установленной в самом законе твердой нормы для взыскания алиментов, выраженной в процентном отношении к заработной плате ответчика (при взыскании на одного ребенка 25% зарплаты).

При этом ГKK Верхсуда определила взыскивать с гр. Д. алименты в размере $\frac{1}{4}$ его заработка, но с тем, однако, чтобы из взыскиваемой суммы в распоряжение матери ребенка «ежемесячно, впредь до изменения материального положения сторон, выдавать на расходы по содержанию ребенка 400 руб.». Остальная часть взыскиваемых сумм должна вноситься в сберкассу на имя дочери Марины. «Все расходы сверх этой суммы (т. е. сверх 400 руб.), потребные на всякого рода воспитательные мероприятия, могут быть выданы гр. В. из сберкасс только с одобрения и санкции органов опеки».

Свое определение ГKK Верхсуда аргументировала тем, что так как закон 27 июня 1936 г. имеет в виду содержание ребенка в качестве основной цели присуждения алиментов, то «не будет нарушением, если суд установит в некоторых случаях контроль за расходованием средств, получаемых родителем на содержание ребенка». «Порядок некоторого контроля над расходованием средств, взыскиваемых на содержание ребенка, с точки зрения ГKK Верхсуда, не только не противоречит постановлению ЦИК и СНК от

27 июня 1936 г., но и соответствует положению об органах опеки и попечительства и конкретно ст. 82 Кодекса о браке, семье и опеке».

Прокурор Союза ССР, считая определение ГKK Верхсуда РСФСР по этому делу принципиально неверным и противозаконным, опротестовал его по следующим основаниям:

Ни закон 27 июня 1936 г., ни Кодекс законов о браке, семье и опеке не устанавливает каких-либо форм контроля над расходованием средств, получаемых родителями в виде алиментов. Установление такого контроля коллегией Верховного суда является совершенно произвольным. Оно основано на полном смешении различных институтов нашего семейного права — опекунства, учреждаемого органами государства, и естественного опекуна, признаваемого за родителями (ст. 71).

В отношении опекунов по назначению закон действительно устанавливает совершенно определенные формы контроля над их деятельностью со стороны органов опеки. Об этом говорит ст. 101 Кодекса законов о браке, обязывающая опекунов представлять отчеты в орган опеки, в частности и об израсходованных средствах, об этом же говорит и ст. 82 того же кодекса, на которую неосновательно ссылается в данном случае ГKK Верхсуда. Такой контроль над опекуном по назначению совершенно понятен, ибо в роли опекуна в этих случаях всегда выступают лица, по отношению к несовершеннолетнему более или менее посторонние и во всяком случае кровным родством с ним не связанные. Но ни откуда решительно не вытекает, что закон обязывает родителей представлять какие-либо отчеты органам опеки относительно средств, расходуемых на своих детей. Возложение такой обязанности на родителей может исходить только из совершенно неприемлемой позиции огульного недоверия к гражданам, которые в качестве родителей способны, видимо, справиться со своей задачей без помощи того или иного контрольного органа.

ГKK Верхсуда указывает, что в «некоторых случаях» такой контроль не будет нарушением закона. Что это за некоторые случаи, ГKK не указывает, и почему именно в данном случае необходим такой контроль, ГKK не разъясняет. Никаких данных, которые сколько-нибудь порочили бы лично гр. В. и внушили бы какие-либо подозрения насчет правильности использования ею алиментов, на которые она имела полное право по закону, в деле нет. При этих обстоятельствах определение ГKK открывает возможность для одного только предположения — не подкажано ли это решение мыслью об ограниченной семейной правоспособности женщины, требующей какого-то восполнения со стороны контрольного опекунского органа. Именно в таком неприемлемом духе это определение ГKK и стало бы ориентировать судебную практику, если бы оно осталось в силе.

Произвольно примененной ГКК форма внесения алиментов на текущий счет несовершеннолетней создает уродливое положение еще и с другой стороны. ГКК предполагает, очевидно, что какая-то сумма, будучи капитализированной в период несовершеннолетия Марины, окажется в распоряжении самой Марины тогда, когда она достигнет совершеннолетия и отпадут опекунические права ее матери. Но тем самым создается положение, при котором выдача алиментных сумм относится как раз к тому моменту, когда по закону данное лицо — вследствие достижения совершеннолетия — уже право на алименты теряет.

В силу всего изложенного, Прокурор СССР просил все состоявшиеся по делу решения, постановления и определения отменить, присудить в пользу гр. В. алименты, в точном соответствии с законом 27 июня 1936 г., в размере $\frac{1}{4}$ заработка ответчика и отвергнуть произвольный порядок взывания и расходования алиментных средств, установленный ГКК Верховсуда.

Президиум Верховного суда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза ССР, постановил: определение гражданской коллегии Верховсуда в части отмены решения нарсуда и определений облсуда и присуждения с гр. Д. алиментов на содержание дочери Марины в размере $\frac{1}{4}$ его зарплаты ежемесячно впредь до совершеннолетия дочери — оставить в силе; в остальном определение гражданской коллегии Верховсуда отменить.

ПОКАЗАНИЯ СТОРОН И ЭКСПЕРТИЗА КРОВИ КАК ДОКАЗАТЕЛЬСТВО В ДЕЛАХ ОБ ОТЦОВСТВЕ

Народный суд 6 уч. Москворецкого района г. Москвы 10 мая 1937 г. признал гр. Г. отцом ребенка, рожденного гр. Н.

Определением ГКК Мосгорсуда 25 мая 1937 г. это решение было оставлено в силе.

Президиум Мосгорсуда (постановлением 3 сентября 1937 г.) и ГК Верховного суда РСФСР (определение 23 ноября 1937 г.) протесты прокуратуры по этому делу отклонили и также оставили в силе решение суда.

Прокуратура Союза ССР нашла, что как народный суд, так и все последующие суды, разбиравшие это дело, не учли особенностей настоящего дела, заключающихся в следующем:

Истица, работавшая в течение нескольких лет у ответчика, врача Г., в качестве домашней работницы, утверждала, что она имела половое сношение с ответчиком 27 или 28 сентября 1935 г. Из этого обстоятельства исходил и суд. Но за 5 дней до этого (22 сентября 1935 г.) Н. заболела психически, по предположительному диагнозу врача-психиатра, — шизофренией.

В это время у нее было реактивное состояние, сопровождавшееся общим возбуждением, многобесечивостью, маньями преследования, истица по ночам не спала, рвала на себе одежду и т. д.

Именно к этому времени суд отнес факт полового сношения между Г. и Н. Совершенно очевидно, что, имея в виду такую исключительную обстановку предполагаемого факта полового сношения, граничащую уже с использованием беспомощного состояния психически больного человека, суд должен был на этом моменте остановиться и во всяком случае обсудить и прямо сказать, считает ли он по обстоятельствам дан-

ного дела, по характеру отношений между Г. и Н. и оценивая личность Г., возможным и правдоподобным такого рода факт.

В основе признания отцовства Г. лежат утверждения об этом Н. в разговорах ее со свидетелями в период октябрь — начало ноября. Из истории болезни, имеющейся в деле, видно, что 6 октября 1935 г., т. е. непосредственно перед этим периодом разговоров со свидетелями, Н. была осмотрена врачом-психиатром, который констатировал у нее предположительно пизофрению, причем указал, что «для окончательного заключения о состоянии здоровья Н. необходима повторная психиатрическая экспертиза». При наличии таких данных о психическом состоянии Н. в этот период вполне основательно было поставить вопрос как о доказательной силе утверждений истицы, сделанных в этот период, так и свидетельских показаний, ссылающихся на ее слова, сказанные в тот же период.

При наличии таких исключительных обстоятельств дела, суд должен был проявить большую активность в собирании доказательств по делу и использовать все возможные пути для выяснения истины в вопросе о том, кто действительно является отцом ребенка.

В частности прокуратура поставила перед ГКК Верховсуда вопрос об использовании в данном деле экспертизы крови. ГКК отклонила это предложение по тем мотивам, что представляется «нецелесообразным прибавлять к ряду доказательств еще одно, которое не является решающим». Это соображение должно быть решительно отвергнуто. Прежде всего, экспертиза крови в известных случаях (тогда, когда она даст результат анализа крови, исключающий отцовство данного лица по отношению к данному ребенку) является доказательством, если и не решающим дело, то во всяком случае столь значительным и весомым, что суд никак не может его игнорировать. Но и кроме того, из того факта, что то или иное доказательство не является «решающим», отнюдь нельзя делать вывода о нецелесообразности его проверки и использования, ибо всякое отдельно взятые «не решающее» доказательство в сочетании с другими доказательствами по делу может иметь существенное значение для решения дела.

Прокуратура Союза ССР по этим основаниям считала необходимым отменить решение народного суда и все последующие определения и постановления и передать дело на новое рассмотрение.

Президиум Верховного суда РСФСР 16 мая с. г., рассмотрев протест Прокуратуры Союза и принимая во внимание, что решение суда о признании Г. отцом ребенка Н. основано исключительно на объяснениях истицы Н. Мотив суда о том, что близкие отношения Г. с Н. подтверждаются также и свидетельскими показаниями, нельзя признать обоснованным, так как допрошенные свидетели прямо заявляли суду, что о сообщаемых ими фактах они узнали от самой истицы и показывают о них суду лишь ее слов. Хотя в спорах об отцовстве ребенка показания сторон не могут исключаться из числа доказательств по делу, однако на основании только личных объяснений сторон иск об отцовстве может быть удовлетворен или отвергнут лишь в том случае, когда объяснение сторон в достаточной мере подтверждается другими установленными судом объективными данными

дела. В материалах дела таких объективных данных, доказывающих достоверность объяснений Н., усмотреть нельзя. Из дела видно, что заявление Н. об отцовстве Г. и разговоры ее на эту тему со свидетелями относятся к тому периоду времени, когда Н. находилась в состоянии психического заболевания. Учитывая это исключительное обстоятельство, суд обязан был проверить, была ли она действительно больна в то время и каково состояние ее здоровья теперь, и в зависимости от выяснившихся результатов обсудить вопрос о достоверности показаний, данных ею и свидетелями, ссылающимися на ее слова. Поскольку истица не представила суду более или менее точных доказательств отцовства Г., суд должен был сам проявить максимальную активность в собирании доказательств и использовать все предоставленные суду законом способы для выяснения действительного отца ребенка, в частности, поставить вопрос о назначении по делу экспертизы крови, выводы которой в тех случаях, когда экспертиза дает результат, исключающий отцовство данного лица по отношению к данному ребенку, относятся к существенным доказательствам, игнорировать которые нет оснований, постановил: решение нарсуда Московского района г. Москвы от 10 мая 1937 г. и все последующие судебные определения отменить и дело возвратить в нарсуд на новое рассмотрение.

В СЛУЧАЕ СМЕРТИ ПОСТОЯННОГО СЪЕМЩИКА КОМНАТЫ, ВРЕМЕННЫЙ ЖИЛЕЦ НЕ ПОДЛЕЖИТ ВЫСЕЛЕНИЮ ПО ИСКУ Б. ЖАНТ

Гр. Смирнова въехала в конце 1936 г. на площадь к гр. Шатовой. Гр. Шатова, больная старуха, нуждалась в посторонней помощи, и близкие ей люди рекомендовали прописать в качестве постоянного жильца к себе на площадь гр. Смирнову.

Смирнова, как видно из показаний свидетелей, ухаживала за Шатовой как «за родной матерью», и когда гр. Шатова умерла, хоронила ее за свой счет.

Свидетель Давыдов на суде показал, что гр. Шатова требовала прописать ответчицу Смирнову как постоянную жилицу, но председатель правления ЖАКТ, будучи заинтересован в этой площади, прописал гр. Смирнову временно.

Однако нарсуд 4 участка Октябрьского района г. Москвы 26 августа 1937 г. удовлетворил иск правления ЖАКТ д. № 28 по ул. Виселки и решил выселить гр. Смирнову из занимаемой комнаты. Это решение было утверждено ГKK Мосгорсуда.

Прокуратура Союза ССР, считая решение нарсуда неправильным, опротестовала его по следующим основаниям:

Имея в виду, что в настоящее время в связи с законом от 17 октября 1937 г., когда ЖАКТ ликвидированы и, следовательно, те основания, которые приведены судом в его решения (нуждаемость в площади других членов ЖАКТ), должны отпасть, что заселение освободившейся площади теперь производится по ордерам жилотделов и ордер может быть выдан лицу, не проживающему в этом доме, что гр. Смирнова как стахановка имеет безусловное право на получение площади и при таком положении

является совершенно неправильным выселять ее из этой площади с тем, чтобы предоставлять ей площадь в другом доме.

Президиум Московского городского суда 9 мая с. г., рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил: решение нарсуда и определение ГKK Мосгорсуда отменить и в иске о выселении гр. Смирновой отказать.

ДЕЛО ПО ИСКУ РЖСКТ, В КОТОРОМ РАЙСОВЕТ УЧАСТВУЕТ НА СТОРОНЕ ОТВЕТЧИКА И В ТО ЖЕ ВРЕМЯ КАК ПРАВОПРЕЕМНИК ЛИКВИДИРОВАННОГО РЖСКТ СТАНОВИТСЯ ИСТЦОМ,— ПОДЛЕЖИТ ПРЕКРАЩЕНИЮ

В доме № 14 по Гомборской улице в Тбилиси, принадлежащем РЖСКТ «Железнодорожник», проживал член РЖСКТ Усанеташвили с женой Анной Усанеташвили и ребенком, занимая квартиру в 2 комнаты.

В 1931 г. супруги разошлись, после чего в судебном порядке за Анной Усанеташвили была закреплена одна комната в квартире. Анна Усанеташвили обменяла эту комнату на комнату в доме по Магистральной улице № 1.

В марте 1936 г. Усанеташвили умер, а вслед затем Анна Усанеташвили предъявила иск в суде о передаче ей и дочери комнаты, принадлежавшей б. мужу.

8 апреля 1936 г. нарсуд удовлетворил этот иск и допустил предварительное исполнение. На этом основании А. Усанеташвили сдала свою комнату по Магистральной ул. № 1 райсовету и переехала в квартиру по Гомборской улице.

Решение нарсуда было отменено ГKK Верховного суда ССР Грузии. При новом рассмотрении дела нарсуд 20 июля 1936 г. отказал РЖСКТ в его встречном иске о выселении Анны Усанеташвили. ГKK Верховсуда оставила это решение в силе, а президиум Верховсуда Грузии 25 января 1937 г. отменил решение нарсуда и удовлетворил иск РЖСКТ о выселении Усанеташвили.

Прокуратура СССР, считая постановление президиума Верховсуда ССР Грузии неправильным, опротестовала его по следующим основаниям:

До издания постановления ЦИК и СНК СССР от 17 октября 1937 г. суд вправе был поставить вопрос о переселении Усанеташвили в ее прежнюю комнату по Магистральной ул. (а не о выселении), поскольку согласно ст. 18 постановления ЦИК и СНК СССР от 13 марта 1924 г. «О жилищной кооперации» право на жилище сохраняется только за теми членами семей умершего члена РЖСКТ, которые проживали совместно с ним. Ввиду этого семья Усанеташвили, не проживавшая с Г. Усанеташвили в момент его смерти, не могла бы претендовать на его комнату в доме РЖСКТ.

Исходя из этого, президиум Верховсуда ССР Грузии обязан был бы отменить решение суда об отказе в иске РЖСКТ и передать дело на новое рассмотрение, с привлечением к участию в этом деле в качестве третьего лица райсовета, которому А. Усанеташвили передала свою комнату. Выносить же решение о выселении А. Усанеташвили президиум Верховсуда был не вправе.

Судебно-надзорная коллегия Верховного суда СССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила: постановление президиума Верховсуда Груз. ССР от 25 января 1937 г. отменить и дело вернуть в гражданскую кассационную

коллекцию того же Верховного суда на новое рассмотрение. Обратить внимание Верховного суда Груз. ССР, что если, в соответствии с постановлением ЦИК и СНК СССР от 17 октября 1937 г. РЖСКТ «Железнодорожник» ликвидировано и спорный дом перешел в ведение райсовета, настоящее дело подлежит прекращению, так как райсовет должен будет в этом деле заменить истца и в то же время быть третьим лицом на стороне ответчика.

Если же РЖСКТ сохранился или если дом перешел в ведение НКПС, необходимо будет заслушать дело по существу с участием представителя райсовета в качестве третьего лица на стороне ответчика.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ТИРАЖ КНИГИ, ВЫПУЩЕННЫЙ ИЗДАТЕЛЬСТВОМ ПОСЛЕ СРОКА, УСТАНОВЛЕННОГО ДЛЯ ПЕРВОГО ИЗДАНИЯ, РАССМАТРИВАЕТСЯ КАК ПОВТОРНОЕ ИЗДАНИЕ КНИГИ

28 августа 1934 г. Государственное учебно-педагогическое издательство заключило с проф. Потоцкой издательский договор на издание и переиздание труда под названием «Французская идиоматика». Договор был заключен сроком на 4 года с тем, что Учгиз обязался издавать труд в количестве не более 10 000 экз. для каждого издания и переиздания; при этом в пределах срока, установленного для осуществления каждого издания, это издание могло быть выпускаемо частями и в разное время. Срок для первого издания был установлен в 12 месяцев, считая со дня одобрения рукописи. За первое издание автору уплачивалось по 400 руб. за печатный лист, а за каждое повторное — по 240 руб. за лист.

Первое издание книги было, как видно из титульного листа, дано в набор 5 апреля 1935 г. Оно было выпущено тиражом в 3 000 экз.

Затем 17 ноября 1936 г., т. е. более, чем через 1½ года, был подписан к печати новый тираж книги, также в количестве 3 000 экз.

Автор книги предъявляет иск об уплате ему за этот тираж 2 280 руб. (из расчета по 240 р. за печатный лист), считая, что Учгиз осуществил повторное издание.

Нарсуд 4 участка Свердловского района г. Москвы 23 ноября 1937 г. отказал в иске, найдя, что Учгиз не мог полностью издать все 10 000 экз. ввиду недостатка бумаги. Поэтому, поскольку в договоре было предусмотрено право Учгиза осуществить первое издание в количестве 10 000 экз., иск автора, по мнению суда, не может подлежать удовлетворению.

ГКК Мосгорсуда 9 декабря 1937 г. утвердила решение, отметив, что так как дополнительный выпуск 3 000 экз., вместе с первоначальным тиражом, не превысил установленного договором количества для первого издания, — отказ автору в его требованиях правил.

Прокуратура СССР, считая, что приведенные решения подлежат отмене, опротестовала их по следующим основаниям:

Бесспорно, что издательство имело право выпустить в свет первое издание книги частями, с тем чтобы общее количество экземпляров не превысило 10 000 шт. Однако согласно п. 8 договора, издательство могло использовать это право лишь в 12-месячный срок со дня одобрения труда. По делу не установлено, когда труд автора

«Французская идиоматика» был одобрен к печати. Однако ясно, что одобрение имело место во всяком случае ранее сдачи книги в набор, т. е. 5 апреля 1935 г. Отсюда следует, что установленный договором срок для выпуска первого издания частями истек не позднее 5 апреля 1936 г. и издаваемые с этого момента новые тиражи должны были рассматриваться не как части первого издания, но как новые (повторные) издания книги.

Если даже исходить не из заключенного сторонами издательского договора, а из закона об авторском праве от 16 мая 1928 г. и 14 июня 1929 г., то, согласно ст. 23 закона, издательство имеет право на выпуск первого издания в течение 18 месяцев со дня одобрения труда. Этот 18-месячный срок истек в данном случае не позднее 5 октября 1936 г.

Новый тираж был выпущен издательством в конце 1936 г., будучи подписан к печати 17 ноября 1936 г. Издательство осуществило тираж позднее как срока, указанного для первого издания в издательском договоре, так и срока, установленного законом об авторском праве. Отсюда следует, что этот новый тираж должен быть рассматриваем не иначе как повторное издание книги, подлежащее особой оплате автору.

Возражая против иска, представитель издательства в судебном заседании ссылался на недостаток бумаги, вследствие которого издательство первоначально издало книгу тиражом только 3 000 экз. Это утверждение ничем не было доказано издательством и явилось голословным. Но если бы и оказалось, что действительно издательство не обеспечило выполнение своего производственного плана и не запаслось необходимым количеством бумаги, то последствия этого не могут перелagаться издательством на авторов в виде невыплаты авторам причитающихся по договорам сумм; не могут они и явиться поводом к освобождению издательства от принятых на себя обязательств.

Нарсуд и ГКК Мосгорсуда вынесли по настоящему делу решения в нарушение не только договорных условий сторон, но и в нарушение закона об авторском праве. Решениями нарушены интересы трудящегося — автора научного труда.

Президиум Московского городского суда, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил решение нарсуда и определение кассационной коллегии Мосгорсуда отменить и дело передать на новое рассмотрение в судебную-гражданскую коллегию Мосгорсуда.

ОТМЕНА ПРИГОВОРА ПО ВНОВЬ ОТКРЫВШИМСЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМ

Приговором водно-транспортного суда Днепровского и Днепро-Двинского бассейнов от 22 декабря 1937 г. Иванецкий Николай Захарович был признан виновным в том, что он, работая шкипером лайбы № 9267, в октябре 1937 г. похитил 855 кг угля из принадлежащего земкаравану Днепровской-11, за что сн по ст. 170 п. «е» УК УССР приговорен к лишению свободы сроком на 1½ года.

Определением водно-транспортной коллегии Верховного суда Союза ССР указанный приговор оставлен в силе, а кассационная жалоба Иванецкого отклонена.

В поданном, после вступления приговора в законную силу, заявлении обвиняемый Иванецкий указывает, что еще в 1936 г. им была получена на пристани Херсон для личных нужд одна тонна угля, которую у него в октябре 1936 г. заимообразно взял для земкаравана ДН-11 командир земкаравана Шумильчик, но последний не мог подтвердить это обстоятельство на суде, так как в период рассмотрения дела Шумильчик находился на излечении в больнице.

Из материалов дела видно, что обвиняемый Иванецкий в процессе предварительного следствия также утверждал, признавая факт самовольного забора им 855 кг угля, что тонну угля ему должен земкараван ДН-11.

Допрошенный в порядке производства дополнительного расследования свидетель Шумильчик показал, что в 1936 г. Иванецкий действительно одолжил ему для нужд земкаравана ДН-11 одну тонну угля, которую ему не вернули.

Как установлено справкой пристани Херсон, Иванецкий действительно в 1936 г. получил для личных нужд по ордеру № 2185 одну тонну угля.

Таким образом, материалами дополнительного расследования установлено, что Иванецкий не похищал угля с земкаравана ДН-11, а только самоуправно взял с земкаравана уголь в покрытие угля, который он одолжил земкаравану в 1936 г.

Судебно-надзорная коллегия Верховного суда СССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила приговор водно-транспортного суда Днепровского и Днепро-Двинского бассейнов от 22 декабря 1937 г. и определение водно-транспортной коллегии от 21 января 1938 г. по делу Иванецкого отменить и дело о нем прекратить.

* * *

Приговором линсуда Южно-Донецкой ж. д. от 3 октября 1937 г. гр. Лобанок В. Д. был признан виновным по ст. 56-30 «а» ч. 1 УК РСФСР и приговорен к лишению свободы сроком на 3 года без поражения в правах.

Определением транспортной коллегии Верховного суда Союза ССР от 12 октября 1937 г. приговор был оставлен в силе.

Лобанок был осужден за то, что, будучи дежурным по станции, не проследил за стрелочными постами, проследованном через них машинного паровоза, дал распоряжение стрелочникам о приготовлении маршрута пассажирскому поезду № 63, который был принят на третий занятый путь. Крушение было предотвращено лишь благодаря бдительности младшего стрелочника т. Колосика.

В процессе следствия по делу о к.-р. вредительско-диверсионной организации на Южно-Донецкой ж. д. были установлены новые обстоятельства, которые суду не были известны в момент рассмотрения данного дела, заключающиеся в том, что Лобанок являлся активным членом к.-р. организации и совершил данный диверсионный акт по заданию к.-р. организации.

По этим основаниям Прокуратура Союза опротестовала приговор линейного суда Южно-Донецкой ж. д. и определение транспортной коллегии Верховного суда Союза ССР.

Судебно-надзорная коллегия Верховного суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила приговор линейного суда Южно-Донецкой ж. д. от 3 октября 1937 г. и определение транспортной коллегии Верховного суда СССР от 21 октября 1937 г. в отношении Лобанок отменить по вновь открывшимся обстоятельствам и дело вернуть на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

ОТМЕНА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ТРАНСПОРТНОЙ КОЛЛЕГИИ О СНИЖЕНИИ НАКАЗАНИЯ, ВСЛЕДСТВИЕ НЕСООТВЕТСТВИЯ НАКАЗАНИЯ СОДЕЯННОМУ

Линейный суд Среднеазиатской ж. д. 20 мая 1936 г. приговорил по закону 7 августа 1932 г. уполномоченного отдела рабочего госснабжения ст. Чарджуй Сергеева И. Н., заготовителя ОРС Баранова А. Д., зав. магазином и складом Кузнецова Г. Ф., бухгалтера Крыгина П. М. и зав. буфетом станции Крановодск Хидурели А. С. к 10 годам лишения свободы каждого, с конфискацией принадлежащего им имущества, старшего бухгалтера куста ОРС станции Каган — Петрищева Е. С. по ст. 140 ч. 1 УК Уз. ССР — к 3 годам лишения свободы.

Транспортная коллегия Верховного суда 3 июля 1936 г. преступление Сергеева, Баранова, Кузнецова, Хидурели и Крыгина переквалифицировала по ст. 148 ч. 2 УК Уз. ССР и снизила всем наказание до 5 лет лишения свободы каждому.

В отношении Петрищева приговор был оставлен в силе.

Судебно-надзорная коллегия Верховного суда СССР 11 сентября 1936 г. переквалифицировала действия Крыгина по ст. 140 ч. 1 УК, снизив ему наказание до 3 лет лишения свободы, с отменой конфискации имущества.

Прокуратура Союза опротестовала определение транспортной коллегии Верховного суда СССР в отношении Баранова А. Г. по следующим основаниям:

Материалами предварительного и судебного следствия Баранов был изобличен в расхищении государственных средств за время его работы в качестве заготовителя ОРС ст. Каган с 8 октября 1936 г. по 26 мая 1936 г. в сумме 22 426 руб. и в качестве заготовителя ст. Чарджуй в сумме 39 376 руб. Всего Барановым было расхищено 61 802 руб. Хищение Баранов совершал путем представления к оплате сфабрикованных им фиктивных счетов с преувеличенной стоимостью заготовленных товаров на 100%.

Помимо этого, в целях большей наживы, Баранов заготовил для ОРС ст. Чарджуй 2 863 кг недоброкачественной рыбы, нанеся тем самым ОРС убыток в 10 000 руб., а также недогрузил рыбы на 5 674 р. 50 к.

Баранов — кулак, лиходец, при поступлении на работу скрыл свое социальное лицо, мошенническим путем добыл себе трудовой список, пользуясь которым поступал на работу в различные организации.

Преступления Баранова как по своим размерам, так и по способу их совершения являются социально опасными.

Линейный суд, применяя в отношении Баранова — явного классового врага, меру наказания по закону 7 августа 1932 года в виде лишения свободы сроком на 10 лет, недооценил значимо.

сти этих преступлений и социальной опасности личности Баранова.

Транспортная коллегия при переквалификации преступления Баранова с закона 7 августа 1932 г. на ст. 148 ч. 3 УК Уз. ССР совершенно выхолостила политическую сущность преступления Баранова и необоснованно снизила ему наказание до 5 лет.

Судебно-надзорная коллегия Верховного суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила: определение транспортной коллегии Верховного суда СССР от 3 июля 1936 г. в отношении Баранова Андрея Даниловича отменить и дело вернуть ей на новое рассмотрение.

НЕОБОСНОВАННОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ДЕЛА НА ДОСЛЕДОВАНИЕ

10 февраля с. г. водно-транспортный суд Каспийского бассейна осудил гр. Гина Т. А. по ст.ст. 146 п. 1 и 151 УК. Аз. ССР на 3 года лишения свободы без поражения прав.

ВТС признал установленным: что Гин, заведующий материальным складом Обпита с 10 января по 25 мая 1936 г., присвоил ценностей на 4 823 р. 18 к. и затем за этот же период времени работ вследствие преступной халатности при отпуске напитков по буфетам на пароходы не включал в фактуру стоимость посуды, что нанесло материальный ущерб Обпиту в 801 р. 92 к.

Тот же Гин, перейдя на работу зав. гастрономическим отделом магазина № 10, за время с 25 мая по 1 октября 1936 г. растратил 900 рублей. Часть этой последней растраты погасили Соловьев и Пузаков «как материально ответственные лица, работавшие совместно с Гином, а сумма 202 р. 85 к. остается не погашенной».

Таким образом за растрату 5 026 руб., что складывается из 4 823 руб. по складу + 202 руб. (а не 900, как пишет ВТК) по магазину Гин привлечен к уголовной ответственности по ст. 151 УК Аз. ССР и за недостачу 801 руб. по складу, Гин привлечен еще и по 1 ч. ст. 146 УК Аз. ССР.

14 марта 1938 г. ВТК Верховного суда СССР приговор по делу Гина полностью отменила и дело обратила к исследованию по следующим основаниям: Необходимо конкретизировать обвинение по 1 ч. ст. 146.

«Надлежит так же путем бухгалтерской экспертизы проверить суммы недостачи и излишков по складу и по магазину № 10, образовавшихся по вине Гина, так как признание судом общей суммы, растроченной Гином, в 5 026 руб. материалами дела не обосновано»...

Кроме того ВТК подчеркнула недостаточность собранных по делу доказательств для обвинения Гина в присвоении ценностей, что квалифицировалось по ст. 151 УК Аз. ССР.

Прокуратура Союза опротестовала определение ВТК как необоснованное по следующим основаниям:

Как показал сам Гин, по данному делу неоднократно производились бухгалтерские ревизии и выверки и лишь окончательный вывод был сделан судебно-бухгалтерской экспертизой 21 июня 1937 г.

С выводами экспертизы Гин полностью согласился, заявив на суде: «выверку бухгалтерской экспертизы я считаю правильной и с ней согласен».

Судебно-бухгалтерской экспертизой установлена по складу недостача в общей сумме 5 625 руб., т. е. как раз сумма, совпадающая с суммой, указанной в приговоре, а именно: а) присвоенные 4 823 руб. + б) недостача 801 руб.

Ввиду крайней противоречивости в показаниях свидетеля Аркелова, избличавшего Гина в присвоении материальных ценностей по складу, ВТК вправе была его показания исключить из доказательств обвинения и соответствующим образом изменить квалификацию преступления со ст. 15 на 1 ч. ст. 146 УК Аз. ССР, не отменяя приговора.

Что касается вопроса о неправильном обвинении судом Гина в растрате 900 руб. по магазину № 10, то при внимательном рассмотрении приговора становится понятным, что суд в конечном итоге признал Гина виновным по этому эпизоду лишь в растрате 202 руб., т. е. меньше суммы растраты, вменявшейся по обвинительному заключению.

Помимо всего прочего, водно-транспортная коллегия в данной части обвинения не учла того, что основным в деле Гина является его «работа» в складе, а не в магазине. Поэтому даже полное исключение из обвинения преступления Гина по магазину № 10 по существу не могло влечь за собой отмены приговора.

Судебно-надзорная коллегия Верховного суда СССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила определение ВТК Верховного суда СССР от 14 марта 1938 г. отменить и дело вернуть ей на новое рассмотрение.

* * *

18 декабря 1937 г. линейный суд Московско-Киевской ж. д. приговорил Мирошникова Ивана Ефимовича по ст. 59-3 п. «в» ч. 1 УК РСФСР к 7 годам лишения свободы без поражения в избирательных правах.

10 марта 1938 г. транспортная коллегия Верховного суда Союза ССР, рассмотрев кассационную жалобу Мирошникова, приговор линейного суда отменила и дело направила на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

Прокуратура Союза, считая, что это определение как неправильное и противоречащее фактическим обстоятельствам дела не может быть оставлено в силе и подлежит отмене, опротестовала его по следующим основаниям:

Указание транспортной коллегии Верховного суда СССР на неравномерное распределение тормозов в главной и хвостовой части поезда неосновательно, так как такое распределение тормозов допускается действующими правилами технической эксплуатации (§ 341 и 354). При проверке фактически расставленных тормозов в составе по натурному листку, никаких нарушений правил технической эксплуатации не было установлено.

В этой части определение транспортной коллегии Верховного суда также неправильно потому, что содержит требование о расстановке тормозов в составе, не предусмотренное действующими правилами технической эксплуатации.

Указание на то, что в поезде ехали посторонние люди, просившие машиниста замедлить ход на перегоне и скрывшиеся при крушении, неверно и не соответствует фактическим обстоятельствам дела.

Как видно из материалов дела, на платформе рядом с тормозной площадкой гл. кондуктора Пальчуна ехали с разрешения последнего два охотника с собаками — слесарь депо Банных и инструктор маслозавода. Эти лица никуда не скрывались, слесарь Банных был допрошен на предварительном следствии и подтвердил, что он просил машиниста Мирошникова замедлить ход на разъезде Соковинке, крушение же произошло на перегоне Марица-Конышовка, далеко от места предполагаемой высадки охотников. Последние ни в какой мере не могли быть причастны к крушению, поскольку ехали они не на тормозе, а на платформе рядом с главным кондуктором, который это обстоятельство подтвердил.

Указание на то, что вывод суда о причине крушения основан на предположениях и что для установления этой причины необходима экспертиза, несомненно, так как в деле имеется заключение о причине разрыва поезда по вине машиниста Мирошникова.

Это заключение находит себе подтверждение и в показаниях кондукторской бригады, что обрыв предшествовала сильная отяжка в составе поезда.

Далее, из материалов дела видно, что машинист Мирошников после крушения лично соединил разъединившиеся рукава автотормозной сети, что Мирошников сам не отрицает, и приказал кочегару Свиридову перекрыть концевой кран для того, чтобы свалить вину на машиниста паровоза-«толкача».

Судебно-надзорная коллегия Верховного суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила определение транспортной коллегии Верховного суда СССР от 10 февраля 1938 г. по делу Мирошникова Ивана Ефимовича отменить и дело вернуть ей на вторичное рассмотрение.

ОТМЕНА ПРИГОВОРОВ ЗА МЯГКОСТЬЮ НАЗНАЧЕННОГО НАКАЗАНИЯ

Приговором водно-транспортного суда Верхневолжского бассейна от 22 августа 1937 г. капитан парохода «Горец» Закхейн Н. Ф. по ст. 59-3 п. «в» ч. 1 был приговорен к 1 г. и т. р. условно.

Протест главного прокурора водного транспорта за мягкостью приговора водно-транспортной коллегией Верховного суда СССР был отклонен.

Прокуратура Союза опротестовала приговор водно-транспортного суда и определение водно-транспортной коллегии по следующим основаниям:

Капитан буксирного парохода «Горец» Закхейн, следуя очередным рейсом с двумя груженными баржами по реке Волге, вследствие неправильно взятого курса против Барбашиной полины, вышел из фарватера за подводную косу, в результате чего посадил на мель буксирную баржу № 228.

Чтобы выйти из фарватера, Закхейн сделал крутой поворот вправо, отчего вторая баржа № 225 ударила в корму первой баржи № 228, причинив баржам большие повреждения.

Таким образом, предварительное и судебное следствие установило, что авария произошла исключительно по вине обвиняемого Закхейна, уклонившегося с фарватера близко к берегу.

Кроме того усиливающим ответственность обвиняемого Закхейна является то обстоятельство, что

он пошел в рейс с неисправным рулевым управлением, которое не исправил в пути, вследствие чего в критический момент рулевое управление отказалось работать, создав благоприятную почву для аварии баржей.

При наличии такого грубого нарушения трудовой дисциплины со стороны капитана Закхейна, в результате чего были выведены из эксплуатации две баржи, суд определил Закхейну крайне мягкую меру наказания.

Судебно-надзорная коллегия Верховного суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила приговор водно-транспортного суда В.-Волжского бассейна и определение ВТК Верховного суда СССР отменить и дело вернуть на новое рассмотрение со стадии судебного следствия.

* * *

31 марта 1938 г. в 10 ч. 55 мин. машинист Самбур, следуя с резервным паровозом по путям станции Семейкино Северо-Донецкой ж. д., не следил за состоянием пути и не давал оповестительных сигналов, в результате чего наехал на шедших по пути граждан Турбина и Половинкина.

Линсуд Северо-Донецкой ж. д. 16 апреля 1938 г. приговорил Самбура Александра Сергеевича по ст. 56-30 п. «а» ч. 1 УК УССР к 3 годам лишения свободы.

13 мая 1938 г. транспортная коллегия Верховного суда Союза ССР заменила Самбуру лишение свободы условным осуждением. Основанием для этого, по мнению транспортной коллегии, является то, что в день происшествия была плохая погода.

Прокуратура Союза опротестовала определение транспортной коллегии по следующим основаниям:

Материалами дела установлено, что хотя погода была неблагоприятная, тем не менее видимость сигналов была хорошая — на расстоянии 300—400 метров. Допрошенные по делу свидетели показали, что машинист Самбур, следуя на станцию, дал сигнал около семафора и входных стрелок, а следуя по станционным путям, оповестительных сигналов совершенно не давал.

Судебно-надзорная коллегия Верховного суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила определение транспортной коллегии Верховного суда Союза ССР отменить.

13 января 1938 г. Лобаденко — бригадир 63 околodka 6 дистанции пути Ашхабадской ж. д. по распоряжению дежурного мастера Найденкова поехал с бригадой рабочих для производства ремонта по устранению толчков и перекосов на 902 км пути.

По прибытии на место Лобаденко не ограждал место производства работ сигналами, и вопреки распоряжению мастера Найденкова производить подрезку не более 4 шпал, дал команду рабочим производить подрезку 17 шпал сразу.

В это время по перегону со стороны разъезда № 84 следовал наливной поезд № 1005 (с бензином).

Вместо того чтобы немедленно принять меры к остановке поезда, Лобаденко приказал рабочим сделать подбивку балласта под подрезанные шпалы. Так как поезд был уже близко, рабочие выполнить эту работу не успели.

Поезд, следуя со скоростью 40 км в час, благополучно проскочил место работы лишь только потому, что состав его был коротким.

Когда поезд прошел, то путь на протяжении двух звеньев оказался поврежденным, рельс дал боковой прогиб на 74 мм и вертикальный прогиб до 119 мм.

Учитывая, что Лобаденко в прошлом имел два дисциплинарных взыскания за нарушения правил технической эксплуатации, увольнялся однажды с транспорта как дезорганизатор производства и что последним своим нарушением правил технической эксплуатации он создал обстановку для крушения наливного поезда,— линсуд Ашхабадской ж. д. 5 февраля 1938 г. приговорил его по ст. 54-17-3 УК Туркменской ССР к 6 годам лишения свободы.

9 марта 1938 г. транспортная коллегия Верховного Союза ССР, рассмотрев дело, совершенно неосновательно заменила Лобаденко лишение свободы исправтрудоустройствами.

Прокуратура Союза ССР опротестовала определение транспортной коллегии Верховного Союза.

Судебно-надзорная коллегия Верховного Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила определение транспортной коллегии отменить.

8 февраля 1938 г. линейный суд Московско-Киевской ж. д. приговорил Федченко Антона Павловича по ст. 56-30 п. «а» ч. 1 УК УССР к 3 годам лишения свободы.

15 марта 1938 г. Транспортная коллегия Верховного Союза ССР заменила Федченко лишение свободы исправтрудоустройствами сроком на один год.

Прокуратура Союза опротестовала определение транспортной коллегии Верховного Союза ССР по следующим основаниям:

Федченко был осужден за то, что он, будучи составителем, 16 ноября 1937 г. получив указание дежурного по станции о прекращении маневров в связи с прибытием поезда № 1502, вопреки этому указанию, дал сигнал маневровому паровозу с группой вагонов двигаться на 3-й и 4-й пути, вразрез маршруту прибывающего поезда, которому был уже открыт семафор.

Несмотря на подаваемые сигналы остановки, Федченко паровоза не остановил.

Крушение было предотвращено исключительно благодаря бдительности сигналиста Родина, успевшего перекрыть входной семафор.

Федченко в своей работе неоднократно допускал грубейшие нарушения правил технической эксплуатации. В частности, 18 января 1937 г. за аналогичный случай занятия вагонами маршрута скорого поезда на него было наложено строгое административное взыскание. В прошлом он судился за хищение грузов.

Судебно-надзорная коллегия Верховного Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила определение транспортной коллегии отменить.

НЕОСНОВАТЕЛЬНОЕ СНИЖЕНИЕ НАКАЗАНИЯ

20 декабря 1937 г. в 13 ч. 30 м. на ст. Одесса-Застава произошло столкновение двух маневровых составов.

Столкновение составов произошло при таких обстоятельствах: дежурный по станции Тымков

отправил на ж.-д. ветку Крекингзавода маневровый паровоз.

Не дождавшись прибытия с указанной ветки маневрового состава, он разрешил составителю Осадчику произвести на этой же ветке маневры другого состава.

Ст. стрелочник Каркажи, зная, что по ж.-д. ветке Крекингзавода должен возвратиться наливной состав, тем не менее выполнил незаконное распоряжение Тымкова о производстве на этой ветке маневров другого состава.

Линейный суд Октябрьской ж. д. в числе других, приговор ДСП Тымкова за это нарушение правил технической эксплуатации по ст. 56-30 п. «а» УК УССР к 5 годам лишения свободы.

Транспортная коллегия Верховного Союза ССР признала, что главным виновником крушения является ДСП Тымков, и отметила это обстоятельство в своем определении.

В резолютивной части определение указывает: «В отношении Тымкова, учитывая, что такие действия на станции имели место раньше, снизить меру наказания Тымкову до двух лет лишения свободы».

Таким образом, выходит, что основанием для снижения Тымкову наказания служит то, что он неоднократно допускал в своей работе грубейшие нарушения ПТЭ, в результате которых происходили крушения.

Прокуратура Союза ССР опротестовала это определение транспортной коллегии Верховного Союза ССР.

Судебно-надзорная коллегия Верховного Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза ССР, постановила определение транспортной коллегии Верховного Союза ССР по делу Тымкова как неправильное отменить и дело возратить в транспортную коллегия Верховного Союза ССР для второго рассмотрения.

ОТМЕНА ПРИГОВОРА ЗА ОТСУТСТВИЕМ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Линейный суд ж. д. им. Кагановича приговорил машиниста Носкова Василия Несторовича по ст. 59-3 п. «в» ч. 1 УК к 5 годам лишения свободы с запрещением после отбытия наказания занимать должности на ж.-д. транспорте, связанные с движением поездов, в течение одного года.

Транспортная коллегия Верховного Союза ССР приговор линсуда оставила в силе.

Прокуратура Союза ССР опротестовала приговор линейного суда и определение транспортной коллегии Верховного Союза ССР по следующим основаниям:

Машинист Носков был признан линейным судом виновным в том, что, следуя со ст. Чусовая с пассажирским поездом № 80 двойной тягой, не проявил должной бдительности и несмотря на сигналы не остановил поезда. Поезд проследовал предельный столбик, разрезал выходную стрелку и выехал навстречу товарному поезду № 937, который стоял у закрытого семафора. Поезд был остановлен стоп-краном.

Как видно из материалов дела, поезд № 80 был отправлен с грубейшими нарушениями правил технической эксплуатации. Согласно § 434 правил технической эксплуатации, при следовании поезда двойной тягой, ходом поезда управляет машинист первого локомотива, машинист

второго локомотива обязан повторять все сигналы первого локомотива и подчиняться этим сигналам.

В данном случае поезд следовал под управлением машиниста первого локомотива Бельтюкова, а управление тормозами находилось у машиниста второго локомотива — Носкова.

Материалами дела установлено, что машинист первого локомотива Бельтюков Носкову никаких сигналов не давал.

Таким образом, хотя Носков и являлся ведущим машинистом (поскольку управление тормозами находилось на втором паровозе), но машинист Бельтюков обязан был следить за сигналами в большей степени, чем Носков, и поэтому виновен больше, чем Носков. Между тем к уголовной ответственности Бельтюков привлечен не был.

Так же неосновательно обвинение Носкова в том, что он не заметил сигнала остановки, подаваемого работниками станции. В судебном заседании было установлено, что первый паровоз парил и вследствие этого видимость сигналов была резко снижена. Кроме того, видимость сигналов находилась со стороны помощника машиниста, а не со стороны машиниста Носкова.

Судебно-надзорная коллегия Верховного суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза ССР, постановила приговор линейного суда ж. д. им. Кагановича и определение транспортной коллегии Верховного суда Союза ССР по делу Носкова В. Н. отменить и дело о нем прекратить.

28 сентября 1937 г. линейный суд Южной ж. д. приговорил машиниста Леуса Владимира Леонтьевича по ст. 56-30 п. «а» ч. 1 УК УССР к 8 годам лишения свободы.

Транспортная коллегия Верховного суда Союза ССР приговор линейного суда оставила в силе.

Прокуратура Союза ССР опротестовала приговор линейного суда и определение транспортной коллегии по следующим основаниям:

Машинист Леус был осужден за то, что ведя поезд 15 августа 1937 г., проехал закрытый semaфор разбега Кривоухатки паровозом и двумя вагонами, так как несвоевременно затормозил состав.

Из имеющегося в деле заключения ревизора по безопасности движения Щербакова и Куц и начальника отделения паровозной службы Демьянова видно, что предупредительный диск у разбега Кривоухатки, вопреки требованиям правил технической эксплуатации, был установлен не на расстоянии 800 метров, а на расстоянии 297 метров. Таким образом, у Леуса не было нормального тормозного пути.

Кроме того, Леус находился на работе непрерывно в течение 19 ч. 30 м.

Судебно-надзорная коллегия Верховного суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза ССР, постановила приговор линейного суда Южной ж. д. от 28 сентября 1938 г. и определение транспортной коллегии Верховного суда Союза ССР по делу Леуса В. Л. отменить и дело о нем прекратить.

Линейный суд ж. д. им. Куйбышева приговорил Давыдова Петра Ефимовича по ст. 59-3 п. «в» ч. 1 УК РСФСР к 6 годам лишения сво-

боды с поражением в избирательных правах на 2 года.

Транспортная коллегия Верховного суда Союза ССР, исключив из приговора поражение в избирательных правах, в остальном приговор линейного суда оставила в силе.

Прокуратура Союза ССР опротестовала приговор линейного суда и определение транспортной коллегии по следующим основаниям:

Давыдов, электромеханик 4 дистанции сигнализации, был признан линейным судом виновным в том, что, приехав на 342 километр на автодрезине, не снял ее с пути и ушел в полуказармы. В это время на 342 километр прибыл поезд № 927, наехал на стоявшую на пути автодрезину, в результате чего у паровоза были повреждены продувательные краны и предохранительный клапан.

Из данных дела видно, что Давыдов 27 сентября 1937 г. выехал на перегон на съемной автодрезине «Пионер» для осмотра селекционной путевой связи.

Специально для охраны автодрезины он взял с собой Картушина.

На 342 километре Давыдову необходимо было проверить в полуказармах селекционную связь.

Давыдов заглушил мотор и предложил рабочему Картушину следить за дрезиной, не отходить от нее, причем дал также распоряжение в случае прибытия поезда снять автодрезину с пути.

Картушин, несмотря на это распоряжение Давыдова, бросил автодрезину и ушел от нее на далекое расстояние (1½ км).

В судебном заседании Картушин признался, что он, не снимая автодрезины с пути, ушел от нее и видел трубу паровоза прибывавшего поезда на расстоянии 1½ км.

Судебно-надзорная коллегия Верховного суда Союза ССР, рассмотрев протест прокуратуры, постановила приговор линейного суда ж. д. им. Куйбышева от 4 ноября 1937 г. и определение транспортной коллегии Верховного суда Союза ССР от 23 ноября 1937 г. по делу Давыдова отменить и дело о нем прекратить.

26—27 октября 1937 г. линейный суд Рязано-Уральской ж. д., в числе других, приговорил Щекочихина Андрея Степановича по ст. 59-3 п. «в» ч. 1 УК РСФСР к 10 годам лишения свободы с запрещением после отбытия наказания занимать должности, связанные с движением поездов, в течение 5 лет.

23 ноября 1937 г. транспортная коллегия Верховного суда Союза ССР снизила Щекочихину наказание до 5 лет лишения свободы.

Прокуратура Союза опротестовала приговор линейного суда и определение транспортной коллегии по следующим основаниям:

Щекочихин — дежурный по станции, был признан линейным судом виновным в том, что, принимая поезд № 1008, не прекратил маневров, вследствие чего поезд № 1008 был принят на второй путь, занятый маневровым составом.

Машинист поезда № 1008 своевременно заметил маневровый состав и остановил поезд на расстоянии 15—20 метров от него.

Из материалов дела видно, что Щекочихин перед приемом поезда дал распоряжение стар-

шнему стрелочнику Курьянову прекратить маневры формируемого состава и приготовить маршрут для приема поезда № 1008 на второй путь.

Курьянов, получив эту команду, не дал распоряжения составителю о прекращении маневров и не приготовил стрелки № 16 и 18, сообщив, однако, что маршрут поезда готов.

Щекочихин полностью выполнил требование § 388 правил технической эксплуатации, в котором указано: «Дежурный по станции, а там где имеется старший стрелочник, через последнего,

перед приемом поезда обязан прекратить маневры с выходом на путь приема поезда», следовательно, оснований признания его виновным в приеме поезда № 1008 на занятый путь не было.

Судебно-надзорная коллегия Верховного Суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила приговор линейного суда и определение транспортной коллегии Верховного суда Союза ССР отменить и дело о Щекочихине прекратить.

Всебелорусское прокурорское совещание

9-10 мая в г. Минске состоялось совещание работников прокуратуры Белорусской ССР с участием Прокурора Союза ССР тов. Вышинского.

На совещании был заслушан доклад прокурора БССР т. Новика о мероприятиях по ликвидации последствий вредительства в системе Прокуратуры БССР и об улучшении работы органов прокуратуры.

Ниже мы приводим сокращенную стенограмму доклада Прокурора БССР тов. Новика и наиболее интересные выступления с мест.

ДОКЛАД ПРОКУРОРА БССР ТОВАРИЩА НОВИКА

Враги народа, орудовавшие на протяжении долгих лет в руководстве органов суда и прокуратуры БССР — Шарангович, Левков, Кудельский, Глезеров — делали все для того, чтобы подорвать революционную законность, отвлечь внимание работников суда и прокуратуры от к.-р. и вредительской деятельности шайки шпионов, предателей родины, свивших гнездо в руководящих органах БССР и их агенты на местах. Чтобы вызвать недовольство трудящихся, с одной стороны, и прикрыть к.-р. антисоветскую деятельность врагов народа — с другой стороны, вражеское руководство прокуратуры, НКЮ и Верховного Суда БССР извращало карательную политику. Неосновательно привлекались к ответственности и осуждались на долгие сроки лишения свободы колхозники и трудящиеся единоличники, и покрывалась вредительская деятельность и грубейшие нарушения революционной законности.

Прокуроры и нарсуды получали директивы рассматривать дела в такие сроки, которые не обеспечивали полноты расследования и соблюдения процессуальных норм. По директивам вражеского руководства суда и прокуратуры, нарсуды и прокуроры при рассмотрении дел о невыполнении госпоставок и платежей не должны были входить в обсуждение вопроса о правильности начисления их неплательщику. Достаточно было одного акта, составленного работником сельсовета, для вынесения обвинительного приговора с лишением свободы на 3—5 лет и даже 10 лет.

Зато к лицам, преступная деятельность которых в области нарушения законности была слишком очевидной и требовала вмешательства карательных органов, применялась мягкая карательная политика, причем, как правило, привле-

кались к ответственности низовые работники, а основные виновники, вожаки контрреволюционной банды, оставались в стороне даже тогда, когда против них были явные доказательства.

Надзор органов прокуратуры БССР за законностью постановлений и распоряжений советских и других учреждений и организаций был совершенно заброшен. Вредительское руководство Прокуратуры БССР тормозило проведение в жизнь директив Прокуратуры Союза ССР в области общего надзора, вытекающих из директив партии и правительства. Ограничиваясь переадресованием этих директив периферии, враги народа не проверяли их выполнение.

На основе указаний Прокуратуры Союза и НКЮ СССР, нами были пересмотрены в первую очередь все судебные дела, связанные с осуждением колхозного актива и единоличников.

В результате этой проверки без изменения остались только 24% приговоров. Возбуждено ходатайство перед ЦИК о снятии судимости по 64% дел. Прекращено 8% дел, по остальным делам снижены меры наказания.

Наряду с пересмотром дел по колхозному активу, нами совместно с Верховным судом были пересмотрены также дела и о единоличниках. Из этой категории прекращены как неосновательно возбужденные 23% дел. Враги давали специальные директивы о том, чтобы в массовом порядке лишать по суду избирательного права трудящихся с тем, чтобы устранить их от участия в избирательной кампании.

Нами эти дела также пересмотрены, и сейчас принесено много протестов на неправильные приговоры.

Наряду с неосновательным привлечением в массовом порядке колхозников, единоличников, мы имели в ряде случаев смазывание дел о крупнейших нарушениях революционной законности. Отдельные руководители, которые сейчас разоблачены как враги, выполняя указания банды Шаранговича, Червякова, Голодеда, немало причинили вреда белорусскому народу. Путем массовых репрессий они пытались вызвать недовольство против советской власти и партии. В качестве примера можно напомнить известное всем лепельское дело.

В нашей работе огромное место должен занимать судебный надзор. К сожалению, наши прокуроры совершенно не занимаются судебным надзором.

За весь 1937 г. прокуроры выступили лишь по 9% дел, которые были направлены ими в суды

первой инстанции. В среднем это составляет 20 дел в год на каждую районную прокуратуру.

Особенно неблагоприятно с участием прокуроров в суде в Ветринском, Чашничском, Наровлянском, Дриссенском районах.

Мы имеем, правда, и положительные факты, когда некоторые прокуроры довольно активно участвуют в судах. Вот например, и. о. прокурора г. Минска т. Гинцбург активно участвовал в суде; прокурор Борисов — Узденский район, прокурор Фиткевич — Мозырский район, прокурор Кавалеров — Светиловичи, Флоризак — Холоничинский район и ряд других прокуроров довольно активно участвовали в суде.

Также недостаточно наше участие в кассационной инстанции. С участием прокуроров в кассационной инстанции было рассмотрено лишь 3,4% дел.

Надзорная работа. За 1 полугодие 1937 г. нами принесено 547 протестов, за 2 полугодие — 981; за январь — февраль 1938 г. — 180 протестов.

Таким образом, надзорная практика явно неудовлетворительна.

Есть у нас в БССР такие прокуроры, которые совершенно не занимаются судебным надзором.

К таким относятся: Бешенковичская райпрокуратура, Гресская, Кировская, Кричевская, Любаньская и Наровлянская.

Есть такие прокуроры, которые принесли по одному протесту за весь 1937 г. Например, Журавичская, Логойская, Старо-Дорожская, Чечерская, Ушаская и т. д.

Из общего количества принесенных за 1937 г. протестов отклонено 8%.

Мы сейчас должны реаким образом усилить наш судебный надзор. Надо, чтобы наши райпрокуроры чаще и больше выступали в первой инстанции, чтобы наш уголовно-судебный отдел решительным образом перестроил свою работу, более оперативно ставил вопросы руководства периферией, чтобы мы изучали отдельные наиболее важные судебные дела.

Я перехожу к следственной работе.

Состояние следственной работы в республике продолжает оставаться попрежнему на очень низком уровне. Поверхностный, несерьезный подход к рассмотрению вопроса о предании суду, грубые нарушения УПК в вопросах предания суду, небрежность в оформлении следственных дел — все это до сих пор имеет место в нашей работе.

Враги народа, орудовавшие долго в руководстве прокуратуры республики, всюду изображали дело так, что качество следственной работы в нашей республике стоит лучше, чем в других республиках и областях СССР.

Это хвастливое утверждение о том, что БССР по следствию занимает первое место в Союзе, преследовало цель усыпить нашу бдительность на этом решающем участке работы, оправдать практику массовых осуждений ни в чем виновных людей с тем, чтобы облегчить возможность врагам народа проводить свою вредительскую работу.

Если же посмотреть цифры, то оказывается, что каждый следователь у нас в республике пропускает 7 следственных дел в месяц.

Это положение тем более нетерпимо, что во многих районах остаток нерасследованных дел растет из месяца в месяц.

В этом отношении особенно неблагоприятно в наших крупных промышленных центрах: Витебске, Борисове, Орше и даже в Минске.

Всего по БССР из всех возбужденных за 1 полугодие 1937 г. дел прекращено 20%, а за 2 полугодие 1937 г. прекращено 18% из возбужденных дел. Причем по отдельным районам процент прекращенных дел значительно превышает средний процент по республике. Например, по Наровлянскому району 30%, по Уваровичскому району 36% и т. д.

Если сюда добавить еще цифру прекращенных судом дел, то получается чрезвычайно неприглядная картина. В 1937 г. судами прекращено 16% возбужденных дел, возвращено на доследование 6%.

Если сюда добавить дела, прекращенные самими следователями, то у нас по БССР почти 50% всех дел прекращено.

Чрезвычайно неблагоприятно у нас и со сроками расследования дел следователями.

За 1 полугодие 1937 г. в срок до 1 мес. расследовано 67% дел, до 2 мес. — 23%, свыше 2 мес., а в некоторых случаях даже до 1 г. — 14%. За 2 полугодие: до 1 мес. — 53%, до 2 мес. — 26% и свыше 2 мес. — 20%.

Целый ряд арестантских дел находится без движения на протяжении 2-3 мес. На это мы должны сейчас обратить самое серьезное внимание.

Какие основные недочеты в нашей следственной работе?

Отсутствие конкретности при расследовании — это общий для всех следователей недостаток. Допросы свидетелей и показания фиксируются общими фразами, без указания в протоколе — то ли это показывает обвиняемый, то ли свидетели и т. д. Например, следователь Любнянского района Мейшутевич в протоколе допроса обвиняемого, в заключении по делу Любановой пишет: «Любанова издевалась над колхозниками, не давала колхозных лошадей для привозки дров». Кому отказывала, когда это было, кого из колхозников обошли — ничего об этом в протоколе нет.

Следователь Паричского района Шипуля в протоколе допроса и в обвинительном заключении по одному делу пишет, что «в этом колхозе колхозное имущество расхищали направо и налево». Но кто расхищал, об этом не сказано.

Следователь Мозырского района Гордин, расследуя дело председателя артели «Утиль» Молочникова, пишет: «имел значительные протесты», но кто, когда, какие, где — ничего об этом не сказано. Дальше он пишет: «большая часть трюпа из партии 25 тонн сгнила на берегу реки». Какая большая часть, сколько тонн, ничего об этом не сказано.

Нужно, чтобы наши следственные органы конкретно формулировали обвинения и в своих допросах чтобы также были конкретны.

Перехожу к судебному надзору за гражданскими делами.

Количество гражданских дел в суде непрерывно увеличивается. За 1937 г. в производстве народных судов было около 130 000 гражданских дел. Практика показывает, что несмотря на ряд директив Прокуратуры Союза недопустимая недооценка гражданских дел многими районными прокурорами имеет место и сейчас. Ряд прокуроров — Быховский, Борисовский, Рогачевский,

Сиротинский, Дриссенский в 1937 г. не принимали участия ни в одном гражданском деле.

Прокуроры г. Могилева, Кличевского, Толочинского районов удосужились выступить в суде только по одному делу. Надзорная работа по гражданским делам остается неудовлетворительной.

За 1937 г. прокуроры, по имеющимся данным, рассмотрели в порядке надзора 3 072 дела, что составляет лишь 3% всех прошедших дел.

Это говорит об отсутствии внимания к гражданским делам. Мы должны сейчас на это дело обратить серьезное внимание.

О работе с жалобами. Надо сказать, что в системе прокуратуры бывшее вредительское руководство культивировало несоветское, бездушное, бюрократическое отношение к трудящимся. Враги старались этим вызвать недовольство среди населения. К посетителям было нечуткое, бюрократическое отношение, и надо прямо сказать в порядке критики и самокритики, что должного перелома и сейчас в смысле приема жалобщиков, в смысле разрешения жалоб по существу мы до сих пор не имеем.

Мы имеем огромный рост жалоб по сравнению с 1937 г., примерно на 56%, если взять в районном разрезе. Это обязывает нас, чтобы мы сейчас на это дело обратили очень серьезное внимание.

Товарищи, заканчивая свой доклад, я должен сказать, что партия, вооруженная указаниями товарища Сталина, провела огромную работу по разгрому контрреволюционных троцкистско-буржуазных и буржуазно-националистических шпионских гнезд. Партийный и государственный аппарат очищен сейчас от двурушников и предателей. Из наших рядов выброшен ряд пробравшихся в органы прокуратуры врагов народа. Однако эта работа по очищению наших рядов не может считаться законченной. Нужно эту работу продолжить и впредь со всей большевистской энергией.

Нам нужно при содействии партийных органов смело выдвигать на работу молодых и способных, честных, преданных нашему делу людей.

Прокуратура БССР, под руководством и при активной помощи ЦК КП(б)Б и Прокурора Союза, за последнее время проделала значительную работу по ликвидации последствий вредительства. Однако на этом успокаиваться мы не можем. Нам нужно усилить борьбу с врагами.

Нам нужно помнить слова товарища Сталина. «Пока существует капиталистическое окружение, будут существовать у нас вредители, шпионы, диверсанты и убийцы, засылаемые в наши тылы агентами иностранных государств.»

Эти слова нашего великого вождя говорят о том, что мы еще выше должны поднять нашу революционную бдительность, что мы должны овладеть большевизмом.

ПРЕНИЯ ПО ДОКЛАДУ т. НОВИКА

Тов. Бондарь.— У нас в городской прокуратуре, где имеются все возможности для надлежащей работы, до сегодняшнего дня плохо поставлено дело с жалобами трудящихся. У нас есть так называемые «ожидающие» жалобы, которые не разрешаются по 2-3 месяца. Особенно это относится к алиментным жалобам.

Тов. Вышинский.— Скажите, что это за ожидающие жалобы? Раз есть ожидающие жалобы, значит есть и ожидающие жалобщики.

Тов. Бондарь.— Это, в основном, алиментные жалобы, по которым мы делаем запросы. Ожидающие жалобы бывают главным образом тогда, когда ответчик не проживает в Минске. В таких случаях приходится запрашивать. Таких ожидающих жалоб лежит больше 50.

Тов. Вышинский.— Вот вы говорите, у вас ожидающие жалобы. Я интересуюсь, что это за ожидающие жалобы. В прокуратуре никаких ожидающих жалоб не должно быть. Жалоба поступила — ее надо рассмотреть, проверить, решить, чего же ожидать? Сколько же времени, у вас лежат такие жалобы?

Тов. Бондарь.— Дней пять а другой раз месяц. А есть такие, которые лежат и по два месяца.

Причина этого заключается в забвении этого участка работы, в невнимательном и безответственном отношении к жалобам трудящихся. Этот крупный недостаток нашей работы должен быть в ближайшее время изжит.

Тов. Курчанко (Наровлянский район).— Я — новый работник в прокуратуре. До этого я был председателем в колхозе. Райком партии выдвинул меня на должность пом. прокурора района. Естественно, что помощи в работе я должен ждать в первую очередь от райкома партии. На деле же я пока этой помощи не ощущаю.

Прокурор района зачастую уезжает в район по заданию райкома. Когда он возвращается, его ждет уже много дел. Ждут и живые люди, колхозники, которые приходят иногда за 40—50 км пешком. Приходят они со всякими жалобами и часто не застают прокурора, сердятся, говорят, что вот мы пришли за 40 км, а прокурора нет, не так скоро сможем опять прийти. И действительно, ведь они нескоро смогут попасть опять к прокурору. Райком должен был бы с этим считаться.

У любого из наших прокурорских работников собирается много дел по определенному сельсовету. Когда же райком партии посылает нас для проведения различных кампаний, то обязательно пошлет в другой сельсовет, не учитывая, что со всех точек зрения было бы полезнее, если бы мы побывали именно в том сельсовете, где мы можем одновременно разрешать наши деловые вопросы. Некоторые райкомы не оценивают еще, как следует, нашей работы и недостаточно помогают нам.

Я — помощник районного прокурора, а в суде еще ни разу не выступал. Характерно, что районный прокурор ни разу не предложил мне пойти в суд посмотреть, что там делается.

Нам нужна помощь, и помощь повседневная со стороны райкома партии, со стороны республиканской прокуратуры. Без помощи работать очень трудно.

Я хочу, чтобы в отношении выдвиженцев, пришедших в прокуратуру, был осуществлен лозунг товарища Сталина, который говорил, что людьми надо дорожить, что им надо помочь. Тогда мы действительно по-большевистски справимся с задачами, возложенными на прокуратуру партией и правительством.

Тов. Захаревич (Слуцкий район).— Недостатки, которые мы еще имеем в нашей работе, связаны, главным образом, с тем, что нами

недостаточно четко и полно выполнены решения февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б). Пленум ЦК обязал наркоматы регулярно созывать активы, на которых обсуждать принципиальные и практические вопросы. Приходится констатировать, что в прокуратуре БССР до недавнего времени такие активы не проводились.

Между тем, было бы очень полезно собрать нас и поговорить о недостатках, которые у нас имеются, и о путях их исправления.

По общему надзору районной прокуратурой в 1937 г. были внесены в президиум райисполкома 35 протестов. В 1938 г. принесено 19 протестов на постановления президиума райисполкома и 7 протестов на постановления горсовета.

Из принесенных в этом году протестов удовлетворено 5. Остальные еще не рассмотрены.

Такое количество нарушений закона частично объясняется незнанием законов. В этом виноваты и прокуроры, которые недостаточно работают над популяризацией законов.

В одном колхозе для принимаемых в колхоз был установлен испытательный срок, что является в корне неправильным.

Я опротестовал это постановление перед райкомом партии и президиумом райисполкома.

В апреле мы провели совещание с группами содействия. Всего у нас на учете 360 членов групп содействия, но среди них безусловно есть мертвые души, которые нами не выявлены. Есть отдельные группы, которые не работают, от которых мы не имеем сигналов.

Активно участвуют в нашей работе примерно 50 человек, которые нам систематически помогают.

В двух случаях я имел сигналы от групп содействия о совершенно неосновательном штрафовании колхозников за нарушение трудовой дисциплины. Я выехал на место и лично проверил. Оказалось, что человека оштрафовали на 25 дней за то, что он не вышел на работу.

Я договорился с председателем колхоза об отмене этого решения и сделал доклад на общем собрании о выполнении сельскохозяйственного устава. Это нарушение было отменено.

В 1938 г. выступал в суде 15 раз. Я считаю это еще недостаточным. Вместо того чтобы участвовать систематически в работе суда, я загружаюсь надзорной работой и приношу большое количество надзорных протестов. Это один из недостатков работы прокурора. Если бы я систематически выступал в суде, то вносил бы кассационные протесты.

Мы имеем большое количество алиментных жалоб, которые выходят за пределы одного района. По ним часто необходима проверка в другой области, крае, республике. Когда же мы запрашиваем другого прокурора, он не считает нужным дать ответ. По этому вопросу имеется указание Прокуратуры Союза, но оно не всюду выполняется.

Абрагимович (Прокурор Ветринского района).—За последнее время имеются некоторые улучшения работы по общему надзору. Мы стали регулярно просматривать обязательные постановления. В результате прокуратурой опротестовано 48 таких постановлений.

Раньше нарушения Устава с.х. артели проходили мимо нашего внимания. Когда же по указанию прокуратуры республики мы прове-

рили выполнение Устава с.х. артели, то выявили целый ряд нарушений.

Слабость следственного аппарата ощущается очень сильно. В результате следствие затягивается на большие сроки. Приходится самому вести следствие, и это приводит к ослаблению следственной работы. В суде я выступаю не чаще чем раз в месяц. Это, конечно, крайне недостаточно.

Гинзбург (Прокуратор БССР).—Основное в нашей работе сейчас заключается в ликвидации последствий вредительства в работе прокуратуры.

Сидевшие у нас в Белоруссии в течение ряда лет во главе прокуратуры разоблаченные ныне враги и предатели немало делали для того, чтобы принизить роль прокуратуры как стража революционной законности. Примером может служить левельское дело, которое вспыхнуло на процессе право-троцкистского блока. В руках прокуратуры были тогда прямые сигналы о вредительстве, но они прошли мимо прокуратуры.

Я недавно проверял работу товарища Захаревица, который только что выступал, и выявил, что целый ряд его сигналов о нарушениях революционной законности в Слуцком округе прежним руководителем прокуратуры республики были положены под сукно и не получили должного разрешения.

Одним из наиболее слабых мест в работе нашей прокуратуры является недостаточная работа групп содействия. Если в отдельных районах в городах есть одна-две группы содействия,—это исключение, а не правило.

У нас в Минской городской прокуратуре работали 3-4 группы содействия. Я могу перечислить их по пальцам: на фабрике имени Куйбышева, на фабрике им. Кагановича, еще на одном предприятии, и обчелся. Необходимо развернуть эту работу, расширить этот актив прокуратуры и оживить работу групп содействия.

Вопрос о качестве следствия—один из самых больших вопросов в нашей работе. По г. Минску мы за 1937 г. прекратили 26% всех следственных дел, иначе говоря, мы прекращали каждое четвертое дело и только три дела из четырех, имевшихся в производстве, направляли в суд. Наш следственный аппарат проделал, таким образом, четверть своей работы вхолостую. Мало того, сколько людей мы зря тянули как подсудимых, обвиняемых, а потом извинялись и освобождали их. Это наш самый серьезный недостаток. Неосновательное, непродуманное возбуждение многих дел, вот в чем коренной недостаток следствия.

Хочу сделать также замечание по организационному вопросу. Сейчас у нас в Минске действительно получается слишком много прокуратор. У нас здесь есть районная, городская, областная прокуратуры и прокуратура республики. Мне думается, что какое-то из этих звеньев можно с успехом ликвидировать. Таким звеном, по-моему, является городская прокуратура. Функции же городской прокуратуры должны быть переданы областной прокуратуре.

Русанов (Тереховский район).—Из всех выступавших здесь в прениях, я являюсь самым молодым юристом по своей подготовке. Я окончил 2-месячные курсы прокурорских работни-

ков и имею опыт практической работы в течение 3-4 дней.

Я обнаружил ряд дел, явно бесперспективных, но тянущихся год и более.

В принятых мною материалах прокуратуры я обнаружил дело по ст. 72, которое тянется, вернее, — лежит, год и 2 месяца. Когда мы начали разбирать его, оказалось, что человек, который привлекается, — умалишенный. Наряду с этим есть дела о серьезных преступлениях, которые тоже лежат без движения. Есть 23 таких дела о растратах. Общая сумма растрат составляет 50—60 000 руб. Из этих дел 7 — относятся к 1936 г., 5 дел — к 1937 г. Преступники гуляют на свободе, а дела лежат.

Лежат без движения 5 дел об убийствах, одно дело 1936 г., а 4 дела 1937 г.

5 дел о пожарах тоже лежат без всякого движения. Всего таких дел 85, которые давно возбуждены, но не окончены. Истребованные в порядке судебного надзора лежат 15 дел, но к ним никто не притрагивается.

Я стараюсь сделать все, на что я способен, чтобы выполнить свое дело как следует.

Нет пока помощи в подборе кадров.

Когда я приехал в район, мне сказали, что райком выделил для меня помощника прокурора. Я поговорил с этим человеком, и он мне не понравился. Оказалось, что он имеет выговор за клевету. Каждому ясно, что к нашей работе клеветник не может быть допущен.

Я хочу заверить наше руководство и наше совещание, что все свои силы и знания я отдаю на дело нашей партии, на дело рабочего класса.

Кровин (прокурор Оршанского района).— Я очень недавно работаю прокурором района и вообще в органах прокуратуры. Я хочу остановиться на некоторых делах, которые возбуждаются неосновательно, создают лишнюю нагрузку и дергают людей.

Вот, например, такие дела. Человек ехал с Осинторфа через Оршу. Здесь у него проверили паспорт, и оказалось, что штамп на паспорте неясен. За это его арестовали, полтора месяца продержали и в конце концов вчера освободили.

Или другое дело: из ночного санатория идет санитарка, несет 3 куска простынь, в которых будет не более 2-3 метров. Ее задерживает ж.-д. милиция и направляет дело в суд.

Эти 2 дела очень интересны с точки зрения, как мы еще иногда не считаемся с правами советского гражданина.

Плохо у нас поставлена работа по жалобам. Мы не в состоянии ответить прокуратуре республики на посланные нам жалобы по месяцу-полтора. У нас прокуратура очень большая. Мы обслуживаем 26 сельсоветов, 208 колхозов и т. д. В месяц поступает до 600—700 жалоб. И с работой по жалобам мы не справляемся. По месяцу — полтора они у нас не разбираются.

Лукиянов (прокурор Комаринского района).— Я работаю в прокуратуре с декабря 1937 г. Придя на новую работу, я встретился с таким фактом, что на протяжении 4 месяцев не было ни прокурора, ни следователя, ни судьи. В производстве было 50 следственных дел, большое количество заявлений и жалоб трудящихся, колхозников и единоличников. Работы много, а работать было не с кем.

Некоторые работники из следственного и уголовно-судебного отдела, прокуратуры республики явно перестраховывались, и в результате у нас по ряду дел неосновательно предъявлялось обвинение по ст. 69, в экономической контрреволюции. Прокурор района возбуждал эти дела как обычные уголовные, а из прокуратуры республики продолжали предъявлять обвинение по ст. 69.

Чтобы не быть голословным, я приведу конкретный случай. В одном из колхозов было сгноено 100 тонн картофеля. Из прокуратуры республики по этому поводу пишут, что если эти 100 тонн картошки действительно пропали, то надо полагать, что дело здесь не по 196 ст., а по 69.

Приведу другой пример. В колхозе на протяжении года пропало 200 голов поросят. За этот год переменялось 5 заведующих свинофермой. К ответственности же привлекли того человека, который был там лишь 1½ месяца.

Суд рассмотрел это дело и дал ему 6 мес. принудительных работ. Верховный суд республики отменил приговор и предложил возбудить дело по ст. 69, а обвиняемого взять под стражу. Я считаю, что такое отношение со стороны следственного и уголовно-судебного отделов должно быть в корне изменено.

Канторович (Витебск).— У нас в Витебской прокуратуре имеется 4 следователя, и к каждому из них поступает от 15 до 20 дел в месяц. Мы в таких условиях не можем согласиться с цифрой — 7 дел в среднем. Если наш следователь будет заканчивать 5—7 дел в среднем в месяц, то остаток незаконченных дел будет возрастать из месяца в месяц. Выходит, что надо заканчивать большее количество дел. Я лично заканчивала в месяц от 14 до 18 дел. Количество как будто немалое, но качество от этого страдало. Ведь заканчивая 18 дел в месяц, нельзя всесторонне, глубоко расследовать каждое дело, нельзя это дело культурно оформить и нельзя выкроить для учебы надлежащего количества времени.

Вывод отсюда один: необходимо возбуждать дела обдуманно, не принимая к следствию таких дел, где нет и намека на состав преступления. Особенно это касается прокуроров, которые зачастую направляют следователю переписки для производства следствия без достаточных оснований.

В 1937 г., например, в прокуратуру начали поступать от директора гинекологической больницы списки женщин, имевших выкидыши. Эти сообщения прокурор без разбора направлял следователю для расследования. Ясно каждому, к чему это приводило. Качество следствия и оформление от этого, безусловно, страдали, уж не говоря о том, что урывать время для учебы в таких условиях чрезвычайно тяжело. И если я сегодня являюсь студенткой 3-го курса Института права (заочного курса), то досталось мне это с большим трудом.

Но практика такого безосновательного возбуждения дел имела место при прежнем прокуроре. Сейчас прокурором у нас т. Рожанский, молодой прокурор. Я как более старый работник стараюсь оказать ему всемерную помощь в работе, особенно в следственной работе, в которой он еще недостаточно опытен.

Я пришла на работу в следственный аппарат 8 лет тому назад. Я слушала то, что мне стар-

шие товарищи, большевики, говорили, и у меня дело ладилось. Если теперь молодой работник приходит в органы суда и прокуратуры на работу и слушает толковые советы хотя бы и своих подчиненных, он толково работает.

Чтобы следственная работа шла правильно, надо, чтобы прокурор и следователь, вынося постановление, хорошо его продумали, чтобы прокурор и следователь были основательно подготовлены, и тогда не будет большого наплыва следственных дел и качество следственной работы поднимется на большую высоту.

Горуневич (прокурор Кормянского района).— Я хочу рассказать об ошибке, которую иной раз допускает даже опытный работник. В Кормянском районе я познакомился с следователем Лысенко. Он работает давно в органах прокуратуры, человек, знающий свое дело. Зашел я как-то к нему побеседовать и вижу, сидит у него в приемной человек 12 колхозников. Я спрашиваю их: дядьки, вы из одного колхоза? Да, нас, говорят они, вызвали по вопросу о надежде лошадей. Это меня возмутило. Посевная кампания в разгаре, а следователь вызывает сразу 12 человек из одного колхоза, в то время как он сам мог бы выехать на место и допросить их поодиночке. Присидели эти люди с самого утра до вечера. А ведь этот следователь — человек опытный, работает около 20 лет в органах прокуратуры.

Правда, когда я с ним поговорил, он согласился, что надо было выехать на место.

Шарафанович (пом. прокурора Минской области).— Я хочу, прежде всего, отметить, что некоторые наши прокуроры забыли о важнейшем методе улучшения работы, о социалистическом соревновании.

Вопросами соцсоревнования занимаются работники профсоюза, но не сам прокурор. Взять, например, Гомельскую прокуратуру. При проверке по профсоюзной линии было установлено, что ни один работник прокуратуры не имел социалистического договора.

При таком положении не удивительно, что там не прорабатывались своевременно важнейшие решения партии и правительства. Там до начала марта работниками прокуратуры не были изучены решения январского пленума ЦК ВКП(б). А ведь от работников суда и прокуратуры, от прокурора, в частности, требовалось выполнение, проведение в жизнь этих важнейших решений.

Крупным недостатком в работе прокуратуры, в частности, прокурора г. Минска, является крайне недостаточная борьба за соблюдение жилищного законодательства. В г. Минске, например, в столице Белоруссии, мы имеем значительное количество нарушений жилищного законодательства.

Если до постановления правительства от 17 октября 1937 г. была неясность в ряде вопросов и разноречие в выполнении жилищных законов, то закон от 17 октября дает верную почву для разрешения всякого рода вопросов жилищного хозяйства.

Многим нашим работникам известно дело Машковца, зав. жилищной инспекцией Минского горсовета. Этот человек, имея поручение подыскать жилищную площадь, занялся массовыми уплотнениями, не считаясь с тем, имеются ли излишки или нет. Эта кампания незакон-

ных уплотнений продолжалась с ноября 1937 г. по февраль 1938 г.

Незаконные уплотнения проводились Машковцом в отношении стахановцев, честных рабочих, вопреки постановлению правительства от 17 октября.

Мы не могли приостановить этих незаконных уплотнений. Я писал в прокуратуру республики и даже возбуждал уголовные дела против тех, кто действовал самоуправно, а мне объявили, что прокурор республики т. Новик приказал все эти дела прекратить. Почему, на каком основании?

(**Вышинский:** Придется возобновить).

Я очень прошу т. Вышинского проверить эти дела.

Необходимо усилить надзор за выполнением устава сельхозартели. Вот, например, в колхозе «Коминтерн» Замостокского сельсовета общее собрание принимает по докладу председателя колхоза такое постановление: «Партгору сельсовета т. Чернявскому за соблюдение политической линии в колхозе зачислить 0,50 трудодней». Кстати сказать, за 10 дней до этого об этом же партгоре, работавшем одновременно заведующим дома соц. культуры, президиум сельсовета записал: «признать работу ДСК плохой, ДСК бездельничает». С подобными нарушениями закона прокуратура должна повести решительную борьбу.

Тамаркин (гражданский отдел прокуратуры республики).— Говоря о ликвидации последствий вредительства, нельзя не сказать об одной из важнейших областей работы прокуратуры, о которой у нас, обычно, говорят мало, а что еще хуже, — и делают мало.

Я имею в виду работу по гражданским делам. Известно, что в области гражданского права вредительство и в теории, и в практике приняло значительные размеры. «Теоретики» кричали о том, что нет социалистического гражданского права, что наше гражданское право есть право буржуазное. А многие прокуроры и судьи-практики явно недооценивали гражданские дела, считали их ничтожными, не имеющими государственного и политического значения.

В результате работа по гражданским делам в органах прокуратуры оказалась заброшенной.

Прокуратура Союза в свое время поставила довольно резко вопрос об улучшении работы по гражданским делам. Были созданы гражданские отделы. И тем не менее, недооценка работы по гражданским делам у нас продолжается. Она наблюдается и у районных прокуроров, и в вышестоящих органах прокуратуры, и в прокуратуре республики, где гражданский отдел до настоящего времени в достаточной мере не занимался тем, чем должен заниматься — организацией работы периферии по гражданским делам.

Работа гражданского отдела шла самотеком. Ограничивалась она рассмотрением конкретных дел, жалоб, принесением протестов и т. п. Плановой же, руководящей работы не было, и главное, не достигнут еще перелом во взгляде на гражданские дела как на дела мелкие, незначительные, второстепенные. Возьмите хотя бы сегодняшние выступления. Никто из прокуроров не рассказывал нам о работе по гражданским делам. Понятно, очень важны уголовные дела, следствие и т. п. Но нельзя думать, что гражданско-правовая работа прокурора не касается.

Одним из важнейших показателей работы про-

куратуры по гражданским делам является участие прокурора в гражданском процессе.

Положение здесь таково: из рассмотренных 100 тыс. гражданских дел с участием прокурора слушалось только около 300 дел — это даже менее одного процента.

Можно назвать довольно крупные районы, прокуроры которых за весь 1937 г. не участвовали в суде ни по одному гражданскому делу. Взяты, например, Борисовского прокурора, Рогачевского, Сиротинского, Выховского, Ветковского и др. — эти прокуроры не удосужились выступить ни по одному гражданскому делу, потому что считают, что эта работа их не касается. Даже прокурор города Могилева выступал по одному делу. Минские прокуроры участвовали в суде по 13 делам. У нас есть и такие районные прокуроры, как прокурор Узденского района т. Борисов, который часто выступает в суде по гражданским делам. Это свидетельствует о том, что прокуроры могут выступать в суде и это нужно делать.

Совершенно недостаточно пользуются прокуроры ст. 2 ГПК. Незначительно также количество гражданских дел, проверяемых прокуратурой в порядке надзора.

Мы не можем брать установку на то, чтобы побольше дел проверять. Надо больше участвовать в суде, надо заботиться о стабильности решений суда, но при том количестве дел, которое у нас прошло, при том качестве, которое еще есть в рассмотрении гражданских дел судами, судебный надзор прокурора по гражданским делам совершенно недостаточный. Наше совещание должно, по-моему, сыграть большую роль в том смысле, чтобы покончить с этой недооценкой гражданских дел.

Кампук. — Организация групп содействия прокуратур имеет крупнейшее значение в усилении связи, их приближении к предприятиям, колхозам, совхозам. Между тем, очень редко можно найти районного прокурора, у которого работа с группами содействия поставлена на надлежащую высоту. Одна из причин этого кроется в том, что прокуроры не хотят опереться в этой работе на помощь профсоюзов. Прокурор района берет эту работу исключительно на себя, тогда как в коллективе работников суда и прокуратуры любого района вы найдете 14—20 человек. Почему бы прокурору вместе с общественной организацией, вместе с профсоюзами не поставить как следует этого дела? Наши прокуроры боятся или не хотят почему-то идти к профсоюзной общественности.

Возьмите вопрос о соцсоревновании. Я хочу предвзвешивать по этому вопросу счет нашим прокурорам. Профсоюзы возглавляют это дело, но прокуроры нам не помогают. В решении ЦК партии записано, что не только профсоюзы, но и хозяйственники должны заниматься вопросами соцсоревнования. Почему директор фабрики, директор небольшой артели занимаются вместе с профсоюзом вопросами соцсоревнования, а наши прокуроры не могут этим заняться? Они считают, что это дело только профсоюзов, и не оказывают нам помощи.

Из Оршанского района ко мне вчера поступила жалоба о том, что технические работники все охвачены соцсоревнованием и ударничеством, а прокуроры и нарушители отказываются от заключения содоговоров. Такое отношение к соцсоревнованию недопустимо и должно быть решительно изжито.

Попов (Червень). — Я прокурор молодой, работаю в прокуратуре всего лишь 4 месяца, но чувствую, что работу начинаю понимать, осваиваю ее.

Хочу указать на серьезный недостаток нашей работы. Он заключается в том, что иногда стараемся перестраховаться. Я бы мог привести пример по своему району, но думаю, что и по другим районам наблюдаются такие вещи.

Я считаю, что т. Новик в своем докладе недостаточно осветил вопрос о кадрах, особенно молодых, недавно попавших на работу в прокуратуру. Меня, например, на протяжении 4-х месяцев работы в прокуратуре республики ни разу не вызывали, не спрашивали, как я работаю, в чем мои недостатки.

Тов. Новик не указал также, какие мероприятия намечаются в будущем для повышения деловой квалификации и культурного уровня наших следователей и прокуроров.

У нас в Червеньской прокуратуре работают 3 человека и все они — новые работники. Поэтому, на такой участок, где работают исключительно новые люди, нужно обратить особое внимание.

Я считаю неправильной и вредной наблюдающуюся кое-где погоню за количеством законченных дел. Если мы будем заканчивать по 17—20 дел, а потом через один-два месяца их нам вернут для доследования, — грош цена такой работе. Поэтому я считаю, что количество законченных дел надо сочетать с безупречным качеством.

По Червеньскому району в 1937 г. было возвращено для доследования 11 дел. Это объясняется именно тем, что работают быстро, гонятся только за количеством и не заботятся о качестве следствия.

Гуков (Зам. прокурора БССР). — Наши прокуроры не сделали еще всего того, что должны сделать в связи с выборами в Верховный Совет Белорусской советской социалистической республики.

Некоторые прокуроры и следователи не учитывают исключительной важности работы, которую они должны будут провести во время выборов в Верховный Совет. В некоторых местах не дают надлежащего отпора всяким попыткам врагов народа помешать успеху выборов.

При выборах в Верховный Совет Союза ССР мы имели случаи, когда отдельные прокуроры и следователи совершенно не занимались вопросами, связанными с избирательной кампанией. Некоторые из наших работников и в настоящее время необходимых мер к развертыванию этой работы не принимают.

Такое отношение к исключительно важной и ответственной работе совершенно недопустимо.

Наши прокуроры и следователи не мобилизовали общественности — группы содействия, секции социалистической законности — на эту важнейшую работу. Такие прокуроры, как прокурор Чаусского района т. Мохоцкий, б. прокурор Меховского района т. Левин, прокурор г. Борисова т. Янанис, присутствующий здесь, не проявляют никакой работы с группами содействия и секциями революционной законности. Такое положение нетерпимо.

Прокурор Кричевского района, работающий в настоящее время пом. прокурора Горецкого района, не проявил во время избирательной кампании большевистской бдительности. В Кричевском

районе на общих собраниях колхозов были даны правильные и обоснованные отводы некоторым из выставленных кандидатов в состав участковых избирательных комиссий. Несмотря на эти отводы у прокурора нехватило смелости сделать все необходимое по этому вопросу.

Это позорно для тех органов прокуратуры, под носом у которых это делается.

Ряд прокуроров не информировали прокуратуру республики о проделанной работе по избирательной кампании. Это, например, прокуроры Старо-Дорожского района т. Еремин, Кричевского района Мелешко и г. Минска т. Кастьянов.

Лучше работали в этой области и работают сейчас прокуроры: Дриссенский т. Астапов, Лепецкого района т. Дыкман и другие товарищи. Они действительно по-большевистски включились в эту работу, своевременно информируют прокуратуру республики, местные партийные и советские руководящие органы. Но значительная часть прокуроров этого не делает.

Мы считаем, что эта работа исключительно ответственная и наши прокуроры обязаны сделать все необходимое, чтобы обеспечить проведение в жизнь избирательного закона, чтобы не нарушалась Великая Сталинская Конституция, Конституция Белорусской советской социалистической республики и избирательный закон.

Особое внимание прокуроры должны обратить на правильное составление избирательных списков, установить систематическое наблюдение за точным исполнением ст.ст. 18 и 19 избирательного закона БССР, которые обязывают рассматривать каждое заявление о неправильности в избирательных списках в 3-дневный срок и выдавать заявителям письменные справки о принятых решениях.

Необходимо осуществлять надзор за тем, чтобы народные суды строго соблюдали ст. 20 избирательного закона о рассмотрении жалоб на неправильности в списках избирателей в течение 3 дней.

Необходимо привлекать к ответственности всех тех, кто будет посредством угроз, обмана, подкупа и т. д. препятствовать осуществлению положения о выборах в Верховный Совет БССР.

Этой категории дел надо придать исключительное значение и рассматривать их в срочном порядке с участием прокурора.

Необходимо мобилизовать общественность, группы содействия, секции революционной законности. Это особенно касается прокуроров, которые ничего не делают в этом направлении, никакой связи с общественностью не имеют, нарушают приказ Прокурора Союза ССР т. Вышинского, нарушают указания прокуратуры республики.

Прокурор Союза дал конкретные указания, что должен делать в избирательной комиссии прокурор и как он должен работать с общественностью.

Письмом Прокурора Союза на прокуроров был возложен периодический созыв совещаний группы содействия для инструктажа и разъяснения важнейших законов и правительственных постановлений. Было указано, что работа групп содействия должна быть организована так, чтобы они своевременно сигнализировали органам прокуратуры о всех фактах нарушения социалистиче-

ской законности. Рекомендовалось организовать периодические отчеты членов групп содействия перед своими коллективами.

К сожалению, эта директива Прокурора Союза не выполняется большинством прокуроров. В г. Витебске ничего не сделано по этому вопросу, группы содействия отсутствуют, с секциями революционной законности работа не проводится. В Гомеле дело тоже обстоит плохо, в Речице ничего не сделали, то же самое и в Борисове, Мозыре и т. д.

Некоторые прокуроры рассматривают работу с группами содействия как какую-то кампанию, забывал, что эта работа должна проводиться систематически и повседневно.

Там, где прокурор работает с общественностью, он имеет от нее неоднократные и серьезные сигналы.

Прокурор Ветковского района, например, неплохо работает с общественностью, с группами содействия и имеет много сигналов. Из колхоза им. Кирова были сигналы о неправильном штрафовании колхозников. При проверке прокурор установил, что 20 с лишним колхозников были оштрафованы незаконно.

Я считаю эту работу исключительно важной, к ней нужно относиться исключительно серьезно.

Я хочу обратить внимание совещания на ослабление дисциплины среди части наших работников.

Среди некоторой части наших работников не чувствуется дисциплины, наблюдается расхлябанность и безответственное отношение к выполнению ответственных заданий.

Сегодняшнее наше совещание должно стать переломным в этом отношении.

Наши работники должны быть образцом дисциплины, они должны выполнять точно в срок задания партии и правительства, указания Прокурора Союза и прокурора республики.

Мы имеем факты невыполнения приказов. Возьмите такой факт. Следователь г. Орши т. Горкин получил приказ прокурора республики о назначении его на работу. В течение 4 дней он не выполнял этого приказа, не приступал к работе. Я считаю это самым недопустимым видом недисциплинированности.

Второй случай такой же. Тов. Лившиц, прокурор Березинского района, новый прокурор. Он работал раньше в других органах. Тов. Лившиц закончил 3-месячные курсы и приказом прокурора республики назначается на работу прокурором Березинского района. До сегодняшнего дня он к работе еще не приступил.

С этим явлением надо вести решительную борьбу.

Прокурор района должен быть теснейшим образом связан с партийным и советским руководством района. Он должен ставить актуальные вопросы на заседаниях райкома и горкома, на президиуме райисполкома, своевременно информировать местные руководящие партийные и советские органы, информировать прокурора республики по важнейшим вопросам и т. д.

В Могилеве работал прокурором некто Кундович. Он буквально провалил работу. Он не держал никакой связи с общественностью, не мобилизовал общественность в помощь прокура-

туре, наплеватьски относился к важнейшим сигналам, которые поступали в прокуратуру г. Могилева, в частности к сигналам печати. Когда газеты посылали Кундовичу для расследования те или иные заметки, он брал телефонную трубку и говорил: «Зачем вы посылаете мне эти заметки. Я — грамотный человек, читаю газеты. Я сам вычитаю все факты, которые мне нужно расследовать».

Такое безобразие, возмутительное отношение к сигналам печати сочеталась у Кундовича с ничужной работой в целом.

За последнее время прокуратурой республики проделана некоторая работа по укомплектованию нашей периферии выдержанными, способными, проверенными на деле работниками, большевистски бдительными, преданными коммунистами.

Но это далеко не все. Нужно и впредь укреплять нашу периферию, дисциплинировать ее, приучать работать так, как этого от нас требуют партия, правительство, требует Прокурор Союза. Я думаю, что после этого совещания наши прокуроры и следователи почувствуют еще большую ответственность и важность работы, на которую они поставлены.

Лившиц (Зам. прокурора Могилевской области).— Отдельные прокуроры до сих пор еще не включились по-большевистски в работу по ликвидации последствий вредительства.

Усилия вредителей, пробравшихся в органы прокуратуры, были направлены, с одной стороны, к ослаблению борьбы с к.р. элементами, а, с другой, к неосновательному привлечению к ответственности честных трудящихся. У нас было немало фактов неосновательного привлечения к ответственности председателей колхозов, председателей сельсоветов и колхозного актива.

Некоторые работники еще не поняли этой линии вредителей и иногда невольно продолжают ее, неосновательно привлекая к ответственности честных трудящихся.

Вредители извращали Устав с.х. артели, стремясь вызвать недовольство колхозников, а вредители в органах прокуратуры не вели борьбы с этими извращениями.

Мы сейчас поставили перед собой задачу — проверить в ближайшие три месяца, какие имеются в области нарушения Устава с.х. артели с тем, чтобы вытащить этот вопрос и поставить его в областном комитете партии. Мы обнаружили такие факты, когда 31 колхозника по Хотимскому району оштрафовали деньгами в размере от 5 до 112 руб. и продуктами — от 6 до 20 кг. За потраву были подвергнуты штрафу 28 колхозников. Их оштрафовали продуктами — от 2 до 5 кг и деньгами от 3 до 15 руб.

Можно было бы привести много фактов по тем 8 районам, от которых уже поступили материалы. Прокурор опротестовал эти взыскания, но они очень туго исправляются. Задача прокуратуры состоит в том, чтобы как можно быстрее ликвидировать эти беззакония.

Шабуров.— Я работаю в районе второй месяц.

С первого дня моего приезда я связался с районными организациями, зашел в райком партии, райисполком, комитет заготовок, связался с органами милиции, районным отделением НКВД. Я сразу установил ряд грубых нарушений Устава с.х. артели и поставил об этом вопрос в райкоме и в райисполкоме, но должных мер принято не было.

Сейчас у нас имеется 53 дела. Превенция практика была такова, что в первую очередь расследовались мелкие дела. Создавалось такое положение, когда крупные растратчики, растратившие по 10—12 тыс. руб., разгуливали на свободе и посмеивались. Это была вражеская практика. Я сразу выбрал крупные дела и занялся ими.

По нашему району исключительно плохо обстоит дело с выполнением мясозаготовок. Я это объясняю тем, что районные организации не возглавляли борьбы за выполнение мясопоставок, а некоторые руководящие районные работники сами эти поставки саботировали. Приведу для примера такой случай: приезжаю в район, выявляю, где плохо, и отправляюсь в сельсоветы. Приезжаю в Папернянский сельсовет. Сельсовет на замке. Нахожу там записку парторга Двоскина: «Приезжал прокурор. Положение с выполнением мясопоставок тяжелое, смотри мобилизуй актив и выполняй». А что он сам в это время делает? Берет своего кабана и резет в Минск на базар продавать. Я против него возбуждал дело и доказал, что он саботировал мясопоставки.

Я заверяю, что прорывы, которые имели место, и последствия вредительства в нашей работе мы полностью ликвидируем в ближайшее время.

Котик (прокурор Гомельской области).— Наша новая областная прокуратура взялась в первую очередь за следствие. Следственной работой мы должны показать, что есть прокуратура, которая борется с нарушителями революционной законности, борется с преступностью.

Мы проверили районные прокуратуры и выявили, что в ряде прокуратур имеется большая загрузка. В Тереховском районе, например, есть 70 дел, которые до настоящего времени не рассмотрены.

Мы стараемся на конкретных фактах учить наших районных работников, практикуем вызов отдельных следователей с делами, даем им надлежащие указания и учим, как надо работать.

В качестве примера я бы мог привести дело председателя колхоза Курочкина, который обвинялся в избиении колхозника и в растрате колхозного имущества. Дело было возбуждено в мае 1937 г. Следователь ничего на нашел в этом деле и прекратил его. Мы вызвали следователя с делом в областную прокуратуру. При проверке оказалось, что человек этот совершал явные преступления.

Мы отменили прекращение этого дела и предложили в самом срочном порядке закончить его. Кроме того, мы дали указание всем районным прокурорам о том, как нужно относиться к такого рода делам.

Работа судов в Гомельской области страдает крупными недостатками. Есть такие судебные решения, которые говорят о том, что эти суды не ведут борьбы за революционную законность и не имеют твердой линии в работе.

Я хочу привести несколько примеров. Вот дело народного суда Тереховского района. Финотдел и комитет заготовок подали иск, иск о взыскании с гр. М. причитающихся недоимок.

Судья заводит уголовное дело и без производства следствия, не соблюдая никаких процессуальных требований, приговаривает этого гражданина к лишению свободы.

А вот аналогичное дело того же суда. Гражданин осужден на 2 года лишения свободы. В приговоре при этом сказано: «Если вы задолженность будет погашена в течение 10 дней, приговор в исполнение не приводить».

Надо раз и навсегда покончить с такими нарушениями закона, которые допускают сами народные суды.

Из Прокуратуры Союза мы получаем очень ценные директивы, которые мы должны немедленно выполнять. К сожалению, поступление на места этих директив иногда запаздывает. Вот, например, о циркуляре Прокуратуры СССР, разграничивающем компетенцию милиции и следователей, мы узнали очень поздно. О существовании этой директивы мы узнали от органов милиции. Или же циркуляр о порядке административного выселения из ведомственных домов. Мы его тоже получили гораздо позднее милиции.

Мы ждем от Прокуратуры Союза большей работы о повышении наших юридических знаний. Надо нас побольше снабжать юридической литературой. Правда, мы получаем кое-какую литературу, но этого крайне недостаточно.

На нашем совещании никто не останавливался на вопросе о технических работниках. Между тем, работа технического аппарата имеет громадное значение. Следует сказать, что в аппаратах районных и городских прокуратур мы зачастую имеем на должностях технического состава калек, а иногда и недостаточно проверенных людей.

Нужно заняться этим вопросом, и в частности, вопросом об улучшении материального положения технических работников; это поможет нам подобрать лучших и более грамотных работников и тем самым лучше поставить нашу работу.

Лодысев (народный комиссар юстиции БССР).— Тов. Новик в своем обстоятельном докладе уделит значительное место работе суда. В судебных органах, как и в органах прокуратуры, орудовали на протяжении ряда лет враги народа. Эта банда фашистов, шпионов и диверсантов нанесла значительный вред нашему делу. Одним из методов их работы были неосновательные судебные репрессии против низового нашего актива. За самые маловажные проступки осуждали на 5, 8 и 10 лет.

Прокурорские работники недостаточно занимались судебной работой, и это облегчало врагам их подрывную работу.

Враги народа очень умело расставляли свои кадры, направляя их в первую очередь в наиболее ответственные районы.

Плохо обстоит дело с исполнением судебных решений, особенно по алиментным делам. Исполнительные листы лежат без движения годами. Прокуроры же на местах этим очень слабо интересовались. Значение этого вопроса огромно.

В самом деле, как мать-кормилица будет смотреть на наши судебно-следственные органы, если мы выносим решение в ее пользу и три года его не исполняем? Будут совершенно справедливые нарекания. Нас основательно обвинят в том, что мы ничего не делаем по части исполнения уже принятых решений. Нужно будет прокурорским работникам почаще заглядывать в наши судебные органы и действительно осуществлять надзор за выполнением судебных решений.

В отношении следственной работы дело обстоит также неблагоприятно. Процент прекращенных уголовных дел в нарудах очень значителен, причем в 1 квартале 1938 г. он возрос по сравнению с 1937 г.

Говоря о качестве следствия, нельзя переносить весь огонь на районных прокуроров. Если посмотреть, как пишут обвинительные заключения работники центральной прокуратуры, то легко можно убедиться в том, что и здесь на счет качества дело не вполне благополучно.

В качестве примера могу сослаться на дело М., который по обвинительному заключению обвинялся в том, что «порвал портрет Енукидзе и бросил на землю». На основании этого ему предъявили обвинение по ст. 72 УК, т. е. в контрреволюционной агитации. Областной суд, рассмотрев по линии спецколлегии это дело, отложил его слушание, так как он не мог судить по 72 ст. человека, порвавшего портрет врага народа Енукидзе.

Необходимо подчеркнуть безграмотность многих решений, которые выносят наши судьи.

Это объясняется опять-таки тем, что в нашем юридическом институте, готовящем кадры судебных работников, также сидели враги народа. Они принимали в институт людей, не имеющих достаточной подготовки для поступления в вуз, и в результате выпускали исключительно слабо подготовленных работников. На днях я столкнулся с таким фактом: одной женщине, которую рекомендовали на должность нарсудьи, надо было заполнить анкету. Она попросила мужа, чтобы он заполнил ей анкету и написал заявление. Естественно, что такого человека мы не можем рекомендовать в нарсудьи.

РЕЧЬ ПРОКУРОРА СОЮЗА ССР Т. ВЫШИНСКОГО А. Я.

На нашем совещании затронуто много вопросов, связанных с основными недостатками работы органов прокуратуры и теми задачами, которые поставлены перед нами нашей партией и правительством и разрешение которых является совершенно необходимым.

Интересы советского государства, дело социалистического строительства требуют, как этому нас учат Ленин и Сталин, строгого соблюдения социалистической законности, являющейся могущественнейшим рычагом в борьбе с врагами социализма, могущественнейшим средством укрепления нового, социалистического строя. На органы прокуратуры возложены, в связи с этим, ответственные обязанности. Работаем же мы, надо честно сказать, по-большевистски, неудовлетворительно.

Было бы грубой ошибкой нашу работу изображать в мрачном свете, было бы глубокой ошибкой не видеть тех улучшений, какие, несомненно, имеются в нашей работе. Даже состав людей, пришедших сейчас в нашу систему, представляет собою в массе большое отличие от того состава, с которым нам приходилось иметь дело раньше. Уже это одно свидетельствует о значительном улучшении нашего дела, ибо люди есть основное условие правильной организации работы.

Но это вовсе не дает нам оснований представлять себе дело так, что уже настал момент, когда можно, пожалуй, пойти на боковую, заняться восхвалениями и самовосхвалениями. А вы

знаете, что на сегодняшнем совещании были такие попытки — начать хвалить своих руководителей, с расчетом на то, чтобы руководитель похвалил тебя. Это было бы очень опасным делом, опасной болезнью, если бы она приняла сколь-нибудь серьезные размеры. Надо надеяться, что эта случайная вспышка не превратится в эпидемию, если своевременно будут приняты профилактические меры.

Основная причина недостатков прокурорской работы лежит, на мой взгляд, в глубоко вкоренившейся в умах, в сознании самих прокурорских работников, недооценке роли и значения социалистической законности как средства дальнейшего победоносного движения нашего вперед, как могущественнейшего и эффективного, совершенно реального, практического, я бы сказал, физически ощущаемого мероприятия по борьбе за укрепление социалистического строя, за укрепление пролетарской диктатуры, за укрепление нашего социалистического государства рабочих и крестьян. Многие товарищи все еще относятся к делу укрепления социалистической законности, к делу соблюдения наших советских законов, как к делу семейному. Не вполне усвоили они, видимо, все величайшее значение тех неоднократных предупреждений, которые мы имеем по этому поводу со стороны товарища Ленина и со стороны товарища Сталина.

До сих пор еще многие не понимают всего исключительного значения для нашей работы указания товарища Сталина, которое он сделал на XVII съезде партии, когда бичевал зазнавшихся вельмож, развращенных бюрократов, думающих, что законность это дело семейное, бо-ображающих, что законы писаны не для них, а писаны для дураков и привыкших в силу этого обращаться с законами так, как свинья с чужим огородом.

Между тем, дело укрепления нашей советской законности, дело укрепления нашего социалистического правопорядка — важнейшее дело, играющее крупнейшую роль в укреплении пролетарской диктатуры, в обеспечении дальнейших успехов и побед нашего социалистического строя.

Именно поэтому наши враги били в эту точку, старались подорвать самые основы нашего правопорядка, самые основы советского социалистического строя.

Если взять, например, закон 7 августа 1932 г., то он был ответом нашей партии и правительства именно на эти вражеские попытки подорвать самую основу советского строя, священную и неприкосновенную социалистическую собственность.

Но подрывать социалистическую собственность можно по-разному: можно подрывать ее экономически, воруя, расхищая эту социалистическую собственность, а можно ее подрывать политически, не применяя закона 7 августа, призванного эту священную и неприкосновенную социалистическую собственность охранять.

Враги наши действовали в обоих направлениях. Враги, сидевшие в народном хозяйстве, стремились, как это отчетливо показал процесс антисоветского право-троцкистского блока, подорвать нашу общественную собственность в первую очередь экономически. Показания Зеленского и ряда других врагов, разоблаченных до конца на предварительном следствии и на суде и показавших при этом свой отвратительный образ

всему миру, подчеркивают, что они старались подорвать нашу социалистическую собственность именно потому, что она есть основа советского строя.

Враги, сидевшие в наших органах, начиная от Крыленко и кончая этими Глезеровыми и Кузьминными, которые подвизались здесь, на Белорусской земле, старались ту же вражескую работу проводить в соответствии с теми условиями и той обстановкой, в которых они работали в соответствии с теми возможностями, какие были в их руках, как работников юстиции. Им широко практиковалось привлечение к ответственности не тех, кого нужно было, привлекать, широко практиковались эти «колосовые» дела, которые вспомнил здесь Наркомюст Белоруссии.

Целый ряд деятелей нашей прокурорской и судебной системы оказались активными членами контрреволюционных право-троцкистских организаций, часть из них — шпионами, как например Пашуканис, организаторами диверсионной работы в нашей системе, как например Крыленко. Усилия этих врагов направлялись на одну общую для них цель — подорвать успехи социализма, повернуть нашу страну к реставрации капитализма, предательски подготовить условия к тому, чтобы вражеская нога, вступившая на нашу родную землю, могла бы уверенно двигаться дальше вглубь нашей страны, к самому ее сердцу — великой Москве, где живет и руководит всем делом социализма великий Сталин (продолжительные аплодисменты, все встают), двигаться по нашей священной земле, опираясь на те гнезда, на те вражеские кадры, которые нами были сформированы, организованы и подготовлены.

Дело укрепления социалистического правопорядка — это дело, от которого в значительной степени зависят наши успехи во всех решительно отраслях нашей хозяйственной и культурной жизни. Не случайно Ленин писал еще в 1919 г. по поводу побед рабочих и крестьян над Колчаком о том, что всякое нарушение революционной законности есть дыра, через которую враг попытается пролезть, чтобы творить свое вражеское дело.

Еще в 1919 г. Ленин предупреждал против всяких нарушений законности, являющихся дырой, лазейкой для врагов.

Такая постановка вопроса о социалистической законности, глубоко правильная, гениальная, обязывает, разумеется, органы прокуратуры, суда и всей советской юстиции в целом к тому, чтобы понять свое положение в системе пролетарской диктатуры, понять свое место в общей борьбе за социализм и это подобающее нам место занять (это не малая наша задача). Пора понять, что место, отведенное нашим органам, в высокой степени ответственно, политически важно и значительно.

Товарищ Сталин в 1929 г. в статье, направленной против правых уклонистов, раскрыл особенности пролетарской диктатуры, указав на то, что пролетарская диктатура есть объединение трех основных ее особенностей и без любой из них пролетарская диктатура была бы неполной.

Говоря о подавлении сопротивления эксплуататоров, об организации масс вокруг нашей партии для борьбы за социализм, для окончательного отрыва их от всякого рода буржуазных влияний, говоря об огромной организационно-массовой работе нашей партии, товарищ Сталин указывал,

что сущность пролетарской диктатуры не исчерпывается насилием.

Ленин и Сталин учат, что насилие есть неизбежный элемент, но не главный в диктатуре пролетариата. Главное состоит в том, что рабочий класс как передовой отряд трудящихся нашей страны, опираясь на братский союз с трудовым крестьянством, ведет весь наш народ на борьбу и победу во имя социализма.

Сталин, говоря о трех сторонах диктатуры пролетариата, не случайно указывал, что диктатура пролетариата имеет свои периоды, свои этапы развития. Развивая эту мысль, Сталин указывал, что бывают такие этапы, когда на первый план выступает насильственная сторона диктатуры пролетариата. Это, конечно, не означает, говорит товарищ Сталин, что на этих этапах приостанавливается созидательная работа социализма. Но главное, на первый план в эти периоды выступает насильственная сторона диктатуры пролетариата.

Но бывают, говорит товарищ Сталин, и такие периоды диктатуры пролетариата, когда на первый план выступает мирная, организаторская работа, революционная законность и т. д.

Товарищ Сталин связывает таким образом наиболее благоприятные условия для расцвета революционной законности с мирными периодами развития диктатуры пролетариата, и это вполне правильно, вполне естественно.

В итоге двух сталинских пятилеток наша страна одержала блестящие успехи в деле организации нового социалистического общества. В нашей стране социализм победил окончательно и бесповоротно. Именно поэтому наша величайшая эпоха озаглавлена расцветом социалистической законности, нашедшей свое блестящее, всемирно-историческое выражение в великой Сталинской Конституции.

Сталинская Конституция есть основной закон социалистического государства рабочих и крестьян. Поэтому в ней так много места уделяется органам суда и прокуратуры как хранителям советского закона.

Укажите другую страну, где в конституции была бы специальная глава, посвященная организации суда и прокуратуры и работе этих органов.

Ни в одной конституции ни одной капиталистической страны, даже самой «передовой», вы не найдете такой главы, потому что подлинная демократия имеется только в нашей стране.

Если в конституции фашистской Польши лицемерно говорится, что суд независим, то никто этого не принимает всерьез. Всякий отлично знает, что значит «независимость» суда в понимании фашистов.

Не случайно то обстоятельство, что в нашей Конституции, в главе 9, имеются специальные статьи, посвященные организации судебной системы, основным принципам судопроизводства, провозглашающие гласность суда, дающие право подсудимому на защиту, разрешающие судопроизводство на родном языке.

Не случайно в ст. 113 Конституции сказано, что высший надзор за исполнением законов в нашей стране возлагается на Прокурора Союза. И не случайно, что Прокурор Союза оказался единственным человеком, который назначается, или избирается на 7 лет, в то время как члены суда назначаются максимум на 5 лет, а сам Вер-

ховный Совет Союза избирается на 4 года. Это все не случайно.

Это все подчеркивает дух строгой законности, направленный на то, чтобы укрепить социалистическую дисциплину в нашем обществе, сделать незыблемым социалистический правопорядок, созданный руками рабочих и крестьян на основе диктатуры рабочего класса, в результате блестящих побед, одержанных в борьбе за социализм.

Победа социализма — это тот всемирно-исторического значения факт, из которого вытекает поставленная товарищем Сталиным задача стабилизации наших законов. Стабильность законов, говорит товарищ Сталин, нам нужна теперь больше, чем когда-либо.

Здесь подчеркнуты две мысли: во-первых, законность нам нужна была всегда, а во-вторых, сейчас она нам нужна больше, чем когда бы то ни было.

Законность нам всегда нужна была, с первых дней Октябрьской революции.

Наша партия, рабочий класс, наш советский народ, победивший в Октябрьские дни, взяв штурмом Зимний, низвергнув и изгнав временное правительство, разрушив, следуя заветам Маркса и Энгельса, буржуазную государственную машину и, в частности, машину царской юстиции и юстицию Керенского, издал декрет от 24 ноября 1917 г., известный под названием декрета № 1 о суде.

8 ноября 1918 г. наше правительство издает специальный декрет о точном соблюдении законности.

Можно было бы указать бесконечное множество фактов, которые свидетельствуют о том, что с первых же дней Октябрьской революции вопрос о законности был поднят нашей партией, рабочим классом, революцией на громадную и вполне заслуженную политическую высоту.

И приходится удивляться некоторым профессорам, пытавшимся спекулировать именем Маркса, когда они утверждали, что первая эпоха нашей революции вплоть до 1922 г., вплоть до появления наших первых кодексов: уголовного, процессуального, земельного, была эпохой, когда революционная законность не играла никакой решительной роли, когда будто бы единственным источником организации правовых отношений являлось то, что эти господа называли «революционный импульс», «революционный инстинкт» как будто бы речь шла не о сознательных людях, творивших собственными своими руками свою собственную жизнь, а о каких-то несознательных существах.

Социалистическая законность, как и социалистическое наше право, была с первых дней своего возникновения именно социалистической.

С первых дней Октябрьской революции законность у нас была в почете. На укрепление законности были направлены громадные силы нашей партии, огромные усилия нашего правительства. Это, конечно, не исключает эволюции в данной области, развития социалистической законности, которое в известные периоды, как этому учит нас товарищ Сталин, выдвигается на первое место вместе с мирной, организаторской, культурной работой.

Такую эпоху мы переживаем сейчас. Вот почему сейчас так остро стоит вопрос о революционной законности, вот почему к нам предъявляются строгие и серьезные требования, вот поче-

му сейчас особенно недопустимо самое малейшее нарушение революционной законности, даже такое нарушение, которое несколько лет назад не могло бы вызвать ни удивления, ни возмущения. Сейчас даже малейшее нарушение прав советского человека вызывает протест, возмущение, раздражение и со стороны того, чьи права нарушены, и со стороны окружающих.

Это прекрасно поняли враги, которые направляли свои усилия к тому, чтобы сознательными нарушениями закона вызвать побольше возмущения.

Как могли вредить враги-прокуроры, как они могли осуществлять свою подлую работу?

Конечно, незаконными арестами, неосновательным привлечением людей к ответственности, передачей дел в разные прокурорские и следственные инстанции, доведением людей до белого каления.

Я узнал случай, что в Белоруссии имеется одно уголовное дело, которое тянется пять лет и следствие еще не закончено.

Конечно, это не делается так просто, что человека 5 лет тому назад арестовали, ведут следствие и оно еще не закончено. Нет, это не так делается. В первый раз дело закончили, направили его по инстанциям, «мурыжили» его, «мурыжили», потом направили на исследование, потом во второй и в третий раз дело проделало этот путь и так пять раз возвращалось на исследование, а каждое исследование длилось по году, если не больше.

Кого это бьет? Если человек действительно виноват, то за эти пять лет он уже отбыл срок наказания. (Смех.)

Это бьет нас, представителей государства.

Некоторые наши работники думают, что никто на него не смотрит, что он как представитель власти находится на необитаемом острове, в стратосфере, что никто не видит, что он делает.

Это глубокая ошибка. В действительности у этого арестованного имеются родственники, знакомые, у знакомых еще знакомые, идут слухи, молва.

Подобного рода дела нельзя расценивать как простые недостатки аппарата, бюрократические извращения. Это один из способов вредительства, один из способов борьбы против советской власти. Можно основательно напакостить советской власти, если по 5 лет вести следствие по любому делу.

Все это, в конечном итоге, сводится к основному недостатку, которым мы, к сожалению, страдаем в глубокой степени, к непониманию места прокуратуры в системе государственного управления, непониманию того, что прокурор является носителем идеи советской государственности.

Может быть, кто-нибудь из очень ортодоксальных «марксистов» запротестует, считая, что я впадаю в идеализм. Но я прямо говорю: «Идея советской государственности», наша идея, опирающаяся на материалистическое понимание развития общества.

Наши прокуроры иногда не понимают, что они выступают не просто как Иванов, Петров, Сидоров и т. д., а как представители советского государства.

В буржуазном обществе в этом отношении есть другое отличие. Там судья надевает на себя цепь и считает, что он не Иван Иванович Иванов, а судья, и его слово — это не слово Ивана Ивановича Иванова, а слово судьи.

У нас этих цепей мы на плечи не надеваем, но мы, вынося приговор, решение, провозглашаем это решение от имени нашей республики.

Прокурор действует в силу предоставленных ему законом прав и полномочий и, следовательно, ни на минуту не должен забывать, что он является символом советской власти. Он своей деятельностью, и не только деятельностью служебной, но и всем своим поведением, всем своим бытовым поведением, — является символом советской власти.

Что бы вы сказали, если бы прокурор, выступая в судебном заседании, был бы в таком виде, в каком ходил у себя по комнатам Илья Ильич Обломов. Хотя я не уверен, что все присутствующие знают, кто такой Илья Ильич Обломов, так как он в их делах не проходил у них по делу. (Смех.)

Это было бы весьма неприглядное зрелище, прямо дискредитирующее органы государственной власти.

Наш прокурор должен раньше всего отличаться известным, а бы сказал, чувством самосознания, чувством своего собственного прокурорского достоинства.

Если прокурор, хотя бы даже в выходной день, попробует вверх ногами ходить по улице, то это ни в какой мере не будет содействовать внедрению в население уважения к его особе. Хотя, кажется, что в выходной день каждый имеет право ходить, как он хочет.

Нет часто у наших прокуроров сознания того, что ты действуюешь не за свой риск и страх, а за риск и страх всего государства, что в твоих действиях воплощены, а бы сказал, известные атрибуты государственной власти.

Это связано со все еще невысоким уровнем политической и юридической культуры наших прокуроров. О культуре — и политической и юридической — у нас еще очень мало думают, хотя я не сомневаюсь в том, что когда обсуждают тот или иной вопрос на том или ином совещании, то все единогласно голосуют и за культурные методы работы, и за культуру в быту, и за овладение большевизмом и т. д. и т. п.

Овладеть большевизмом — это значит овладеть социалистической культурой. Тот, кто не овладеет этой культурой, не сможет овладеть большевизмом... Недаром же Ленин говорил, что неграмотный человек стоит вне политики.

Это же нужно сказать в достаточной степени открыто о прокурорах. Политически, юридически неграмотный прокурор не может быть политическим деятелем, каким он призван быть.

Основная задача, которая сейчас стоит перед нами и, в частности, перед молодыми товарищами, пришедшими в нашу прокурорскую систему, заключается в том, чтобы переварить богатейший материал, который посвящен вопросу революционной законности в трудах Ленина и Сталина, извлечь из этого богатейшего мате-

риала основные фундаментальные установки, которыми мы должны руководствоваться в нашей работе, без которых нашу работу вести, как следует, нельзя.

Я не уверен, что молодые наши товарищи знают такие документы, как работы Ленина, относящиеся еще к периоду 1917—1922 гг., посвященные вопросам революционной законности. Дело прокуратуры республики и Прокуратуры Союза помочь нашим товарищам в усвоении этого руководящего теоретически-научного материала, который имеет для нас в высокой степени важное практическое значение.

Если вы, скажем, прочтете письмо Ленина, относящееся к 1921 г. (том XXIX, стр. 401), то увидите, что некоторые строки этого письма являются прямым указанием нам в нашей работе.

Вот что пишет Ленин:

«...затем поручаю Вам расследовать дело о простое шведского завода «Нитвес и Гольм» («Экономическая жизнь» № 194, с. 4). «Медленно оформляли» заказ на водные турбины!! В коих у нас страшный недостаток! Это верх безобразия и бесстыдства! Обязательно найдите (подчеркнуто курсивом) виновных, чтобы мы этих мерзавцев могли сгноить в тюрьме».

Дальше:

«Установите точную персональную ответственность за работу этого завода и каззы ему.

Вообще установление персональной ответственности важнейшее дело...» и т. д.

Разве в этом письме не содержится целый кладъ методических указаний по прокурорской работе, которые учат нас, как действовать, чтобы не подпасть под влияние врагов.

Вам, вероятно, известно, что Крыленко в своей книге «Ленин о суде» прямо извращал точку зрения Ленина, говоря, что Ленин никогда не требовал персонификации ответственности, индивидуализации вины. Крыленко указывал, что не потому мы привлекаем к ответственности, что кто-то совершил преступление, а потому, что причинен вред, требующий наказания.

Вот, гнусное, вражеское извращение взглядов Ленина по одному из важнейших вопросов, который для каждого прокурора является альфой и омегой, основой всей его грамотности, ибо раньше, чем людей судить, надо установить их вину, их личную ответственность. Можно без труда показать, что Ленин, наоборот, требовал строгого разграничения личной ответственности.

Ленин пишет в другом случае, по другому делу:

«...Прошу Вас срочно проверить правильность заметки.

В случае ее правильности, примите немедленно все необходимые меры к учету, хранению и т. д. имущества и привлечению к строжайшей ответственности виновников»¹.

Ленин опять говорит о строжайшей личной ответственности виновных. И если вы сопоставите это письмо с предыдущим, то увидите, что вопрос о строжайшей ответственности ни в какой мере не стоит в противоречии с персональной ответственностью. Ленин, как и Сталин,

прямо говорили: беспощадно надо расправляться с врагом.

В третьем случае Владимир Ильич пишет:

«...Прошу обратить на это дело внимание... Нет сомнения, что виновные в волоките здесь на лицо, а с точки зрения принципа необходимо такие дела не оставлять в пределах бюрократических учреждений, а выносить на публичный суд»².

Весьма важная принципиальная установка для прокуратуры. Прокуратура должна не просто расследовать и кого-то наказать. Она должна обеспечить принципиальное отношение ко всякого рода безобразиям, преступлениям, для того чтобы, вынося их на публичный суд, осуществлять ту задачу, которая стоит только перед советским судом и может стоять только перед судом. И Ленин там же формулировал это в следующих словах: «...не столько ради строгого наказания... но ради публичной огласки и разрушения всеобщего убеждения в ненаказуемости виновных»².

Задача прокуратуры не только в том, чтобы кого-то «законопатить», «пришпандорить» и т. д. (движение в зале), как некоторые товарищи тут говорили — я их «юридическую» терминологию употребляю (смех). Очень часто нужно поставить дело на суд для того, чтобы добиться публичной огласки. Пусть дело даже кончится не суровым наказанием пытающихся нам вредить в этой области работы. Очень часто не это имеет решающее значение, а то, что Ленин называл публичной оглаской. И еще одно: разрушение всеобщего убеждения в ненаказуемости виновных.

Прокуратура должна воспитывать уважение к дисциплине. Но воспитывать уважение к дисциплине можно тогда, когда каждый будет знать, что нарушение дисциплины влечет за собой не приятные последствия.

Ленин великолепно знал юридическую литературу и особенно уголовное право. Он неоднократно подчеркивал, что смысл судебной работы заключается не только в том, чтобы человека судить, но и в том, чтобы судить его немедленно по совершении преступления, чтобы расстояние между совершением преступления и наказанием за это преступление было наиболее коротким.

Задача наших процессуалистов и организаторов судебной работы заключается именно в том, чтобы всемерно сократить промежуток времени, отделяющий совершение преступления от наказания за это преступление, сблизить эти две точки во времени до предела. А между тем, сплошь и рядом у нас этого нет. Сознания этой роли нашего суда, этой стороны дела, у нас по-настоящему нет.

В силу недостатка нашей юридической и политической культуры не продуманы нами многие замечательнейшие, гениальнейшие мысли Ленина и Сталина. На это, я думаю, нам нужно обратить особое внимание.

Еще в марте 1918 г., т. е. 20 лет тому назад, Ленин поставил во весь рост вопрос о суде. Разоблачая буржуазный суд как орган угнетения и эксплуатации, Ленин говорил, что наш советский суд, построенный на принципе поголовного участия в нем трудящихся и эксплуати-

¹ Ленин, т. XXIX, с. 405.

² Ленин, т. XXIX, с. 412.

² Ленин, т. XXIX, с. 412.

руемых классов, нужен нам прежде всего для борьбы с эксплуататорами, пытающимися восстановить свое господство, отстоять свои привилегии или же тайком, обманом заполучить частичку этих привилегий.

Такова важнейшая задача нашего суда, а следовательно, и прокуратуры, потому что прокуратура призвана помогать суду правильно судить. Больше того, часто только при участии прокуратуры возможно осуществление судом тех задач, которые перед ним стоят.

Разрешите сослаться на записку Ленина Курскому, — тогдашнему наркому юстиции. Ленин был очень недоволен решением суда по одному делу и писал, что суд чрезвычайно покровительственно отнесся к обвиняемому, судил без обвинителя и в конце концов признал их невиновными и всех оправдал.

Вот как ставил Ленин вопрос. Именно потому, что суд судил без обвинителя, он вынес неправильный приговор. Это в высшей степени важно, принципиально важно.

С этой точки зрения вы можете быть поймете, почему Прокуратура Союза так настойчиво требует систематического участия прокурора в суде в качестве обвинителя.

Доказано, что прокурор, не умеющий выступать обвинителем в суде, не прокурор, конечно.

Почему прокуроры не выступают в суде, почему, как правило, наши прокуроры не любят выступать в суде? Я это объясняю тем, что наши прокуроры нередко бывают, как говорили еще в воинском уставе Петре I, нещадно битыми (смех). Не в прямом смысле слова — а в переносном морально, юридически, прокурор бывает битым.

Очень часто, когда опытный защитник одним только словом, одним вопросом, заданным свидетелю, опрокидывает обвинение, прокурор смотрит в потолок и делает вид, что он не заметил аварии, которая произошла с обвинением. При этом прокурор нередко думает, что какая бы авария ни произошла, все равно обвинительный приговор будет вынесен.

Иной прокурор думает, что вся суть процесса заключается в том, чтобы суд вынес обвинительный приговор. Поэтому он очень часто спокойно глотает шиллю, которую преподносит ему едкий, занозистый, «загвоздистый» защитник, глотает ее более или менее равнодушно, в уверенности, что процесс, говоря юридическим языком, выиграет он. Дело семейное. Сидит Иван Иванович на распорядительном заседании вместе с прокурором. Тот же Иван Иванович сидит на суде, и Иван Иванович не подведет — вынесет обвинительный приговор.

Прокуроры наши очень часто боятся публичных судебных заседаний именно потому, что не уверены в своих силах.

Молодым прокурорам еще простительно быть неуверенным в своих силах. Но они должны эти силы приобрести, а приобрести их можно только в процессе судебной работы.

Если прокурор будет пассивно ждать, пока он созреет и сумеет безболезненно для себя принимать участие в состязательном процессе, можно смело сказать, что этот счастливый момент прокурорской зрелости никогда в его жизни не наступит (смех).

Прокурор созревает на практической работе, когда он выступает в суде, имея на руках до-

казательства, в силе, прочности и нерушимости которых он убежден.

Никогда вы не оцените значения доказательств прежде, чем не возьмете их в собственные руки и не подвергнете их проверке в состязательном процессе.

Энгельс в полемике с идеалистами любил повторять английскую поговорку: чтобы узнать вкус пудинга, нужно съесть его. Это же можно сказать о процессе, о доказательствах. Когда вы на гласном состязательном процессе скрешиваете свое оружие с противником, который достаточно квалифицирован и подготовлен, который за словом в карман не полезет, вы реально осязаете степень прочности обвинения, вы физически ощущаете все недочеты и ошибки следствия, вы учитесь, вы растете.

К сожалению, у нас еще много защитников, которые лезут за словом в прокурорский, а не в свой собственный карман, а прокуроры охотно одалживают им эти слова во временное пользование. Защитник превращается таким образом во второго прокурора, и в таких случаях получается: прокурор — помощник суда, а защитник — помощник прокурора. Оба они хотят, к тому же, чтобы и обвиняемый был помощником суда. Тогда цепь замыкается, и обвинительный приговор обеспечен «на все сто процентов».

А как смотрят на это дело сидящие в зале люди? Они посмеиваются иногда себе в кулак. Они видят, что дело недостаточно обосновано, а значит приговор суда недостаточно авторитетен, недостаточно убедителен.

Ленин и Сталин неоднократно подчеркивали значение нашего суда для воспитания новой дисциплины.

Ленин и Сталин дали блестящую характеристику особенностей нашей советской социалистической дисциплины, в отличие от дисциплины крепостнического общества, основанного на невольном труде, и буржуазного общества, основанного на так называемом «свободном» труде. Там дисциплина опиралась на принуждение, на палку. У нас же труд стал делом чести, славы, доблести и героизма. Наша дисциплина укреплялась и укрепляется иными методами.

Энгельс говорил, что закон в капиталистическом обществе всегда обращен против бедного. И деятельность буржуазного суда, применяющего буржуазные законы, тоже обращена против трудящихся.

Наш советский суд — совершенно особый суд. Он призван к тому, чтобы укреплять дисциплину трудящихся. Этому вопросу Ленин уделяет огромное внимание: Он говорит о необходимости добиться организации подобных судов в самом широком масштабе с распространением их деятельности на все трудовое население.

Вы скажите, что это касается суда, но причем же тут прокурор? Это неверно. Суд без прокурора — не полноценный суд. Я, конечно, не исключаю возможности рассмотрения дел в суде и без сторон. Но мы должны и будем все больше стремиться к тому, чтобы максимальное количество дел рассматривалось судами при участии прокурора.

Далее тов. Вышинский приводит ряд примеров неосновательного возбуждения уголовного преследования и подчеркивает ответственность

за это органов прокуратуры, не осуществляющих должного надзора за производством следствия.

Прокуроры иногда отлично видят неправильности и недочеты следствия, но относятся к этому примиренчески.

Вместо того чтобы указать следствию на неправильности и потребовать проверки того или иного обстоятельства, такой прокурор ощущает какой-то священный трепет, он боится слово сказать, он думает — скажешь, попадешь в неприятность.

Что это, как не самый гнуснейший вид перестраховки? Хорош воин, который на войне боится быть сраженным вражеской пулей. «Почему ты на штурм не пошел, в атаку, как тебе было приказано?» — «А я боялся, может быть, меня убьют». Почему прокурор боится «на штурм» пойти? А потому, что думает: «Завтра не оберешься всяких неприятностей».

Максимум, что есть в его «активе», это — «я же никогда не отказывал в санкции на арест». К такому прокурору, никогда не отказывающему в санкции на арест, и ходить нечего. Неудивительно, что такого прокурора никогда не уважают и не считают с ним.

За плохое качество следствия отвечает, конечно, следователь, который вел дело и не доработал его. Но отвечает и прокурор, который специально поставлен для надзора за следствием. Извините за грубое выражение, государство платит деньги прокурору, чтобы он наблюдал за следствием. Сторожа, который спит на посту, вы отдаете под суд, а почему же прокурора, который спит и не наблюдает за прохождением таких дел, мы не отдаем под суд?

Факты говорят о политически безответственном отношении многих прокуроров к своей работе. Некоторые прокуроры думают, что важнее всего количество дел, проходящих через их руки. Они не понимают, что в погоне за количеством они упускают качество работы, отвлекаются от более серьезных вещей. Я не думаю, чтобы враги не учитывали этого обстоятельства.

С другой стороны, продолжается смазывание дел о контрреволюционных преступлениях. Из трактора выброшено магнето. Ищут, натыкаются на колхозницу, которая работает на этом тракторе. Она объясняет, что сознательно это сделала, что ее подговорил такой-то (называет фамилию), который заплатил ей 250 руб. Привлекают ее по 58-9 ст. и предадут суду. Между тем, дело абсолютно недоработано. Если кто-то заплатил 250 руб. за порчу трактора, то надо выяснить, откуда у него эти деньги, почему колхозник отдает свои 250 руб., чтобы на пару дней остановить трактор? Ясное дело, что едва ли он дает свои собственные деньги и едва ли он делает это из личных побуждений. Тут надо искать диверсионную группу, надо искать сообщников, надо основательно докопаться — может быть, тут рука польского резидента, шпиона. Между тем, прокуратура считает достаточным, что привлекли такую-то гражданку Н. или С. по 69 ст. и направили дело в суд. Настоящему диверсанту ничего другого и не нужно. Осудили эту колхозницу, которая, может быть, совершила преступление из корысти, по соблазну, что вовсе не свидетельствует о том, что она — сформировавшийся, законченный враг. А настоящий

враг остался в стороне, до него не докопались, а главное — не попытались даже докопаться.

Наша задача заключается не только в том, чтобы не допускать неправильного привлечения к ответственности, но и в том, чтобы обеспечить привлечение к ответственности действительных преступников. Только тогда прокуратура будет прокуратурой, а не адвокатурой. Адвокатура не должна заботиться о том, чтобы кого-нибудь поймали. Адвокат заинтересован в том, чтобы человека, которого он защищает, оправдали. И мы не можем требовать от адвоката, чтобы он еще искал преступника. Это не его функция. А функция прокуратуры состоит в том, чтобы не только обвинить того, кто в силу тех или иных причин оказался на скамье подсудимых, но и копаться дальше, не успокаиваясь, пока не будут вскрыты все корни данного преступления.

Поступая так, как было в этом случае, наши прокуроры действовали неправильно, поверхностно. В силу этого получается огромный брак.

Негодая, преступника, врага надо уметь крепко бить. Но человека, в отношении которого ты еще не уверен, враг ли он, прежде чем ударить — тем более подумай, проверь дело.

Основной наш порок заключается, таким образом, в отсутствии политической и юридической культуры. Отсюда вывод, и очень серьезный, о необходимости учиться, поднимать свою квалификацию.

К решению этой задачи нельзя относиться либерально, мягкотело, сентиментально.

Я как Прокурор Союза предупреждаю, что качество работы людей и качество этих людей буду рассматривать в теснейшей связи с тем, учится этот человек или не учится. (Голос из президиума: — П р а в и л ь н о!).

Учиться — это основа. У вас справедливые требования к нам — помогите учиться. Поможем, и поможем по-настоящему, поможем уже сейчас.

В самом деле, за этот год мы выпустили 10 крупных методических руководств. Ими у нас в Москве милиция пользуется, а здесь следователи не пользуются. В результате вот что получается: возвращено на исследование дел следователям белорусских прокуратур: в 1 кв. 1937 г. — 6%, во 2 кв. — 7%, в 3 кв. — 8%, в 4 кв. — 8%, в январе 1938 г. — 8,8%. Как видно, дело ухудшается. Если дела возвращаются на исследование, значит, они с дефектами.

А вот вам данные о работе милиции, которую я вовсе не рассчитываю хвалить, но которая все-таки, в этом отношении, стоит на более высокой ступени, чем наши следователи.

Возвращено дел на исследование органам милиции в 1 кв. 1937 г. — 2,5%, во 2 — 3,8%, в 3 — 4%, в 4 — 3%, а в январе 1938 г. — 1,8%, против 8,8% дел, возвращенных следователям.

Что это означает?

Это означает, что нам приходится учиться у работников милиции, которые, как правило, не получают высшего юридического образования и как будто бы не призваны учить прокуроров и следователей.

Я уверен, что мы сейчас поправим это дело.

Я недавно был в Ленинграде на совещании работников Ленинградской областной прокура-

туры. Сейчас я присутствую у вас на совещании. Должен вам прямо сказать, у меня впечатление такое, что в прокуратуре сейчас есть очень много людей, из которых выйдут крупные прокурорские силы. Я от души приветствую этих новых товарищей, желаю им успеха и уверен, что они со своей задачей действительно справятся (а п л о д и с м е н т ы), ибо они горят желанием работать.

Но чтобы добиться успехов, нужно над собой работать. Нужно помнить, что циркуляры тут помогают, но не решают всего дела. Если ты сам не будешь думать над своими действиями, если ты сам не будешь себя тысячу раз критиковать и проверять, подобно тому, как это делала и делает пролетарская революция — ничто не выйдет.

Вот этого нам нехватает. Нам нужна самокритика, критика собственной работы для ликвидации прокурорского чванства, которому некоторые прокуроры отдадут большую дань, чтобы покончить с прокурорской спячкой, покончить с таким положением, когда прокурор, окончив 3-месячные курсы 3 года тому назад, думает, что он законченный юрист и больше ему учиться не надо.

Я требую и буду требовать от т. Новика — прокурора республики, буду требовать от его помощников, чтобы они организовали контроль за тем, как районные прокуроры, следователи, областные прокуроры учатся и работают. Никаких ссылок на то, что «мы не сможем», «мы не одолеем» и т. д. — мы принимать не будем и не примем.

Вот тов. Канторович здесь дала нам пример того, как она при 2 детях, при учебе в заочном институте справлялась с делами. И я думаю, что у нее есть и хорошие дела.

Значит, при желании можно так работать. А прокурор должен понимать, что он обязан быть культурным человеком.

У нас часто бывает, что обвиняемые гораздо культурнее прокурора. А что касается знания кодекса, то какой-нибудь рецидивист, просидевший в лагере, зачастую грамотнее иного прокурора. Этот рецидивист думает, какую статью ему могут предъявить, он советуется по этому поводу и т. д. А прокурор часто только видит статью, когда подписывает заключение, он даже не заглядывает в кодекс, не интересуется больше ничем.

Я тоже немножко понимаю в юридических делах. Но я, проверяя какое-нибудь обвинительное заключение, обязательно кое-что прочитываю, чтобы посмотреть, все ли я охватил, все ли предусмотрел.

А у нас кое-где есть районы, где даже нет Уголовного кодекса. Я не знаю, как в Белоруссии — во всех ли районах есть Уголовный кодекс. (Голос: — Не во всех!).

Вот большое место, вот на что нам нужно направить наше внимание.

Мы должны потребовать, чтобы у нас народ учился, чтобы народ работал над собой. Потому что только в результате работы над собой можно достигнуть тех результатов, каких ждет от нас наша страна, наша партия, наше правитель-

ство. Поэтому одним из основных вопросов нашей работы является работа над собой, работа по-настоящему.

Не забывайте, что прокурорская работа как работа юридическая чрезвычайно своеобразна. Нам приходится здесь решать те или другие казусы, случаи, с точки зрения закона, т. е. иначе говоря, отвлеченную, абстрактную формулу закона конкретно применять к конкретным обстоятельствам данного дела.

А так как дела друг на друга не похожи, то чтобы формулу закона правильно применять к данному делу, надо обладать большой политической культурой, большой юридической подготовкой.

Ленин говорил, что закон есть выражение в известных нормах воли господствующего класса.

Он говорил: если это закон, то закон государственный, который выражает волю государства.

Из «Коммунистического манифеста» вам известно, что так же определяли закон Маркс и Энгельс.

Следовательно, волю, выраженную в законе, нужно понимать и понимать ее именно с точки зрения господствующего в данном обществе класса, нужно уметь оценивать и отчетливо представлять себе обстоятельства и уметь прокладывать в лесу этих обстоятельств, очень часто в дремучем лесу этих обстоятельств путь для осуществления политики, выгодной господствующему в нашей стране классу, рабочему классу, осуществляющему свою диктатуру под руководством партии.

За короткий сравнительно срок система прокурорских органов Белоруссии значительно оздоровлена, ЦК коммунистической партии большевиков Белоруссии дал нам ряд новых людей, свежую молодежь, которая будет работать и учиться. Конечно, мы им поможем, серьезно поможем, кой-какую литературу дадим, кой-какие указания даст прокуратура республики, кое-кого позовем к себе на курсы. Я думаю, что новых людей, новых выдвиженцев мы позовем в Москву на 2—3-месячные курсы, поможем овладеть им всем, чем мы сами владеем в области теории и практики нашей работы. Но я еще раз повторю, если каждый сам, в отдельности, не будет учиться и крепко учиться, его работа как следует не пойдет.

Работа гражданского отдела. У нас обыкновенно считают, что уголовные дела это все, а гражданскими делами не занимаются.

В 1937 г. по БССР, по далеко неполным данным, прошло 128 000 гражданских дел. Прокуратура приняла участие в 389 делах. В порядке надзора прокуратура проверила только 3,7% всех дел, а отклоненных протестов, которые принесла прокуратура по гражданским делам, только 5—6%.

Мы будем требовать от наших прокуроров, чтобы они были не только криминалистами, но и цивилистами, т. е. чтобы они занимались изучением советского гражданского права, знали бы советский Гражданский кодекс. Хотя он и старенький, но он еще поживет и послужит делу рабочего класса, делу социализма. Вредители, вроде Амфитеатрова, Гинзбурга, утверждали, что

Гражданский кодекс в 1922 г. выражал собой известный компромисс между пролетариатом и буржуазией. Так же рассматривали этот вопрос наши враги Зиновьев и Каменев. Они понимали не как известного рода компромисс между пролетарской диктатурой и капиталистическими элементами в нашей стране. В гражд. суде решаются важнейшие вопросы, затрагивающие интересы граждан и советского государства. Это абсолютно неправильно и враждебно ленинизму. Мы будем требовать, чтобы наши прокуроры знали наш Гражданский кодекс, чтобы они активно участвовали в судебной работе по гражданским делам, ибо это есть важнейшая отрасль нашей работы.

Чем дальше будет двигаться наше социалистическое государство по пути восхождения к следующему этапу развития коммунистического общества, тем вопросы гражданского права будут приобретать все большее и большее значение.

Как сказал т. Сталин, социализм вошел у нас в быт. Это означает, что мы не можем делить гражданские дела, как делает буржуазное право, на публично-правовые и частно-правовые. Любое бытовое дело сейчас есть дело о социализме, об укреплении социализма, о борьбе с врагами социализма. И в гражданских делах эта задача стоит перед нами во всей остроте. Этого, к сожалению, многие не понимают. Не понимают, что спор алиментный, спор трудовой, спор о восстановлении неправильно уволенного с работы — это споры, непосредственно затрагивающие интересы миллионов людей. За прошлый год через все суды СССР прошло свыше 5 миллионов гражданских дел. Конечно, с точки зрения больших задач общегосударственного строительства дело о комнате, дело о примусе, дело о штанах, дело о доме — пустяки. Но для человека, у которого штаны единственные, — это дело серьезное. Для человека, которого выпнали со службы и написали «как связанного с врагом народа», в то время как НКВД не считает даже нужным его вызвать для объяснений, потому что о нем нет никаких данных, помимо того что он прошел по одной улице с врагом народа и выпил нечаянно в первом попавшемся трактире квартирушка, — ведь для этого человека это трагедия всей жизни. А кто кроме прокуратуры должен заниматься этим делом? Прокуратура должна заниматься такими делами, а у нас этого не понимают. Отсюда волокита и всякие другие безобразия. Прокуратура часто устраняется от таких дел. Пришел человек искать защиты против неправильного увольнения, а ему на это отвечают: «Прокуратура не биржа труда». Это факт. Так ответил Рогачевский райпрокурор, к которому неоднократно обращался неправильно уволенный учитель Жукковский, оставшийся долгое время без работы. Прокурор отвечает: «Прокуратура не биржа труда». Надо было бы постесняться подобных вещей.

Надо сказать, что враги народа очень энергично били по учителям в Белоруссии. Вместо того чтобы взять учителя под свою защиту, вместо того чтобы разоблачить врага, некоторые прокуроры считают, что это не их дело, ибо они, видите ли, заняты более высокими материями.

Товарищ Сталин говорит: социализм вошел в быт. Это обязывает прокуроров входить в быт, т. е. вникать в быт, брать под свой надзор бытовые дела.

А у нас говорят: «Мы не биржа труда». Уволили, ну и бог с тобой, я тебя не направляю на работу. Это извращенное в корне представление о задачах прокуратуры, которая призвана бороться со всякого рода нарушениями законных прав советских граждан. Советский гражданин — это гражданин той страны, где каждый из многомиллионной массы нашего народа, вчера незаметный, завтра может стать героем, завоевателем Северного полюса (бурные аплодисменты).

На приеме папанинцев в Кремле товарищ Сталин говорил о той особенности советской жизни, советского строя, которая заключается в том, что в советской стране каждый человек ценен.

Он говорил: возьмите капиталистические страны, с точки зрения какого принципа строится там вся жизнь? С точки зрения одного принципа, который можно выразить одним словом: профит, барыш. На то, что не приносит прибыли, барыша, не обращают внимания.

Только с этой точки зрения определяется их подход к такой, например, задаче, как оказание помощи дрейфующей льдине в тот момент, когда она оказалась в тяжелом положении. В капиталистических странах невозможен был бы такой мощный размах спасательных операций, который придало этому делу наше правительство, стремясь снять во время и невредимыми папанинцев. Это возможно только в нашей стране, потому что в нашей стране основной принцип — ценность человека.

А в капиталистических странах основной принцип — выгодность того или иного предприятия. Человек там не в счет. Основное — профит, барыш, корыстные мотивы.

Прокуроры должны понять, что это означает. Это означает, что у нас нетерпимо нарушение прав гражданина.

Два слова о группах содействия. Конечно, т. Захаревич опытный прокурор, знающий свое дело, напористый, нажимистый. Но когда он говорил о группах содействия, было совершенно ясно, что либо он не знает свои группы содействия, либо группы содействия его не знают.

Что он сказал? Он начал с того, что актив у него состоит из 274 чел. Потом он говорил о живых людях. Он думает, очевидно, что когда мы говорим «мертвые души», мы имеем в виду тех, которые погребены на кладбище или сожжены в крематории, а прах их витает где-то в районной прокуратуре. А потом он съехал на 50 человек.

Несмотря на то что имеется специальный мой приказ по вопросу о группах содействия, им уделяется мало внимания. Сами прокуроры считают это дело частным, второстепенным, побочным. В этом все еще сказывается сильное влияние вредителей. Между тем группы содействия — это наши уши и глаза.

Через членов групп содействия мы видим, что делается в колхозах, на фабриках, на заводах, в учреждениях.

Мы не в состоянии объехать все колхозы, да и приехав в колхоз, мы за несколько часов своего пребывания здесь не узнаем то, что нас может интересовать. Нам нужно опираться в своей работе на колхозный актив.

В учреждении вы не поставите на должную высоту работу по общему надзору, если не привлечете к ней юрисконсультов. Не бойтесь этого, привлекайте их, пусть они сигнализируют вам о разных нарушениях закона.

А на деле вы с юрисконсультами почти не связаны, вы смотрите на них, как на обломки старых капиталистических формаций.

Тут говорилось о «работе с обвиняемыми». Это, конечно, не совсем удачная терминология. Я бы посоветовал подумать о работе с адвокатами. Прокурор часто смотрит на адвоката как на еще неразоблаченного преступника (с ме-х). Он забывает, что у адвоката есть свои специфические задачи, специфические обязанности, определяемые его положением.

Ко мне приходят члены коллегии защитников и говорят: разрешите просить вас потребовать дело в порядке надзора. Если речь идет, например, о деле об убийстве, он говорит, что есть такой материал, который дает нити к настоящим виновникам, но разрешите мне предварительно это дело посмотреть.

С такой просьбой часто обращаются и к прокурорам на местах. А они отвечают: вы не участвовали в данном деле, дело закончено, приговор вступил в законную силу, следовательно ни в какой мере участие невозможно. Вы в этом деле третье лицо, посторонний человек, я сам посмотрю.

Почему прокуроры не используют обращения к ним членов коллегии защитников? Почему у прокурора с адвокатом отношения такие, как между воюющими сторонами?

Потому, что отравляли наше сознание враги такие, как Крыленко, который говорил, что защита — это либеральный пережиток.

Конституция Союза ССР отводит адвокатуře определенное место в нашей работе. Почему бы прокурору не использовать эту силу? В Москве имеется около 35% адвокатов, вышедших из рабочей среды. Надо перебросить мостик, найти общий язык, с двух сторон надо дружно тащить нашу телегу.

Надо проявлять известную гибкость, желание помочь делу не только ради интересов того или иного человека, защитника, а ради интересов государственных.

Надо прямо сказать, что и в суде адвокат не занял еще отведенного ему нашим законом места. Суд его третирует, прокурор третирует. Бы-вают случаи, когда устанавливают регламент защитнику в 5 минут. Или такой случай, который здесь приводился. Начали заседание в открытом порядке, потом спохватились, что надо слушать дело в закрытом порядке. И защитника прогна-ли. А почему бы и на закрытое заседание не пригласить защитника?

По делу антисоветского право-троцкистского блока было немало очень острых моментов, политически острых моментов. Однако защитни-ки участвовали в процессе и, представьте себе, в закрытом заседании по этому делу защита присутствовала. А как же может быть иначе? Если вы допустили защитника, то вы не мо-жете его поставить в положение лишенца. Он же — сторона. Он равноправная сторона, он

призван, по Конституции, защищать права и интересы подсудимых.

А у нас не изжита еще такая точка зрения: к чему защита, когда сам суд защитит интересы обвиняемого? Но все-таки защитник защитит лучше. К чему защита, когда прокурор защитит? Но все-таки защитник лучше защитит, чем про-курор.

Один из больших недостатков организации судебной работы состоит в том, что у нас функ-ции часто переплетаются, перемешиваются и за-щитники начинают подпевать прокурору. От это-го правосудие не выигрывает. Правосудие заин-тересовано во всестороннем освещении дела.

Наша задача заключается в том, чтобы приго-вор был обоснованный, убедительный, чтобы было видно, что он вынесен в соответствии с за-конами советской власти. А это определяет, в частности, и отношение к защите. Надо, только обладать самостоятельной, своей собственной точкой зрения, надо только быть политически до-статочно крепким, достаточно крепко стоять на своих ногах, чтобы выполнить свой долг.

Это очень серьезная задача, без разрешения которой мы никогда не поднимем нашу работу на должную высоту. Несколько слов я хочу ска-зать об общем надзоре.

Не забывайте, прокурор обязан не только на-блюдать за законностью различных постановле-ний. Он обязан во-время наблюдать за этим. Он должен не только думать об устранении тех или иных недостатков, но должен делать это во-время. И как бы ни был хорош прокурор, если он даже прекрасно организует дело, но запоздает, то уверяю вас, что это есть как раз тот минус, которого мы допускать никак не мо-жем.

Работа в области общего надзора — громадная работа. Ее надо уметь вести. Надо знать, что законно и что незаконно. Для этого нужно знать законы, понимать эти законы, уважать эти законы.

И с этого конца мы опять-таки подходим к вопросу о юридической культуре в советском смысле этого слова, т. е. о юридической куль-туре, которая опирается на нашу единственную научную марксистско-ленинско-сталинскую тео-рию, являющуюся маяком и прожектором, осве-щающим путь всей нашей работы.

Таковы наши задачи.

Мы работаем как общественные деятели. За-дача прокурора — не только руководить своим аппаратом, не только опротестовывать те или иные постановления. Его задача заключается в том, чтобы публично разоблачать преступления и преступников, разоблачать публично врага, организовать путем этого разоблачения массы, создавать советское общественное мнение и этим вкладывать свою лепту в то могучее единство советского народа, которое обеспечивало нам победы до сих пор, которое обеспечивает нам победы и впредь под великим знаменем Ленина — Сталина, под великим руководством нашей партии. (Бурные аплодисменты. Все встает).

Товарищи, до конца быть преданными нашей партии, быть честными большевиками, не жа-леющими своих сил для борьбы с врагами до

победного конца, помогать нашей партии одерживать дальнейшие победы на всех участках нашего социалистического строительства, — такая задача советских прокуроров.

Советская прокуратура — это носитель меча, беспощадно карающего своим правосудием врага, это школа социалистического воспитания для тех, кто случайно сбился с пути.

Нет другой школы, кроме школы Маркса — Ленина.

Нет другого знамени, кроме знамени нашей партии.

Нет другого учителя, кроме Сталина, который ведет нас к счастливой жизни, который обеспечивает нам завершение работы по борьбе за социализм великим построением нового коммунистического общества.

За Сталина, ура! (Бурные аплодисменты, превращающиеся в овацию).

Всесоюзное совещание по вопросам юридического образования

21—23 июня 1938 г. состоялось созванное Наркомюстом СССР всесоюзное совещание директоров правовых школ. На совещании принимали участие представители Прокуратуры СССР.

Совещание открыл народный комиссар юстиции СССР т. Н. М. Рычков. Тов. Рычков остановился во вступительном слове на задачах совещания. Количество судебно-прокурорских работников, окончивших правовые школы, составляет 30—40%. Еще большее количество работников нуждается в специальной юридической подготовке. Это обязывает уделить вопросам правового образования и организации подготовки работников юстиции большое внимание. Задачи науки на данном этапе социалистического строительства недавно подчеркивали вождь партии товарищ Сталин и глава советского правительства товарищ Молотов. Тов. Рычков призвал участников совещания развернуть критику и самокритику, обеспечить высокий принципиальный и деловой уровень совещания, для того чтобы выявить все недостатки в работе, ликвидировать последствия вредительства и наметить основы для дальнейшей работы по правовому образованию.

С докладом о состоянии правовых школ и мероприятиях по улучшению работы выступил начальник управления учебными заведениями НКЮ СССР т. Горшенин. Основным типом правовой школы является годичная правовая школа. Лишь в некоторых местах (Украина, Таджикистан) существуют двухгодичные школы. В системе НКЮ имеются всего 37 школ с контингентом учащихся — около 3 300 человек, большинство которых ранее в органах юстиции не работало. При наборе учащихся не всегда соблюдались условия приема, в результате чего зачастую среди слушателей школ имеются малограмотные люди, не могущие в силу этого усвоить курсы правовых школ и успешно выполнять судебную или прокурорско-следственную работу. Судебные и прокурорские органы в некоторых областях и краях не оказывают помощи директорам школ в деле комплектования, проявляя интерес только в момент распределения слушателей. Нередки случаи, когда по инициативе председателя суда или проку-

ра слушатели досрочно отзываются из школы, что разрушает работу по юридическому образованию.

Далее т. Горшенин подробно остановился на учебных занятиях в правовых школах. Крупнейшим недостатком является отсутствие учеников и штатных преподавателей. Наркомюстом и Всесоюзным институтом юридических наук приняты меры к тому, чтобы в этом году обеспечить школы основными учебниками. Необходимо стремиться к тому, чтобы каждую школу обеспечить ядром штатных преподавателей.

Недостаточное количество преподавателей и плохая обеспеченность школ (помещения для классных занятий, общежития и т. д.) приводят к необходимости по мнению т. Горшенина к сокращению сети школ (к 1939 г. на 1/2) без сокращения контингента учащихся. Необходимо установить единообразный учебный план для всех школ и перейти на полугодовое расписание, начиная занятия во всех школах с 1 сентября. К положительным моментам относятся обеспечение школ программами по всем дисциплинам.

По докладу т. Горшенина развернулись оживленные прения. Выступавшие в прениях подвергли резкой критике работу управления учебными заведениями и Наркомюста РСФСР. Многочисленные запросы с мест оставались не только без удовлетворения, но и без ответов. НКЮ РСФСР беспрерывно дергал директоров школ, требуя от них помногу раз одни и те же сведения, отчеты и статистические данные. Живого руководства не было. Ближайшие и отдаленные школы никогда не посещались представителями НКЮ.

Обращает на себя внимание возмутительный случай, приведенный директором Дагестанской школы т. Доценко. Приехавший туда представитель НКЮ РСФСР Берзин, арестованный в настоящее время органами НКВД, распустил правовую школу как якобы себя не оправдавшую и сорвал этим учебный год. Делал это он от имени НКЮ РСФСР. А через несколько дней после распуска школы и разъезда учащихся получи-

лась телеграмма из НКЮ РСФСР о том, что школа остается, а т. Доценко обязан немедленно вновь собрать слушателей.

Примерно такой же случай был и в Иркутской школе, которая в течение длительного времени была под угрозой закрытия, вследствие чего работники демобилизовались и потеряли всякую перспективу в работе.

Заведующий учебной частью Казанской школы т. Винокур рассказал, что учебный план из Москвы в Казань шел 3½ месяца, ввиду чего школа была вынуждена работать по старому учебному плану. Тов. Винокур поднимает вопрос о том, чтобы слушатели направлялись в школы по командировкам прокуратур и судов.

Директор Архангельской школы т. Чечелкин говорит о плохом снабжении учебными пособиями. Об этом говорят и другие участники совещания, в частности директор Курской школы, который рассказал о том, как пересланные им в НКЮ деньги за периодическую литературу были использованы не по назначению, а литература была направлена Наркомюстом «наложенным платежом».

Многие участники совещания останавливались на трудных условиях работы, недостатке в учебных пособиях, недостатках в программах и т. д.

В первый день совещания выступил с речью Прокурор СССР т. Вышинский А. Я. Тов. Вышинский остановился на большом значении поднятия юридической квалификации судебно-прокурорских органов. Враги народа прилагали свои усилия к тому, чтобы разрушить правовое образование. Необходимо принять решительные меры к ликвидации последствий вредительства, к тому, чтобы правовое образование поднять на необходимую высоту.

Цифры показывают, что 33,8% состава прокуроров и 38,1% состава следователей получили образование в правовых школах. Это подтверждает, что правовые школы являются в настоящий момент основным каналом пополнения кадров, а это обязывает работников прокуратуры к тому, чтобы они уделяли правовым школам большое внимание. «Мы отвечаем,—говорит т. Вышинский,—как большевики за порядок в правовых школах». Тов. Вышинский высказывается против того, чтобы делить ответственность за состояние школ между Наркомюстом и Прокуратурой Союза. За состояние школ отвечает Наркомюст, в компетенцию которого входит дело постановки правового образования. А прокуроры обязаны сочетать свою непосредственную работу с работой по подготовке кадров как важнейшим средством укрепления кадров всей прокурорской и судебной системы. Для оказания реальной помощи правовым школам т. Вышинский заявляет о своем решении взять на учет всех прокуроров, которые могут быть преподавателями, проверить этих людей с точки зрения того, способны ли они обеспечить преподавание школы, и переподготовить их в этом же году. Тов. Вышинский предлагает провести такое же мероприятие по линии Наркомюста.

Тов. Вышинский подверг резкой критике программы, разосланные школам в марте-апреле с. г. Все программы имеют крупнейший коренной недостаток — они скопированы с некоторых сокращениями с вузовских программ. Между тем, уровень знаний слушателей правовых школ совсем иной, более низкий, а это требует того, что-

бы программы для них были составлены совсем иначе, с учетом теоретического уровня слушателей. На программах лежит печать спешки, они не прорабатывались, не проверялись. В результате, в них имеется ряд неряшливых формулировок и неправомерностей, требующих немедленного исправления. Тов. Вышинский проиллюстрировал это на 3 программах: по общей части уголовного права, по особенной части уголовного права и по уголовному процессу.

Тов. Вышинский высказался против ликвидации так называемых карликовых школ. В правовых школах проводятся классные занятия, а это значит, что 25—30 учащихся составляют класс и представляют собою достаточную базу для работы с ним. Ликвидировать необходимо не «карликовые» школы, а гнилые школы, где работа поставлена явно неудовлетворительно из-за отсутствия высококвалифицированных преподавательских кадров.

Тов. Вышинский выразил в заключение уверенность, что работа по правовому образованию будет значительно улучшена и что правовые школы будут систематически пополнять органы прокуратуры и суда юридически квалифицированными кадрами.

В прениях участвовали также исполняющий обязанности председателя Верховного суда СССР т. Голяков, народный комиссар юстиции т. Дмитриев и профессор Строгович (представитель Прокуратуры СССР).

Совещание обсудило и приняло проект положения о правовых школах, учебный план и программу производственной практики.

Проектом положения устанавливается, что юридические школы являются специальными учебными заведениями, готовящими кадры для органов юстиции и прокуратуры. Срок обучения устанавливается 2-годичный. Совещание пришло к единодушному выводу, что годичная школа не обеспечивает надлежащей подготовки кадров для суда и прокуратуры. На председателей судов и прокуроров возлагаются обязанности по оказанию директорам школ систематической помощи в деле комплектования состава учащихся школы, подбора преподавателей для школы, подготовки распределения оканчивающих и обеспечения школ необходимыми материальными условиями.

При школах организуются педагогические советы и цикловые методические комиссии. На педагогический совет возлагаются обязанности по оказанию помощи преподавателям, утверждению учебных планов и расписаний и т. д. Цикловые методические комиссии обеспечивают методическое руководство преподавателями, разрабатывают планы прохождения отдельных дисциплин, планируют проведение экзаменационных сессий, организуют учебно-методические кабинеты и т. д.

Положение предусматривает организацию учебного процесса в школах. Основной формой занятий является классное занятие, включающее вводное слово преподавателя, практические упражнения, проверку усвоения и т. д. Вводятся экзамены по основным дисциплинам: уголовному праву, гражданскому праву, уголовному процессу и гражданскому процессу.

Окончившими школу признаются слушатели, выдержавшие экзамены по указанным предметам и сдавшие зачеты по остальным.

Распределение слушателей, как и прием их производится комиссией в составе директора школы и представителей ют суда и прокуратуры. Распределение утверждается Наркомюстом союзной республики.

Совещание приняло учебный план для одноступенчатых и двухгодичных школ. В школах преподаются 11 специальных дисциплин, 3 социально-экономических и 3 общеобразовательных дисциплины.

В двухгодичной школе дополнительно преподаются политическая экономия. Преподавание специальных дисциплин занимает 772 часа, а остальных — 666 часов. Такое соотношение обеспечивает нормальное прохождение занятий.

В двухгодичных школах количество часов соответственно увеличивается.

Один месяц в году проводится производственная практика. Совещание разработало программу производственной практики. Признано необходимым, чтобы практика проводилась слушателем в той системе, куда он будет в дальнейшем направлен на работу, и при том в низовых звеньях: народном суде, районной прокуратуре и т. д. Производственная практика должна быть так поставлена, чтобы слушатель усвоил объем работы, которую он будет выполнять по окончании школы. Необходимо добиться, чтобы судья, прокурор, следователь отнеслись со всей серьезностью к производственной практике. Главной задачей практики является проверка и закрепление теоретических знаний, полученных слушателем, ознакомление его с работой органов юстиции и приобретение практических навыков в работе.

В последнем заседании совещания с заключительной речью выступил т. Рычков. Тов. Рычков подробно остановился на той вредительской работе, которая ранее проводилась в области правового образования бывшим руководством, стремившимся к тому, чтобы разложить и разрушить правовое образование. Вредители насаждали своих людей на различных участках. Задача заключается в том, чтобы разоблачить до конца не вскрытых еще врагов и ликвидировать последствия вредительства.

Тов. Рычков подверг большевистской критике работу управления учебными заведениями и Наркомюста РСФСР. Совещание помогло вскрыть ряд вопиющих безобразий в их работе, бюрократизм, волокиту и невоворотливость. Тов. Рычков призвал директоров школы к усилению политической бдительности, повседневной большевистской самокритике, вскрытию всех недочетов в работе и решительному исправлению всех недостатков. Касаясь программ, т. Рычков отметил ряд ошибок в них, неправильное их составление, заявив, что составление таких программ является для Наркомюста позорным явлением. Программы должны быть пересоставлены, проверены и до осени разосланы на места. Тов. Рычков отдельно остановился на вопросе об учебниках. На сове-

щении было сделано заявление директором Института юридических наук т. Якубовичем, что учебники будут готовы к осени. Необходимо чтобы это были не одни слова, а дела, чтобы учебники действительно в будущем учебном году были на руках у слушателей. Тов. Рычков призвал участников совещания к большевистской работе на фронте правового образования.

Давая отчет о состоявшемся совещании директоров правовых школ, мы считаем необходимым поставить перед руководителями местных органов Прокуратуры вопрос о необходимости покончить с пренебрежительным, «потребительским» подходом к работе правовых школ. Усиление и улучшение работы правовых школ является предпосылкой укрепления прокурорских кадров. Недооценка этого канала пополнения прокурорских кадров составляет большую ошибку. Юридические школы будут работать удовлетворительно при обязательном условии, что они будут окружены вниманием со стороны тех организаций, для которых они готовят кадры. Вниманию со стороны прокуратуры должно выражаться в оказании всяческого содействия в первую очередь по организации учебы, подбору преподавателей, правильной организации практики и т. д. Материально-бытовые условия школ также не могут оставаться в стороне. С равнодушным отношением к правовым школам необходимо покончить.

Учитывая, что подавляющее большинство преподавателей в правовых школах составляют практические работники органов прокуратуры и суда, Прокурор Союза т. Вышинский принял решительные меры к тому, чтобы прокурорам-преподавателям оказать необходимую помощь в их преподавательской работе и обеспечить их подготовку.

Всем прокурорам областей, краев и республик отдано распоряжение ознакомиться с работой юридических школ и курсов и помочь им в налаживании работы, подборе преподавателей, организации практики и т. д.

Облкрайпрокуроры обязаны предоставить прокурорским работникам, могущим вести преподавательскую работу на надлежащем теоретическом уровне, фактическую возможность вести преподавание, не допуская срывов занятий.

Прокуратурой Союза приняты меры к созданию устойчивых преподавательских кадров из практических работников прокуратуры. Все прокуроры преподаватели берутся на централизованный учет, а осенью этого года будет проведена специальная конференция преподавателей по вопросам методики преподавания в целях повышения их квалификации и ориентировки их в основных вопросах теории и науки права. Эти мероприятия Прокуратуры Союза подчеркивают, что хорошая работа школ — наше кровное дело.

Повернуться лицом к правовым школам, — такова задача прокурорских органов.

Р. Р.

ПРОФ. ЧЕРВАКОВ, «СУДЕБНАЯ БАЛЛИСТИКА», Юридическое издательство НКЮ СССР, 1937 г.

Судебная баллистика — новая научная дисциплина, являющаяся одним из крупнейших разделов криминалистики. Это по существу судебная экспертиза огнестрельного оружия и боеприпасов к нему.

Судебная баллистика — термин, введенный американцами. Проф. Черваков считает, что этот термин является наиболее удобным и объединяет весь круг вопросов, которые возникают у работников суда и следствия по делам об убийствах и ранениях огнестрельным оружием.

Мы считаем, что термин «судебная баллистика» неудачен, так как он не отражает специфики той дисциплины, которую он представляет, что этот термин непонятен и для широкой массы судебных и следственных работников. Люди, знакомые с военным делом, знают, что баллистика — это прикладная наука, изучающая законы полета снарядов. В артиллерии баллистика разделяется на внутреннюю, изучающую движение снаряда внутри канала орудия, и внешнюю, изучающую полет снаряда вне орудия. Уже из этой маленькой справки видно, что понятие «баллистика» имеет очень отдаленное отношение к интересующему нас вопросу.

Наряду с описанием материальной части огнестрельного оружия, его классификацией и указанием существующих его калибров, автор сам включил в книгу еще и такие разделы, как «Порох и другие взрывчатые вещества в криминалистическом отношении», и такие специфически криминалистические разделы, как «Идентификация огнестрельного оружия» и «Техника расследования случаев убийства, самоубийства и самоповреждений из огнестрельного оружия».

Как видим, криминалиста интересует больший круг вопросов, чем специалиста по баллистике, и добавленное автором к этому слову прилагательное «судебная» не является удачным разрешением вопроса. С нашей точки зрения лучше было бы назвать новую научную дисциплину, которой посвящена книжка проф. Червакова, так, как мы ее называем в нашем повседневном обиходе: «судебная экспертиза огнестрельного оружия и боеприпасов».

Отсюда будут и совершенно закономерны существующие разделы этой научной дисциплины:

1) изучение материальной части огнестрельного оружия, встречающегося чаще всего в уголовной практике, с включением сюда сведений о работе механизмов различных образцов огнестрельного оружия и основных баллистических сведений о них;

2) идентификация огнестрельного оружия, патронов, патронных гильз, пуль и другого снаряжения;

3) изучение пороха и других взрывчатых веществ в пределах, необходимых для криминалистики, а также изучение методов определе-

ния следов пороха и других веществ на одежде и различных предметах, являющихся вещественными доказательствами по делам об убийствах и ранениях из огнестрельного оружия;

4) криминалистическое и судебно-медицинское изучение огнестрельных повреждений.

Совершенно обоснованно автор включает в свой труд и этот последний раздел. Судебно-медицинские работники заявят, что криминалисты заезжают в их область, но против этого можно будет легко возразить. Криминалисты не занимаются детальной разработкой всех вопросов с точки зрения судебной медицины, связанных с огнестрельным повреждением тела, но эти вопросы интересуют нас постольку, поскольку исследование огнестрельных ранений неразрывно связано с научно-технической экспертизой огнестрельного оружия. Ни один судебный и следственный работник не будет удовлетворен судебно-медицинским исследованием огнестрельного ранения, если в данном исследовании будет отсутствовать криминалистическая оценка этого повреждения.

Возьмем к примеру такой конкретный случай из следственной практики: заведующий лавкой сельпо Ш. заявил, что в 2 часа ночи с 23 на 24 марта, в тот момент, когда он выходил из лавки по своим надобностям во двор, в дверях лавки в него неизвестным злоумышленником был произведен выстрел. Выстрелом Ш. был ранен в руку. После выстрела, по словам Ш., он упал, ударился головой и потерял сознание. На вопрос, на каком расстоянии стреляли в него, он ответа дать не мог, но заявил, что в момент, когда был произведен выстрел, он стоял в дверях лавки, порог которой выше уровня земли на 60 см. и что выстрел был произведен снизу вверх. При тщательном осмотре одежды вокруг верхнего пулевого отверстия была обнаружена темносерого цвета копоты на ткани радиусом в 2,6—3,5 см. Наличие копоты вокруг пулевого отверстия дало основание представителю расследования предполагать, что Ш. сам ранил себя. К этому же выводу пришла и научно-техническая экспертиза. Решающую роль здесь сыграли криминалисты, которые дали огнестрельному повреждению правильную криминалистическую оценку.

Судебная экспертиза огнестрельного оружия у нас поставлена плохо, и подготовленных работников в этой области у нас еще мало. Имеется всего несколько учреждений, которые производят этот вид экспертизы на надлежащем уровне. Неудивительно после этого, что в практике мы наблюдаем редкие случаи, когда бы огнестрельное оружие, из которого произведен был выстрел, стало объектом научно-судебной экспертизы. В большинстве случаев, как это подтверждает практика народных судов, огнестрельное оружие на суде в качестве вещественного доказательства не фигурирует. Протокольная запись в деле обычно гласит, что оружие сдано «на вооружение местной милиции».

Если же огнестрельное оружие направляется на исследование, то для производства послед-

него редко привлекаются действительные специалисты, квалифицированные эксперты. Обычно местные работники суда и следствия направляют на исследование огнестрельное оружие случайным экспертам, обычно охотникам и военным специалистам. Существует еще у многих практических работников взгляд, что экспертизу огнестрельного оружия может проводить всякий, умеющий стрелять.

В связи с этим перед руководителями судебных учреждений уместно поставить вопрос о том, что они думают сделать, чтоб ликвидировать это печальное явление. НКЮ СССР должен обеспечить судебные органы на местах возможностью производства научно-судебной экспертизы огнестрельного оружия. Можно привести десятки примеров, когда отсутствие подобных учреждений приводило к тяжелым судебным ошибкам.

Проф. Черваков приводит очень характерный в этом отношении пример, который типичен во многих отношениях.

«Рабочий Днепрострой Адам П. 23 августа 1929 г. Полоцким окружным судом за убийство своей жены, на основании ст. 214 Уголовного кодекса БССР, был приговорен к 8 годам тюремного заключения со строгой изоляцией.

Обстоятельства убийства Акулины П. были следующие:

Семья П. состояла из осужденного Адама П., его жены Акулины, двух маленьких детей, племянницы и мужа последней, Прохора Д. В предшествующие убийству месяцы между Адамом П. и Прохором Д. происходили споры на имущественной почве. Незадолго до убийства Адам П. должен был выехать на Днепрострой. По показаниям некоторых свидетелей по этому делу, Адам П. имел на стороне любовницу, что сам П. категорически отрицал, утверждая на всех допросах, что он жил с своей покойной женой все время очень хорошо и что никогда на стороне не имел связей с женщинами. В день убийства вечером была сильная гроза и ливень. В этот день племянницы П. не было дома, а муж ее с вечера поехал насти лошадь, таким образом в доме оставался только Адам П. со своей семьей. О самом убийстве Адам П. в судебном заседании показал следующее: «После ужина муж племянницы, Прохор, отправился на ночлег насти коня, а мы легли спать на кровати, которая стоит у окна; с края легла моя жена, у стены легла наша трехлетняя дочка, а я лежал посреди них. Жена лежала на спине и качала ногой колыбель с грудным ребенком, висевшую у кровати; сам я лежал на боку спиной к жене. Некоторое время спустя после того, как мы заснули, я внезапно проснулся от очень громкого выстрела и в избе почувствовал запах как бы от орудийного выстрела, причем мне помнится, что в избе блеснул огонь. В тот же момент я почувствовал сильную боль в спине. Я окликнул свою жену, она ничего мне не ответила, я услышал только хрипение; я потрогал ее руками и почувствовал, что у нее из груди что-то лилось. Я понял, что это кровь. В этот же момент мне показалось, что кто-то хлопнул наружными дверями, и я потерял сознание. Не знаю, через сколько времени я очнулся, добрался до дверей и вышел во двор. Не помню, были ли закрыты наружные двери. Я кое-как

добрался до хаты соседки, которая начала созывать людей. После этого я также ползком вернулся в избу и лег на другую кровать. Когда я выходил во двор, грозы и дожда не было. Оконные стекла до этого были целы, и как они разбились, не знаю. Пришедшим соседям я сказал, что нас убила молния, но на самом деле я не знаю, как мы оказались ранеными; если врачи признают, что это не от грома, то это дело рук моего зятя Прохора. Дети нашли в сенях пустую гильзу от винтовки, которая, когда ее принесли мне, имела запах как бы от недавнего выстрела. Оружия у нас не было и не имеется».

Небезынтересно привести и другое показание П. на судебном следствии. «Приехал фельдшер, поглядел рану, покачал головой и сказал, что от грома столько крови не может быть. Это ранение нанесено кинжалом. Услышав это, я сказал окружающим: «не поднимайте дела, я сам видел, что из трубы выскользнула синяя полоска ударила меня и жену и выскользнула в окно».

Непосредственно после убийства по подозрению в убийстве был задержан Прохор Д., который был освобожден только после осуждения Адама П. Адам П. настойчиво выдвигал версию о том, что его жена убита Прохором Д. После осуждения, находясь в заключении, П. пишет многочисленные заявления о своей невиновности, объявляет голодовку и настаивает на пересмотре дела, называя убийцей своей жены Прохора Д.

Перейдем к анализу материалов дела и исследованию вещественных доказательств, которыми руководились работники следствия и суда в период предварительного и судебного следствия по этому делу.

Из протокола судебно-медицинского вскрытия трупа, кстати сказать, проведенного весьма поверхностно, видно: «На груди на уровне сосков по сторонам сплошная синева до бедер, за исключением живота. На уровне третьего межреберья с правой стороны сосковой линии имеется рана овальной формы с рваными краями размерами 3 × 2 см. С левой стороны на том самом уровне имеется другое ранение, отверстие такой же формы размером 1,5 × 1 см. При проведении зонда из одной раны в другую, зонд проходит свободно; на уровне грудины он погружается глубоко в грудную клетку. Грудная кость в верхней части раздроблена, и из отверстия выпирают легкие темно-красного цвета. В области грудной клетки имеется кровянистая жидкость в количестве 400 куб. см. Сердце без повреждений. В области пищевода на уровне грудины имеется отверстие размерами 2 × 1/5 см».

На основании вышеприведенных данных вскрытия врачом, эксперт дал нижеследующее заключение: 1) смерть П. последовала от огнестрельного ранения, которое вызвало повреждение важнейших для жизни органов; 2) смерть произошла моментально; 3) потерпевшая в момент выстрела находилась в лежачем положении; 4) выстрел произведен на расстоянии приблизительно около двух метров из обрезка трехлинейной винтовки; 5) входным отверстием надлежит считать ранение на правой стороне грудной клетки, а выходным — на левой стороне.

При освидетельствовании П. врачами-эксперта-

тами через три недели после убийства его жены обнаружено:

В области верхней трети правой лопатки имеется кожная рана овальной формы с ровными краями размерами в диаметре $1 \times 0,7$ см; рана покрыта грауляциями; в верхнем углу раны и выше под кожей при исследовании прощупывается небольшое затверждение величиною с фасоль, подвижное при пальпации; при разрезе этого затверждения последнее оказалось рубцовой тканью. На основании исследования П. врачи-эксперты дали такое заключение: 1) рана нанесена холодным острым оружием; 2) давность нанесения раны № 2—3; 3) рубец образовался здесь за счет асептического заживления раны; 4) рана могла быть нанесена как посторонним лицом, так и самим потерпевшим.

В судебном заседании врач Г., вызванный в качестве эксперта, дал следующее заключение:

«При осмотре мною П. я нашел у него в области правой лопатки небольшую уже зажившую рану, около которой было затверждение; при разрезе мною этого затверждения установлено, что на этом месте раньше был фурункул, который позднее раздражался твердым предметом. Если бы сюда попала пуля, то она прошла бы значительно глубже. При желании самому можно нанести ранение спины, тем более, что П.—столяр, имеет разные инструменты. При осмотре обвиняемый нам говорил, что пулей была убита его жена и ранен он сам, но мы при исследовании плана избы приходим к заключению, что если бы выстрел был сделан через окно, то пуля пошла бы по другому направлению».

За время своего нахождения в тюрьме П. написал ряд заявлений о своей невиновности с просьбой о пересмотре дела. Через год после вынесения приговора (5 сентября 1929 г.) врачом полковой тюрьмы при освидетельствовании П. было обнаружено в верхней трети левого плеча инородное тело, каковое было удалено оперативным путем и оказалось деформированной пулей от трехлинейной винтовки. Здесь необходимо привести выдержку из акта осмотра места происшествия от 27 мая 1928 г.: «Около самой кровати имеется окно размерами 62×81 см; высота подоконника над полом 85 см. Правая шиба окна разбита, имеет неправильное отверстие размерами 16×25 см, на подоконнике лежит кусок стекла размерами 16×9 см, более таких осколков стекла ни внутри избы, ни снаружи под окном не обнаружено. При осмотре пола обнаружено: у окна большое кровавое пятно, а под кроватью около стены найдена пустая гильза от русской трехлинейной винтовки. Гр. П. был направлен в Институт криминалистики и судебной экспертизы и был подвергнут тщательному судебно-медицинскому и, в частности, рентгеновскому исследованию».

Опуская за недостатком места подробности судебно-медицинского исследования, отметим вкратце, что при рентгеновском исследовании П. в области шейки правой лопатки было обнаружено овальной формы отверстие с ровными краями величиною в большую горошину; рядом с этим отверстием на позитивах отмечается овальной формы затемнение размерами несколько больше, чем указанное отверстие. Анализ материалов предварительного и судебного следствия, а также данные рентгеновского исследования дают полное основание признать ошибочным заключение

врачей-экспертов о том, что рана на спине в области правой лопатки нанесена самим гр. П. острым металлическим предметом, как, например, долотом. Версия о самоповреждении в данном конкретном случае с целью инсценировать огнестрельное ранение совершенно неверна. Наличие овального отверстия с ровными краями в лопатке дает основание считать, что ранение спины является огнестрельным. Допустить, что Адам П. нанес выстрел сам себе в спину, в данном случае нельзя. Вообще же, принимая во внимание вышеизложенные данные, а также то обстоятельство, установленное судебным следствием, что в данном случае имел место один выстрел, никак нельзя представить себе, что убийца был ранен от одного выстрела той же самой пулей, которая прошла через тело его жены Акулины П. Утверждение врача, производившего судебно-медицинское вскрытие трупа, о том, что выстрел был произведен на расстоянии около двух метров, не имеет под собой никакой объективной почвы. Заключение врача-эксперта о том, что выстрел был произведен из винтового обреза, заслуживает внимания. Характер раны, характер особенности деформации пули дали нам основание присоединиться к этому заключению, тем более еще и потому, что обрезы в тот период времени довольно часто встречались в той местности. Суммируя все данные этого интересного и запутанного дела, институт в своем заключении отметил, что в данном случае имело место ранение одной пулей лежавших рядом на кровати граждан П.

Президиум Верховного суда согласился с заключением института и Адам П. был освобожден от наказания».

Подобных примеров можно было бы привести очень много, и все они свидетельствуют о том, что правильная организация научно-судебной экспертизы уже не такое маленькое дело, что бы органы юстиции могли проходить мимо этого.

Печальные последствия крыленковского руководства в отношении учреждений научно-судебной экспертизы необходимо ликвидировать в самый кратчайший срок.

В свете всех этих данных книга проф. Червакова приобретает исключительное значение. Это не только руководство для экспертов по научно-судебной экспертизе огнестрельного оружия, но и агитация за должную организацию учреждений научно-судебной экспертизы. Книга несомненно имеет большую научную ценность. Ее с одинаковым интересом прочтут и судебные и прокурорско-следственные работники.

Книга проф. Червакова состоит из 12 глав. В первой главе проф. Черваков дает определение предмета и задачи судебной баллистики. Проф. Черваков указывает, что огнестрельное оружие нередко является вещественным доказательством в уголовных делах. И в простых убийствах, и в террористических актах огнестрельное оружие чаще другого является орудием убийства. Это объясняется прежде всего тем, что убийство огнестрельным оружием представляет более «скрытый способ убийства». Убийца надеется остаться нераскрытым, оставляя меньше следов. Кроме всего этого нужно иметь в виду, что после империалистической войны и войны гражданской в руках некоторых слоев населения, особенно в районах, бывших театром военных действий, осталось некоторое количество огнестрельного

оружия. Контрреволюционные элементы не раз использовали это оружие для совершения террористических актов против советского и партийного актива, особенно в деревне. На основании большой практики Белорусского института проф. Черваков показывает, что в недавнем прошлом винтовочный обрез был излюбленным оружием кулаков.

Классовый враг сейчас еще использует огнестрельное оружие для совершения преступлений, поэтому необходимо усилить внимание к правильной постановке исследования оружия, положив конец самотеку и кустарщине, которые царят в этом отношении.

Все эти положения проф. Черваков иллюстрирует весьма убедительными примерами.

Вторая глава книги проф. Червакова посвящена классификации огнестрельного оружия. Автор указывает, что эти сведения необходимы для определения идентичности огнестрельного оружия, пули и патронных гильз. Следовательно или судья часто ставят перед экспертом такие вопросы, из какого огнестрельного оружия был произведен выстрел, выстрелена ли обнаруженная гильза из данного оружия, выстрелена ли обнаруженная пуля из данного оружия и т. п. Естественно, что успешно разрешить все эти вопросы можно только после того, как эксперт хорошо изучил классификацию огнестрельного оружия. Правильно указывает автор, что «в некоторых наиболее элементарных случаях, правильно классифицируя оружие и патроны, можно без дальнейшей кропотливой идентификации оружия по пулям и патронным гильзам с категоричностью исключить ряд образцов оружия, представленных в качестве вещественных доказательств, что в значительной мере облегчает работу судебного эксперта».

Глава третья разбирает калибры огнестрельного оружия и пули. Вопрос о калибрах часто встает перед экспертом в случаях идентификации огнестрельного оружия и пули. Автор дает таблицу калибров миллиметровских, английских и американских. Наряду с очень ценными практическими сведениями в этой главе автор дает очень полезное указание относительно калибра пули. Специалисты считают, что калибр пули точно должен соответствовать калибру оружия, для которого пуля предназначена. В криминалистической практике встречаются случаи, когда преступник стреляет пулей меньшего калибра из оружия большего калибра. Профессор Черваков приводит случай подобного рода, когда по одному делу об ограблении пришлось отвечать на вопрос, можно ли произвести выстрелы из револьвера системы Наган патронами к автоматическому пистолету калибра 7,65 мм. Исследованием было установлено, что пустые (выстреленные) гильзы от револьвера системы Наган кустарным способом заряжались пулями от автоматического пистолета системы Маузер калибра 7,65 мм. Это указание проф. Червакова имеет очень важное значение для практики, ибо показывает, что к категоричности заключения об определении вида оружия по выстреленной пуле нужно подходить весьма критически.

В четвертой и пятой главах книги проф. Черваков описывает автоматическое короткоствольное оружие (пистолеты) и револьверы. Эти разделы представляют малый интерес, прежде

всего потому, что новых сведений автор не дает, а материальную часть этого оружия по указанным разделам книги изучить хорошо нельзя, так как эти разделы очень кратко изложены. Мы считаем, что в последующих изданиях книги необходимо эти разделы или снять совсем, или развернуть гораздо шире.

Шестая глава книги, в которой разбираются вопросы идентификации огнестрельного оружия, представляет наибольший интерес. Эту главу с большим интересом прочтут наши следователи, и здесь они найдут ответы на наиболее волнующие их вопросы. Автор говорит, что в своей работе следователь встречается чаще всего со следующими вопросами:

- «1) определение образца оружия по найденной патронной гильзе;
- 2) определение образца оружия по обнаруженной пуле;
- 3) установление идентичности оружия по представленному оружию и гильзам;
- 4) установление идентичности оружия по представленному оружию и пулям и, наконец,
- 5) идентификация гильз и пули по представленным образцам последних».

Автор подробно описывает все моменты, которые служат основанием для идентификации. Читая эти страницы, следователь поймет, почему и для чего необходимо, например, при расследовании убийства собирать все материалы, касающиеся огнестрельного оружия, если оно фигурирует по делу. И почему необходимо не только собрание этих материалов, но и указание места, где то или иное оружие или снаряжение к нему обнаружены. «При обнаружении патронных гильз на месте преступления обязательно фиксируется в протоколе осмотра и местонахождение». Ибо последнее обстоятельство иногда позволяет установить, откуда был произведен выстрел.

В этом же разделе автор подробно описывает аппаратуру, применяемую при идентификации. В главах седьмой, восьмой, девятой книги проф. Червакова даются описания дробового оружия, винтовок и обрезов винтовок, а также мелкокалиберного оружия. Все эти три главы насыщены богатым криминалистическим материалом из практической работы Белорусского криминалистического института. Для проверки некоторых моментов проводилась большая экспериментальная работа. Эти разделы, особенно первый из них, для нас представляют особый интерес. Этот интерес с криминалистической точки зрения объясняется прежде всего тем, что дробовое оружие по количеству и по степени распространенности среди нашего населения стоит на первом месте. Ясно после этого, какое значение имеет правильная организация исследования этого рода оружия. Исследование дроба, картечи, пыжа встречает на практике много трудностей. Особый интерес представляет пыж. Конечно, нахождение пыжа на месте преступления еще не всегда позволяет идентифицировать то оружие, из которого произведен выстрел, но для расследования нахождение пыжа имеет исключительное значение. Насколько ценным доказательством может быть пыж, показывает следующий пример, приводимый проф. Черваковым.

«Приговором одного из красивых судов г-н П. был осужден по ст. 58-8 УК РСФСР по обви-

нению его в убийстве уполномоченного рай-исполкома Л.

Л. был у себя в комнате убит выстрелом из ружья в то время, когда он читал книгу. На месте совершения преступления обнаружены обрывки пыжа с печатным текстом на мордовском языке. На книжке, которую читал Л., также оказался залитый кровью клочок пыжа с печатными буквами на мордовском языке. При обыске у обвиняемого П. была найдена детская школьная книга — учебник на мордовском языке «Лисьма пря», с оторванными листами, начиная от 21 страницы. Была произведена экспертиза, эксперт — школьный инспектор Ч., которая на основании сравнения обрывков пыжа, обнаруженных на месте убийства и на книжке, залитой кровью, с книжкой, отобранной у П., по размеру и расположению букв, по набору их, по качеству бумаги, по расположению строк и даже по содержанию отрывков слов пришла к заключению, что обрывки пыжа, обнаруженные на месте убийства, принадлежат книжке, обнаруженной у П. Так появилась очень серьезная улика фактического свойства.

В кассационной жалобе кассатор дал очень убедительную критику экспертизы, произведенной при рассмотрении дела по существу, и настаивал на дополнительной экспертизе. Экспертиза, имевшаяся в деле, вызвала сомнения и у Верховного суда, который придал весьма большое значение правильному разрешению тех вопросов, которые были предметом экспертизы. Для разрешения своих сомнений Верховный суд решил произвести экспертизу в ходе самого кассационного процесса. Экспертиза была поручена высококвалифицированному судебному эксперту-специалисту. Второй экспертизой была произведена следующая работа: эксперты сверили обрывки пыжа со всеми страницами той книжки, которая была найдена у П. Но так как в экземпляре П. не хватало некоторых страниц, в отношении которых и предполагалось, что они соответствуют обрывкам пыжа, то эксперты, получив другой экземпляр той же книжки, по этому полному экземпляру произвели сличение обрывка со страницами книги. Сличение дало основание считать, что обрывки пыжа не соответствуют ни одной странице этой книги. При дальнейшем исследовании были рассмотрены различные другие книги на мордовском языке, причем было установлено, что обрывки пыжа совпадают с некоторыми страницами из совсем другой книги, которой среди отобранных у П. не было.

Таким образом, экспертиза специалистов установила ошибочность первичной экспертизы, которая была положена в основание приговора.

Верховный суд нашел возможным согласиться с заключением экспертизы и вынес следующее определение: «Кассационная коллегия находит приговор краевого суда неправильным и подлежащим отмене по следующим соображениям. Крайсуд обосновал свой приговор, главным образом, на заключении эксперта, давшего заключение о том, что пыжи, обнаруженные на месте совершения преступления, относятся к книге с оторванными страницами, отобранной

при обыске у осужденного П. Правильность этой экспертизы вызвала у кассационной коллегии сомнение, вследствие чего кассационная коллегия, отклонив дело, направила пыжи и книги, отобранные у осужденного, для производства дополнительной экспертизы, актом которой от 15 мая 1932 г. за № 11-146 заключение и исследование обрывков пыжа эксперта — школьного инспектора Ч. признано неправильным и, в частности, указано на то, что обрывки пыжа соответствуют стр. 47 книги «Учувадов» — колхозник букврь... а не книги, как указано в протоколе экспертизы, «Лисьма пря».

Поскольку второй эксперт с несомненностью опровергает все основные улики, на которых обоснован приговор суда в отношении осужденного П., кассационная коллегия отменила приговор и нашла необходимым перелать дело для производства дополнительного расследования.

Большое количество интересных примеров и экспериментального материала приведено также в разделе, посвященном винтовкам и винтовочным образцам.

Три последние главы — «О признаках выстрела», «Порох и другие взрывчатые вещества в криминалистическом отношении», «К технике расследования случаев убийств, самоубийств и самоповреждений из огнестрельного оружия» — по содержанию наиболее интересны. Являясь специалистом в области судебной медицины, автор подробно разработал и вопросы судебно-медицинского порядка.

На большом конкретном материале показано, что криминалистическое исследование достигает больших результатов, если это исследование связано с судебно-медицинским исследованием.

Автор правильно указывает, что «при расследовании случаев убийства и самоубийства из огнестрельного оружия приходится сталкиваться с явлениями, требующими как судебно-медицинской экспертизы, так и криминалистической оценки; одностороннее освещение вопроса не может дать исчерпывающего заключения, удовлетворяющего следствие».

Подчеркивая ценность этих последних глав, особенно последней главы, посвященной технике расследования, необходимо все же отметить, что автор здесь слишком краток. Можно было бы без всякого ущерба для ценности книги, за счет глав, посвященных описанию материальной части оружия, увеличить размер глав, непосредственно предназначенных для судебных и прокурорско-следственных работников. Главу о технике расследования необходимо увеличить привлечением конкретного практического материала из следственной практики. На этом конкретном материале необходимо показать, когда и как должен следовательно привлекать экспертизу, какие вопросы он может поставить эксперту, как собрать и подготовить материал для экспертизы.

Все это только повысит ценность книги для массового читателя.

При втором издании (а оно необходимо, так как книга уже разошлась) все это необходимо учесть.

С. Митричев

О Ф И Ц И А Л Ы Н Ы Й О Т Д Е Л

О ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ПРАКТИКЕ СТУДЕНТОВ ЮРИДИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ

На основании утвержденного Советом Народных Комиссаров СССР положения о производственной практике студентов высших учебных заведений от 26 марта 1938 г. (Собрание постановлений и распоряжений правительства СССР 1938 г. № 14, ст. 89) приказываю:

§ I

Установить сроком на 5 лет следующие места для прохождения производственной практики студентами юридических вузов в органах прокуратуры:

Для Московского юридического института:

прокуратура г. Москвы, Московская областная прокуратура, прокуратура РСФСР, прокуратура СССР.

Для Ленинградского юридического института:

Ленинградская областная прокуратура.

Для Казанского юридического института:

прокуратура Татарской АССР, прокуратура Горьковской области, прокуратура Кировской области, прокуратура Башкирской АССР, прокуратура Удмуртской АССР, прокуратура Чувашской АССР, прокуратура Мордовской АССР и прокуратура Марийской АССР.

Для Саратовского юридического института:

Саратовская областная прокуратура.

Для Свердловского юридического института:

Свердловская областная прокуратура.

Для Харьковского юридического института:

Харьковская областная прокуратура.

Для Минского юридического института:

Прокуратура Белорусской ССР.

Для Ташкентского юридического института:

Прокуратура Узбекской ССР.

Для юридического факультета Киевского государственного университета:

Прокуратура УССР и прокуратура Киевской области.

Для юридического факультета Тбилисского государственного университета:

Прокуратура Грузинской ССР.

Для юридического факультета Ереванского государственного университета:

Прокуратура Армянской ССР.

Для юридического факультета Бакинского экономического института

Прокуратура Азербайджанской ССР.

§ 2

Прокурорам указанных выше республик и областей организовать производственную практику для направляемых к ним студентов как в центральных аппаратах прокуратуры, так и в районных прокуратурах, в соответствии с планом и программами производственной практики, устанавливаемыми Наркомюстом СССР.

§ 3

В каждом месте производственной практики выделять работника, ответственного за ее проведение, возложив на него общее руководство производственной практикой студентов и повседневный контроль за их работой.

Студентов прикреплять для прохождений практики к наиболее квалифицированным работникам, которые могут обеспечить непосредственное руководство практикантами.

§ 4

Работу по непосредственному руководству производственной практикой оплачивать за счет прокуратур, в которых производится практика, в размере от 10% до 30% заработной платы выделенного работника, в зависимости от количества прикрепленных к нему студентов-практикантов.

§ 5

По окончании практики выделенные для руководства практикантами работники обязаны дать каждому студенту письменный отзыв о результатах практики и о качестве его работы.

Прокурор Союза ССР А. Вышинский

5 мая 1938 г.

№ 461

О ЛЬГОТАХ ДЛЯ РАБОТНИКОВ ПРОКУРАТУРЫ, СОСТОЯЩИХ СЛУШАТЕЛЯМИ ЗАОЧНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Прокурорам союзных республик, краев и областей, автономных республик и автономных областей, прокурорам железнодорожного и водного транспорта.

Во изменение циркуляра Прокуратуры СССР от 19 августа 1937 г. № 61/6 о льготах для работников прокуратуры, состоящих слушателями заочного юридического института и заочной юридической школы, устанавливаю следующий порядок оплаты поездок слушателей на учебные конференции и заочные и экзаменационные сессии:

1. Помимо проезда в оба конца, слушателям заочных учебных заведений должны оплачи-

ваться суточные в размере 50% от норм, установленных в законе о командировках, но не более 10 руб. в сутки, и квартирные в г. г. Москвы, Ленинграде и Киеве по 8 руб. и в остальных городах — по 5 руб. в сутки.

2. Оплата командировочных слушателям лежит на обязанности тех органов прокуратуры, в которых они состоят на постоянной службе.

Прокурор Союза ССР А. Вышинский

25 мая 1938 г.

№ 539

О СЛУЖЕБНЫХ НАДЕЛАХ ДЛЯ ЛЕСНИКОВ И ОБЪЕЗДЧИКОВ

По имеющимся в Прокуратуре сведениям в ряде мест лесные организации допускают распространительное применение постановления СНК СССР от 1 июля 1937 г. за № 1020 «О служебных наделах для лесников и объездчиков» (С. З. 1937, № 41, ст. 175), предоставляя сенокосные угодья не только в пользование лесников и объездчиков, но и других своих лесобработчиков.

Такая практика незаконна: Главное управление лесоохраны и лесонасаждений при СНК СССР возбуждало перед Совнаркомом СССР ходатайство о распространении указанного постановления от 1 июля 1937 г. на других, кроме лесников и объездчиков, работников лесхозов, но это ходатайство было Совнаркомом СССР отклонено.

Ввиду этого начальник Главного управления лесоохраны и лесонасаждений при СНК СССР 7 декабря 1937 г. за № В-5 дал всем своим территориальным управлениям указание о том, что предоставление огородных и сенокосных угодий прочим, кроме лесников и объездчиков, лесороботникам лесхозов должно производиться в порядке общего распределения сельскохозяйственных угодий через районные земельные управления.

Об изложенном сообщаю для сведения и руководства прокурорам союзных и автономных республик, краев и областей.

Прокурор Союза ССР А. Вышинский

27 мая 1938 г.

№ 546

О РАБОТЕ ПО ЖАЛОБАМ НА НЕПРАВИЛЬНОЕ УВОЛЬНЕНИЕ И НЕПРАВИЛЬНЫЙ ОТКАЗ В ПРИЕМЕ НА РАБОТУ

Из оперативных материалов, имеющихся в распоряжении Прокуратуры СССР, видно, что органы прокуратуры на местах до сих пор не перестроили своей работы по жалобам на неправильное увольнение и неправильный отказ в приеме на работу, как они должны были это сделать в соответствии с постановлением Январского пленума ЦК ВКП(б). В докладах о работе по общему надзору, поступающих от прокуроров республик, краев и областей, эта работа зачастую совсем не освещается (прокуратура УССР, Таджикской ССР, Азербайджанской ССР, Донецкая и Калининская областные прокуратуры и т. д.). Не поступает также спецдонесений с мест о наиболее выдающихся случаях нарушений постановления Январского пленума и мероприятиях органов прокуратуры.

Из поступающих же в Прокуратуру Союза

жалоб видно, что дело доходит до того, что в отдельных случаях прокуроры уклоняются от приема к своему рассмотрению жалоб на увольнение или отказ в приеме на работу. Так например, начальник гражданско-судебного отдела Харьковской областной прокуратуры сообщил жалобщнику Тищенко, что прокуратура не занимается рассмотрением вопросов о правильности увольнения с работы.

К рассмотрению жалоб органы прокуратуры нередко подходят формально, без действительной проверки их. Так, прокурор Одесской области, имея поручение от Прокуратуры СССР проверить жалобу учительницы Тартаковской на неправильное увольнение в связи с арестом ее мужа, вместо проверки жалобы, ограничился отпиской на основании лишь сведений, полученных от администратора, уволившего Тартаковскую.

После второго предложения Прокуратуры СССР о проверке данной жалобы, учительница Тартаковская была восстановлена на работе, как незаконно уволенная.

Имеется ряд случаев, когда прокуроры дают жалобщикам и администрации учреждений неправильные, противоречащие закону указания по вопросам, связанным с увольнением и приемом на работу.

Так, прокурор Балаклеевского района Харьковской области предложил директорам предприятий выдавать уволенным справки об увольнении без указания мотивов, что прямо противоречит Кодексу законов о труде. Прокуратура Архангельской области опротестовала приказ треста «Маслопром» об увольнении гр. Польского, содержащий в себе указания на служебные проступки, допущенные уволенным, требуя, чтобы в приказах делались только ссылки на соответствующий пункт ст. 47 КЗоТ.

Практика также показывает, что прокуроры принимают недостаточное участие в судах в порядке ст. 2 и 12 ГПК РСФСР и соответствующих статей ГПК других союзных республик при рассмотрении дел о неправильных увольнениях.

Органы прокуратуры на местах, рассматривая отдельные жалобы, как правило, не доводит дел до конца, не исследуют вопроса о том, являются ли неправильные увольнения на том или другом предприятии, или в том или другом учреждении ошибкой или же результатом самостраховки, а то и вражеской работы.

Приказываю:

1. Обеспечить при рассмотрении жалоб на неправильное увольнение и неправильный отказ в приеме на работу вдумчивый подход к каждой жалобе, производя в необходимых случаях тщательную проверку указанных в жалобе обстоятельств.

2. Добиваться полной реабилитации оклеветанных, принимая меры к тому, чтобы органы печати опубликовывали материалы, реабилитирующие оклеветанных лиц, если о них в печати были помещены дискредитирующие сведения.

3. Опротестовывать в вышестоящие инстанции незаконные увольнения ответственных работников, дела которых, на основании ст. 65 постановления ЦИК и СНК СССР от 29 августа 1928 г. «О примирительно-третейском и судебном рассмотрении трудовых конфликтов» (С. З. № 56 за 1928 г., ст. 495), не подлежат рассмотрению в РКК и суде, а также опротестовывать в выше-

стоящие органы по линии профессиональных союзов постановления РКК, инспекторов труда и профсоюзных органов в случае явной незаконности постановления или когда, по мнению прокуратуры, существенно нарушены интересы государства или трудящихся (ст. 45 пост. ЦИК и СНК СССР от 29 августа 1928 г.).

4. В случаях незаконного отказа в приеме на работу опротестовывать в вышестоящую инстанцию незаконный отказ в приеме на работу. В случае отказа в приеме на работу в связи с посылкой секретных характеристик, принимать меры к аннулированию незаконных характеристик. В случаях перестраховки или создания условий, мешающих поступлению на работу, привлекать виновных к ответственности.

5. В соответствии с постановлением 59 пленума Верховного Совета СССР, опротестовывать отказы судов ответственным работникам, дела которых на основании ст. 63 постановления ЦИК и СНК Союза ССР от 29 августа 1928 г. не подлежат рассмотрению в РКК и суде, и лицам, уволенным в порядке применения дисциплинарных уставов, в рассмотрении их исков:

а) об изменении незаконных формулировок причин увольнения и

б) об оплате вынужденного прогула в случаях, когда увольнение признано в административном порядке неправильным или когда незаконная формулировка причин увольнения мешала уволенному поступить на другую работу.

6. Принимать участие в судах по делам об увольнении во всех случаях по требованию суда (ст. 12 ГПК РСФСР и соответствующие статьи ГПК других союзных республик), а также по собственной инициативе, вступая в возбужденное дело или предъявляя иски от имени прокуратуры, если по обстоятельствам данного дела этого требует, по мнению прокурора, охрана интересов государства или трудящихся масс (ст. 2 ГПК РСФСР и соответствующие статьи ГПК других союзных республик).

Принимать меры к более широкому применению ст. 72 постановления ЦИК и СНК СССР от 29 августа 1928 г. о возложении на должностных лиц, произведших неправильное увольнение, обязанности возместить предприятию или учреждению убытки, причиненные последнему выплатами вознаграждения неправильно уволенному работнику.

7. В злостных случаях незаконного увольнения или отказа в приеме на работу, виновных лиц привлекать к уголовной ответственности по ст. 133 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик. Те же действия должностных лиц в случае, если они совершались систематически или из соображений корыстных или иной личной заинтересованности, квалифицировать по ст. 109 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик. В тех случаях, когда увольнение связано с оклеветанием уволенного, клеветников привлекать к уголовной ответственности, руководствуясь приказом по Прокуратуре Союза ССР от 5 апреля 1938 г. № 346.

8. Обеспечить рассмотрение жалоб на неправильное увольнение и неправильный отказ в приеме на работу в течение 2—3 дней со дня поступления жалобы.

9. Пересмотреть в 10-дневный срок все находящиеся в производстве незаконченные разрешения жалобы на неправильные увольнения

или отказ в приеме на работу (включая жалобы, по которым даны поручения низовым органам прокуратуры или другим организациям) и обеспечить срочное их разрешение.

О наиболее выдающихся случаях нарушений постановления Явварского пленума ЦК ВКП(б) и мерах, принятых органами прокуратуры, посылать в Прокуратуру Союза ССР спецдонесения.

Прокурор Союза ССР А. Вышинский

28 мая 1938 г.

№ 547

О ТАЙНЕ ГАЗЕТНЫХ СИГНАЛОВ

За последнее время участились сигналы о том, что отдельные учреждения и должностные лица, разглашают имена авторов писем, направленных им газетами или направляемых через них в газету.

Прокуроры не ведут должной борьбы с этого рода преступлениями и тем самым поощряют практику нарушения авторских прав лиц, направляющих корреспонденцию в газету.

Больше того, отдельные прокуроры сами грубо нарушают требования закона о сохранении в тайне фамилии автора газетной заметки и, не скрывая его фамилии, направляют корреспонденции руководителям тех учреждений, о непорядках в которых сообщается в неопубликованных заметках.

Подобные факты имели место в прокуратуре г. Кинешмы, Ивановской области.

Приказываю:

Возоговорочно привлекать к уголовной ответственности по ст. ст. 96 и 121 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик лиц, виновных в разглашении имен авторов корреспонденций.

Прокурорам при направлении газетных заметок, не требующих расследования в уголовном порядке, в соответствующее учреждение препровождать по назначению копию заметки без сообщения имени автора.

При пересылке газетных заметок из одной прокуратуры в другую направлять их как не подлежащие оглашению, а при наличии в них особо важных сигналов — в секретном порядке.

Прокурор Союза ССР А. Вышинский

3 июня 1938 г.

№ 592

О НЕЗАКОННЫХ ИЗЪЯТИЯХ ДОМОВ И ДРУГИХ СТРОЕНИЙ, НАХОДЯЩИХСЯ В ВЕДЕНИИ ОРГАНОВ ЛЕСООХРАНЫ И ЛЕСОНАСАЖДЕНИЙ

По сообщению главного управления лесоохраны и лесонасаждений при СНК СССР за последнее время участились случаи незаконного изъятия местными исполкомами и горсоветами домов и других строений, находящихся в ведении органов лесоохраны и лесонасаждений.

При проверке жалоб на такого рода изъятия необходимо иметь в виду, что согласно ст. 7 постановления ЦИК и СНК СССР от 2 июля 1936 г. «Об образовании Главного управления лесоохраны и лесонасаждений при СНК СССР и о выделении водоохранной зоны» (С. З. 1936 г. № 35, ст. 311), наркоматы лесной промышленности, земледелия, тяжелой промышленности и

путей сообщения обязаны были все лесные массивы в пределах водоохранной зоны, с обслуживающим эти леса лесохозяйственным и необходимым лесоустроительным аппаратом, перестройками, инвентарем и всеми денежными средствами на лесохозяйственные мероприятия, передать Главному управлению лесоохраны и лесонасаждений.

Советам народных комиссаров РСФСР, УССР и БССР было предложено на тех же основаниях передать Главному управлению лесоохраны и лесонасаждений леса местного значения, расположенные в пределах запретных полос.

Приказываю:

Прокурорам союзных и автономных республик, краев и областей и районным прокурорам, в тех случаях, когда проверкой будет установлено, что изъятые строения были переданы органам Главного управления лесоохраны и лесонасаждений в порядке п. 7 постановления ЦИК и СНК СССР от 2 июля 1936 г., опротестовывать незаконные постановления местных органов власти об изъятии этих строений.

Прокурор Союза ССР А. Вышинский

7 июня 1938 г.

№ 623.

О РАЗБОРЕ ЖАЛОБ, НАПРАВЛЯЕМЫХ В ОРГАНЫ ПРОКУРАТУРЫ ДЕПУТАТАМИ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СОЮЗА ССР

Прокурорам союзных и автономных республик, краев, областей, округов, городов и районов, прокурорам военных округов и корпусов, ж. д. и водного транспорта.

Многие депутаты Верховного Совета Союза ССР жалуются на то, что они в ряде случаев не могут добиться ответов от органов прокуратуры (Московская городская прокуратура, Московская, Ивановская, Омская, Свердловская областные прокуратуры и т. д.), которым направили заявления и жалобы граждан.

Считая совершенно недопустимым такое отношение к жалобам и заявлениям граждан вообще, и в частности, к жалобам и заявлениям, поступающим в органы прокуратуры от депутатов Верховного Совета Союза ССР, приказываю под личную ответственность прокуроров союзных и автономных республик, краев, областей, округов, городов и районов, прокуроров военных округов и корпусов, ж. д. и водного транспорта:

1. Немедленно рассмотреть и окончательно разрешить все поступившие от депутатов Верховного Совета СССР заявления и жалобы, поставив в известность о результатах как жалобщиков, так и депутатов Верховного Совета Союза ССР.

2. Впредь разрешать такого рода заявления и жалобы вне всякой очереди, о результатах немедленно сообщая как жалобщикам, так и депутатам Верховного Совета СССР.

3. В случаях, когда окончательное разрешение жалобы в силу уважительных причин задерживается, сообщать об этом депутатам Верховного Совета Союза ССР, направившим в прокуратуру эти жалобы.

Прокурор Союза ССР А. Вышинский

8 июня 1938 г. № 631.

ОБ УСИЛЕНИИ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ ПРОТИВ РАСКРЕПОЩЕНИЯ ЖЕНЩИН-НАЦИОНАЛОК

Имеющиеся в распоряжении Прокуратуры Союза ССР сообщения показывают ослабление внимания органов прокуратуры союзных республик к борьбе с преступлениями, составляющими пережитки родового быта; охрана прав и интересов раскрепощенных женщин-националок не поставлена еще на должную высоту, органы прокуратуры, усилившие борьбу с преступлениями, составляющими пережитки родового быта, в 1936—1937 г.г., после подучения моих приказов от 20 июля 1935 г. и 5 апреля 1936 г., отнеслись во многих местах к этой своей работе как к очередной кампании, не закрепили достигнутых успехов и не ликвидировали указанных в моих приказах серьезных недостатков в своей работе.

Ввиду этого приказываю прокурорам союзных и автономных республик:

1. В месячный срок проверить выполнение моих приказов от 20 июля 1935 г. и 5 апреля 1936 г. и принять все меры к немедленному устранению указанных в них недочетов в работе органов прокуратуры.

2. Систематически следить за ходом работы районных прокуроров в области борьбы с преступлениями против раскрепощения женщин-националок, конкретно инструктируя прокуроров и следователей, устранив самотек в работе и недооценку борьбы с этими преступлениями.

3. Возложить на одного из помощников прокурора республики работу по охране прав женщин-националок и борьбу с преступлениями против раскрепощения женщин.

4. Не позднее 1 августа 1938 г. представить мне докладную записку о проделанной работе с указанием фамилии помощника прокурора, на которого возложена эта работа в прокуратуре республики.

5. Уголовно-судебному отделу Прокуратуры СССР подытожить работу органов прокуратуры по борьбе с преступлениями, связанными с пережитками родового быта, и представить мне свои выводы к 25 августа 1938 г.

Прокурор Союза ССР А. Вышинский

17 июня 1938 г.

№ 672

О НАРУШЕНИИ СРОКОВ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОРГАНАМ ЦУНХУ ОТЧЕТНЫХ МАТЕРИАЛОВ

Постановлением ЦИК и СНК СССР от 27 ноября 1933 г. было предложено привлекать к уголовной ответственности лиц, виновных в систематическом нарушении сроков представления органам народно-хозяйственного учета отчетных материалов.

По сообщению ЦУНХУ, в целом ряде случаев местные органы прокуратуры неосновательно отказываются возбуждать уголовные дела о злостных нарушениях правил о представлении статистической отчетности или ограничиваются возбуждением дисциплинарного преследования в таких случаях, когда есть основание для привлечения виновных к уголовной ответственности.

Приказываю прокурорам союзных и автономных республик, краев и областей:

1. Тщательно рассматривать все сообщения органов ЦУНХУ о нарушении теми или иными организациями правил о представлении статистической отчетности.

Во всех случаях, когда будет установлено:

а) что нарушение правил о представлении статистической отчетности имело место систематически и продолжалось несмотря на наложение на виновных в этом лиц дисциплинарных взысканий;

б) что нарушение правил о представлении статистической отчетности было вызвано какими-либо антигосударственными мотивами лиц, обязанных представлять такую отчетность, например, желанием скрыть невыгодные для администрации предприятия показатели о работе этого предприятия;

в) что нарушение правил о представлении статистической отчетности повлекло за собой или, заведомо для лиц, обязанных представлять статистические сведения, могло повлечь тяжелые последствия, например срыв составления хозяйственных планов, планов финансирования и т. п.;

— привлекать виновных к уголовной ответственности по ст. 109 Уголовного кодекса РСФСР и соответствующим статьям Уголовных кодексов других союзных республик.

2. Во всех случаях, когда будет установлено, что нарушение правил о представлении статистической отчетности явилось результатом преступной халатности лиц, обязанных представлять такие сведения, — привлекать виновных к уголовной ответственности по ст. 111 Уголовного кодекса РСФСР и по соответствующим статьям Уголовных кодексов других союзных республик.

3. В случаях, когда нарушение правил о представлении статистической отчетности не было сопряжено с указанными выше квалифицирующими обстоятельствами, дающими основание рассматривать такое нарушение как уголовное преступление, — возбуждать против виновных дисциплинарное преследование.

4. О результатах мероприятий, принятых органами прокуратуры по сообщениям органов ЦУНХУ, обязательно доводить до сведения последних.

Прокурор Союза ССР А. Вышинский

19 июня 1938 г.

№ 675

О РАБОТЕ ПРАВОВЫХ ШКОЛ

Проведенное 21—23 июня с. г. в Наркомюсте СССР при участии Прокуратуры СССР совещание работников юридических (правовых) школ показало, что одним из существеннейших дефектов в работе юридических школ и курсов является недостаточность квалифицированных преподавателей правовых дисциплин. Подавляющее большинство таких преподавателей составляют практические работники прокуратуры и суда, которые в силу своей загруженности по

основной работе не имеют возможности надлежащим образом готовиться к занятиям, пропускают занятия и т. д.

Отмечается также, что прокуроры союзных и автономных республик, краев и областей часто не уделяют должного внимания работе юридических школ и курсов, считая, что, поскольку руководство системой юридических школ и курсов осуществляется Наркомюстом СССР и Наркомюстами союзных и автономных республик, — прокурорам нет надобности заниматься вопросами этой работы.

Юридические школы и курсы в настоящий момент являются основной формой массовой подготовки и переподготовки прокурорских работников, поэтому прямой обязанностью всех органов прокуратуры является оказание всемерного содействия работе юридических школ и курсов, помощь им в устранении имеющихся в их работе недостатков.

Исходя из вышесказанного, при казывают:

1. Всем прокурорам союзных и автономных республик, краев и областей немедленно ознакомиться с работой юридических школ и курсов и помочь им в налаживании их работы и в создании для них необходимых условий в деле подбора преподавателей, снабжения для преподавания материалами прокурорской практики, организации производственной практики и т. п. Эти мероприятия проводить по согласованию с председателями краевых и областных судов и Наркомюстами союзных и автономных республик.

2. Предоставить работникам прокуратуры, могущим вести преподавание правовых дисциплин, фактическую возможность вести преподавание в юридических школах и курсах в соответствии с учебным планом и графиком занятий, не допуская срывов занятий и обеспечивая необходимые условия для подготовки их к занятиям.

3. В целях создания устойчивых кадров преподавателей юридических школ и курсов, прокурорам союзных и автономных республик, краев и областей немедленно провести учет тех работников прокуратуры, которые имеют подготовку и опыт, необходимые для преподавания правовых дисциплин на надлежащем теоретическом уровне, собрав в отношении их все данные об их общем и юридическом образовании и все иные данные, характеризующие их подготовленность к преподавательской работе.

Список этих работников с приложением всех указанных выше данных представить в Прокуратуру СССР не позднее 1 августа с. г. лично на мое имя, имея в виду, что в течение августа-сентября с. г. предполагается провести в Москве с указанными товарищами специальную конференцию по вопросам методики преподавания.

Прокурор Союза ССР А. Вышинский

24 июня 1938 г.

№ 723.

ИЗДАТЕЛЬ: Юридическое издательство НКЮ СССР

Ответственный редактор А. Я. ВЫШИНСКИЙ

Рукопись поступила в издательство 23/VII 1938 г.

Сдано в производство 26/VII 1938 г.

Печатаемо и печать 31/VIII 1938 г. 7 п. л. 17,94 авт. л. Формат 70×106 Ю—4п.; № 534. В одном бум. л. 231.000 экз.

Адрес издательства: Москва, Красная площадь, здание Б. ГУМ, пом. 28. Технический редактор Н. Рушковский.

Уполномоч. Главлита РСФСР № В-49349

Зак. № 895

Тираж 23600 экз.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Пять лет Прокуратуры Союза ССР	1
А. Рахлин — «Главная Военная Прокуратура за 5 лет существования Прокуратуры СССР»	4
Б. Шавер — «Методическая работа в области следствия Прокуратуры Союза ССР»	9
С. Березовская, А. Ленский, З. Троицкая — Состояние и перспективы общего надзора	14
С. Шарлэт — Прокуратура в борьбе за транспорт	20
Туманов — Итоги выборов в Верховные Советы союзных и автономных республик	22
З. Троицкая — Участие органов прокуратуры в избирательной кампании по выборам в Верховные Советы союзных и автономных республик	28
Голозанов, Рахунов — Аттестование прокуроров и наши задачи	30
Б. Шавер — В борьбе за счастливое материнство	35
Г. Свердлов — Заметки о делах семейных	40
В. Бэшко — Адаптивная обязанность детей в отношении их родителей	46
М. Шаргородский — Аналогия в истории уголовного права и в советском уголовном праве	50
М. Красильников — К вопросу о принципах действия советского социального уголовного закона в пространстве	61
Асский — Нужно дать хорошие учебники	64
В. Тадевосян — О жалобах трудящихся и о юридической помощи населению	69
Судебно-надзорная практика Прокуратуры Союза	71
Всебелорусское прокурорское совещание	80
Всесоюзное совещание по вопросам юридического образования	99
Библиография	102
Официальный отдел	107